

Жак Каматт
Возникновение Номо Gemeinwesen
(ч. I-III)

Ситуация в лоне одного процесса

Ориентировочные тезисы

«Этап, который начался в 1975-м, лучше всего характеризуется нашим утверждением, что "надо покинуть этот мир". Нам кажется, что то, что мы этим выразили, более или менее осознают также и другие. Значит, это не является только личным утверждением». (*Vers la communauté humaine*, Invariance, III серия, №3, стр. 28, апрель 1976).

«Так мы приходим к точке пересечения двух движений: движения жизни, которое, через человеческий вид борется с феноменом, ставящим её под вопрос, препятствующим её развитию, и движения фрагментации представления, которое не позволяет человеку позиционироваться по отношению к другим людям и к окружающему миру. На мировом уровне мы живем, словно в эпоху Страшного Суда, когда всё, что было в прошлом, восстаёт вновь, чтобы предстать перед настоящим, перед временем действия, которое следует предпринять, скачка, который следует совершить, большой конфронтации с человеческими возможностями, с нашим потенциальным становлением». (*Mai-Juin 1968: Le Dévoilement*, Invariance, III серия, № 5-6, стр.16, апрель 1977)

«Мы подошли к краю крупного исторического периода, начавшегося с появления греческих городов: мы подошли к концу капитала...» (*Le temps des lamentations*, Invariance, III серия, приложение к июльскому номеру 1979)

«При реализации человеческого проекта: гарантировать себе безопасность, капитал пришёл к полному антропоморфозу и над ним нависла потенциальная смерть, потому что, лишая всё субстанции, он одновременно обременяет субстанцией самого себя». (*L'Écho du temps*, Invariance, III серия, №7, стр.6, февраль 1980)

Краткое содержание I части:

- 1 – О жизни;
- 2 – Обретение вертикального положения;
- 3 – Внутриутробное развитие;
- 4 – Речь – Миф;
- 5 – Огонь;
- 6 – Воображение

1 - О ЖИЗНИ

1.1. Процесс, о котором пойдёт речь, является плодом тысячелетних блужданий, плодом появления общности капитала, которую нельзя понять без осознания становления последнего.

Цитаты, приведённые выше должны в целом обозначить отправную точку процесса исследования этого мира и ухода из него. Это не повторение всех вопросов, поднятых или не поднятых журналом *Invariance*, вопросов, которые могут обладать своим значением, речь пойдёт скорее об осознании становления путём суммирования результатов нескольких подходов и попытки уточнить на каком этапе мы находимся в этот экстраординарный период, который можно назвать периодом крупной мутации, чьи результаты проявятся лишь через несколько лет.

С непосредственной точки зрения, эти тезисы являются заключением к тезисам «*La séparation nécessaire et l'immense refus*» 1979, «*Le temps des lamentations*», 1980, «*Emergenza*», 1980, «*A propos de Sartre: de la validité de l'être*», 1980, и в меньшей мере «*Paul Rassinier et le mouvement prolétarien*», 1982, которые можно было бы назвать как в немецком переводе: «*Исчезновение антифашистского мифа*». Они являются продолжением «*Thèses provisoires*» 1973 г.

Для того чтобы понять оба эти утверждения (конец феномена капитала и уход из этого мира) необходимо указать точно на некоторые результаты наших предыдущих исследований. Эти результаты являются выражением позиции по отношению к реализации феномена капитала и становлению вида в его исторической перспективе, т.е. к феномену гоминизации, становлению человека в природе.

Данные уточнения, как и предыдущие работы, опубликованные в журнале *Invariance*, являются не результатом позиции, занятой по отношению к конкретной, удушающей реальности, а плодом теории, предвосхищения, предвидения. Конкретным, ощутимым здесь является осознание биологической потребности покончить с этим проклятым миром; наше осознание становления проистекает из практических потребностей.

1.2. Мы живём в момент большого разрыва. Как я уже говорил в 1969-м¹, когда речь шла об осознании движения мая 68, основным смыслом изучения человеческого становления является получение представления о моментах разрыва, потому что именно в эти моменты проявляются различные новые возможности; именно в эти моменты происходят фундаментальные расколы, на основе которых человечество выстраивает свои новые представления.

Мы подошли к моменту катастрофы. Этот термин нам особенно нравится, потому что он обозначает разрыв, крах всего, что было прежде... Он обозначает собой то, чего желали такие люди как Маркс и Бордига. Катастрофой, которую они предвидели, было исчезновение капитала, единственное событие, которое могло бы привести к зарождению коммунизма.

¹ Ср. *Invariance*, I серия, n° 6, 1969: "Вводные тезисы"

Концепция катастрофы подразумевает ограничение. В наши дни существует теория катастроф² – согласно которой при катастрофах происходит преодоление ограничений, представленных поверхностями, мембранами и т.д. В биологии тоже мембрана клетки или кожа млекопитающего, например, становится ограничением для содержания клетки или содержания млекопитающего, ограничением, подразумевающим данную форму. Если через посредство биологических отклонений, происходит преодоление этих ограничений, это становится катастрофой для предыдущей формы; это значит, что катастрофа не является абсолютным: тотальным уничтожением. Она является таковой лишь для одной определённой модальности бытия. В данном смысле трансформация является серией катастроф. При реальном господстве капитала автономизируется форма. Этот феномен выходит за свои рамки (капитал освобождается от своих ограничений), ускользает; но при этом происходит фундаментальный разрыв: его потенциальная смерть.

1.3. Для того чтобы понять эту катастрофу, потенциал и травмы, которые она принесёт, надо изучить предыдущие моменты крупных разрывов. Поскольку исторический подход уже не является достаточным, мы набросаем диахронический этюд антропогенеза, не только для изучения этих моментов разрыва, но и для установления травм, перенесённых видом, из-за которых он может продолжать своё становление только благодаря процессу восстановления биологического равновесия, который, на определённом этапе, маскировался культурными практиками, но теперь, поскольку последние стали неэффективными, вновь проявляет биологическое измерение нашего развития. Сложность реализации этого восстановления вследствие приручения нашего вида определяет серьёзность нынешней ситуации. Касаясь данного биологического измерения, нельзя забывать, что культура является продуктом природы, что она не является специфически человеческим атрибутом и, что, кроме того, феномен жизни реализует т.н. рефлексивность не только в человеческом виде, но и в других видах. Вот почему у различных животных обнаруживают орудия, системы связи.

Для того чтобы понять возникновение человека, нам следует отталкиваться от гипотезы о том, что реализуется с его возникновением. Её можно сформулировать следующим образом: реализация рефлексивности и тенденция к более сильному союзу с другими членами вида показывают сильнейшую потребность в связях, присутствующую уже у приматов и возможно компенсирующую у них способность к рефлексивности, с которой появляется возможность разделения.

1.4. Если рассматривать антропогенез с точки зрения процесса жизни в целом, необходимо равным образом изучать моменты нарушения неразрывности, происходившие из-за геологических или космических феноменов, нарушавших существовавший в мире баланс, заставляя мир подключать феномены восстановления равновесия. Некоторые новые формы жизни произошли из этих нарушений равновесия. Переход от одноклеточной к

² Ясно, что мы здесь исходим из автономной рефлексии, связанной с бордигистским подходом к данному вопросу. Это изучение катастроф следует расширить путём ссылки на работы Рене Тома, который представляет определённую трудность со своими весьма малопонятными математическими обоснованиями, которые мы не будем рассматривать в данной сноске.

Р. Тома часто использует концепцию хищничества, в связи с охотничьей деятельностью, чтобы объяснить различные феномены, он отмечает: «В хищничестве, мы постоянно пытаемся восстановить первобытное единство». Но неужели все люди утверждают собственную реальность через охоту?

Следует отметить близость Р.Тома к Кастанеде, для которого охота также является парадигматической деятельностью.

многоклеточной жизни, возможно, произошёл из-за адаптации к условиям жизни, ставшим чересчур трудными для простой клетки, наверняка, нечто заставило появиться многоклеточные и метафиты, в то время, когда феномен жизни уже существовал на уровне клетки. Почему феномен жизни перешёл к многоклеточной форме? Оправдание этому можно найти апостериори: это появление рефлексивности. Объяснить же это можно действием постоянной тенденции к объединению.

Под давлением катастрофических событий³ произошедших из-за нарушений равновесия, различные элементы начали воссоединяться и формировать клетки: митохондрии и хлоропласты сформировались из древних бактерий. Под влиянием этих событий клетки вынуждены были объединяться, для того чтобы сопротивляться враждебной среде. В начале многоклеточная стадия могла стать переходной, потом она сама стала живым существом (это один из первых примеров педоморфоза или ювенализации); восстановление равновесия начинается с появления сексуальности и, переходной на этот раз, одноклеточной стадии. Гаметы, как основные действующие лица на данной стадии, неизбежно должны были объединиться⁴.

В лоне феномена жизни, происходили разрывы и разделения, которые преодолевались путём новых объединений. Вот почему теория Дарвина (и его аватаров), основанная на сепаратистском видении, не может быть полным отражением феномена жизни. Если существует конкуренция, существует и взаимопомощь (Кропоткин).

1.5. Начальный момент антропогенеза можно считать эквивалентным нарушению равновесия в феномене жизни. Фактически, она развилась в экстенсивной манере (в течение отдельных геологических периодов, таких как конец пред-кембрийского и четвертичного периодов), при постоянном проявлении тенденции к появлению рефлексивных существ. Как только жизнь охватила собой всю планету, её процесс начал встречаться с препятствиями. С тех пор, путь к интенсивному развитию рефлексивной тенденции стал единственным. Это началось в конце третичного периода, с появлением новых существ, животных с вертикальным положением.

1.6. Для того чтобы лучше понять ситуацию вида, важно дать характеристику самой жизни, отвергнув разделение между живой, одушевлённой и инертной материей. У них есть общее и различия. Различия, понятно, начинают проявляться на определённой стадии феномена жизни, но не в самом начале. Можно также предположить, что жизнь появилась спонтанно около трёх миллиардов лет назад, может больше, и что она характеризуется изоляцией

³ При геологических катастрофах происходит исчезновение растительных и животных видов. Они связаны с формированием горных цепей, которое сегодня объясняют при помощи теории литосферных плит. Формирование гор провоцирует отступление моря, оказывая влияние на формы жизни и климат, потому что существует связь между формированием гор и периодами оледенения. Одним из его последствий является уничтожение континентальных лесов, вызывающее переход от известняковой к глинистой, кремнистой почве, параллельно со сменой многоклеточных с известняковым скелетом животными с кремнистым скелетом.

Кажется, что отношения между животными и растениями различаются из-за их минеральных составляющих: первые связаны с известняком, вторые, через почву, с кремнием. Однако существуют животные с поведением более близким к растениям, как вышеупомянутые многоклеточные с кремнистым скелетом или губки с кремнистыми иглами.

На эволюцию последних важное влияние оказал ещё один геологический и климатический феномен. В конце эоценового периода (начало третичного) Европа претерпела климатическую перемену, перейдя от перманентной жары и влажности к сезонному климату; с появлением сухого сезона уменьшился лес, спровоцировав отступление различных приматов в более жаркие зоны, в то время как другие адаптировались к новым условиям жизни, приобретя мозговые способности, позволившие им адаптироваться. (ср. Yves Sorens: *Le singe, l'Afrique et l'homme*, pp. 54-55).

⁴ Половое размножение изначально также является процессом усовершенствования сопротивления враждебным условиям окружающей среды, позволяющим выжить определённому виду.

континуума, который преобразует всё вокруг себя, для того чтобы увековечить себя. На этом уровне самым важным элементом являются мембраны, сохраняющиеся вплоть до наших дней, выполняющие защитные и разделительные функции.

Эта изоляция в результате своего долгого развития приводит к появлению клеточного существа, которое реализуется благодаря важнейшей функции питания-ассимиляции-присвоения, оно интегрирует ради собственного становления, как на видовом, так и на индивидуальном плане.

Превращения различных живых форм друг в друга приводят к крайним различиям между живыми существами, которые можно изучать исходя из различных способов организации видов (нечто вроде логики жизни), а также интегрируя позицию Ламарка для которого жизнь является творцом и который думает, что усилие по реализации чего-либо является определяющим в его становлении⁵.

В том, что касается адаптации, верно то, что «присвоение ярлыка адаптации к органу, обладающему определённой функцией не соответствует реальности, адаптация – это и есть организация. Адаптация просто соответствует определённому отношению к организации живого существа; в его функциональных отношениях или в его отношениях с внешней средой или окружающими его существами. В этом смысле можно сказать, что проблема адаптации является лишь проблемой генезиса организации в её функциональном аспекте». (A. Vandel "L'homme et l'évolution")

Изучать адаптацию значит изучать поведение вида, его отношения со средой. Важнее всего не то, что обозначает название адаптации, а поведение вида, интегрирующегося в определённую среду и стремящегося, подчиняясь её потребностям и овладевая ими, полностью реализовать свои возможности⁶. Следует отметить феномен возникновения живого существа из своей среды и его погружённость в неё, которые в нашем исследовании будут не отделяться, а формировать синергическую общность; тем самым мы отрицаем разделение между живой и инертной материей, а также между внутренним и внешним⁷.

Кроме того, следует иметь в виду весь живой мир. Большую часть времени, учёные, занимающиеся преобразованиями, которые перенесла жизнь (то, что они называют эволюцией) или, тем более, возникновением человека, игнорируют растительный мир. Забывать о существовании последнего значит замалчивать разрыв с природой и не понимать того, что реализовалось в формах растительной жизни. Неужели их становление настолько абсолютно отличается от становления животных и человека? Неужели феномен жизни обладает обязательным дуализмом, из-за которого мы не можем участвовать в жизни растений?

⁵ Мне кажется, что понятие об усилении обладает очень важным значением в теории Ламарка, для которого адаптация и трансформация осуществляются не пассивным живым существом, в отличие от многих других теорий, начиная с Дарвина.

⁶ Мне кажется, что понятие об усилении обладает очень важным значением в теории Ламарка, для которого адаптация и трансформация осуществляются не пассивным живым существом, в отличие от многих других теорий, начиная с Дарвина.

⁷ Термин биология был создан в 1902 г. (Тревинранус и Ж.Б. Ламарк). Концепция биологии была невозможной до зарождения клеточной теории (первая формулировка: Окен в 1805) и теории о превращениях (Ж.Б. Ламарк, 1806). В свою очередь эти две теории появились потому что было доказано, что: 1. существует различие между живым и неодушевлённым мирами: неодушевлённое не может порождать одушевлённое; 2. существует неразрывная связь между живыми существами: любое живое существо происходит от другого живого существа.

1.7 «С самого возникновения живых существ, их функциональная организация подразумевала очень высокую, гармоничную координацию между органами, обеспечивающими взаимодействие со средой, которые информируют это существо, хватательными органами, которые обеспечивали ему добывание пищи и двигательный аппарат, который позволял ему исследовать внешнюю среду». Леруа-Гуран "Нить времён", Изд. Fayard, стр.122)

«Вот почему передвижение будет рассматриваться здесь в качестве основополагающего фактора биологической эволюции, точно так же как в третьей части оно будет рассматриваться в качестве основополагающего фактора нынешней социальной эволюции». Леруа-Гуран «Жест и слово – Техника и речь», Изд. Albin-Michel, стр. 42)

К этим двум утверждениям Леруа-Гурана можно добавить некоторые размышления для объяснения динамики обретения вертикального положения и его значения.

Следует равным образом не упускать из вида воспроизводство – начиная с момента его автономизации от простой ассимиляции – как функции, играющей фундаментальную роль в интеграции вида в среде, а также связывающей его с космосом и другими живыми существами.

Кроме того, как я уже утверждал, живые существа не пассивны; они совершают вмешательства в свою окружающую среду, как это показывает Леруа-Гуран, который, однако, при этом не проследивает последствий этого. Для него вмешательство, это «физико-химическая эксплуатация материи», которая «осуществляется уже в течение миллиарда лет частью живых существ, находящихся в поисках осознанного контакта».

«В этих поисках решается вся эволюция, т.к. духовность, как философское и научное исследование является вершиной поисков этого контакта». («Жест и слово – Техника и речь», стр.86)

На мой взгляд, именно динамика вмешательства становится в возрастающей мере решающим фактором по мере становления живых существ и направляет данный поиск контакта (к которому мы вернёмся), о котором говорит Леруа-Гуран. Она с самого начала действует в среде, которая не воспринимается как разделённая (нет ни внутреннего, ни внешнего), затем, на человеческом уровне, она реализуется в рамках автономизации, происходящей из-за разделения, связанного с возникновением человека.

Для осуществления вмешательства надо, чтобы живое существо обладало представлением о себе самом и о своей среде.

«Цитируя Дж.З. Янга, организм постепенно становится всё более и более совершенным представлением о своей окружающей среде». (Ж.П. Шанжэ: «De la molécule au cerveau», Le Débat N° 20).

Отсюда становится ясной экстраординарная сложность мозга и его способность представлять огромную окружающую среду: весь космос, но также интериоризированное окружение, человеческую среду, то, что человеческий вид обладает способностью вмешательства, несравнимой с другими видами. Эта способность автономизируется в форме обобщённой терапии и будет действовать в качестве функции балансировки.

В своём труде Леруа-Гуран говорит о серии освобождений. В другом месте мы продемонстрировали, что освобождение может приводить к тотальной автономизации. Вот почему каждый раз следует уточнять зачем, для чего происходит освобождение; т.е. каждый раз снова встаёт вопрос балансировки тотальности живого существа, как только завершается освобождение.

Это очень важно, поскольку становление жизни характеризуется двумя взаимодополняющими тенденциями: фрагментацией, подразумевающей разрывы, и объединением, подразумевающим неразрывность (или её реформу); то есть оно является одновременно разорванным и неразрывным. Для того чтобы происходило гармоничное развитие, необходим баланс между функциями непрерывности и прерывания. В качестве примера отношений между этими двумя последними элементами, можно упомянуть возникновение человеческого вида в лоне жизни и индивидуальности в лоне вида. Эти два феномена схожи, при всём различии их механизмов, они на деле находятся в неразрывной связи, и даже разделение во времени решает мало, потому что именно в лоне антропогенеза появляются предпосылки для появления индивидуальности. Их нынешнее разъединение провоцирует крупный кризис, в котором находится человеческий вид и феномен жизни. Изучение этих функций неразрывности и разделения может быть плодотворным, только если оно происходит в связи с изучением вариаций окружающей среды в результате геологической эволюции.

Если учесть все эти замечания, становится понятным, что жизнь характеризуется феноменом вмешательства и остаётся континуумом благодаря ему.

2 - Обретение вертикального положения

2.1. Понимание возникновения человеческого вида и его отношений с различными антропоидами подразумевает понимание того большого значения, которым обладает обретение вертикального положения для феномена жизни. Это не просто характерная черта нашего вида, как чаще всего думают. Приобретение вертикального положения стало основой нового вида и открыло огромное поле возможностей для жизни. По своему значению это соответствует появлению млекопитающих или рептилий, т.е. речь идёт не просто о микроэволюции (формировании вида) – выражаясь на научном жаргоне – но о макроэволюции⁸.

С приобретением вертикального положения начинается формирование самых разных видов в зависимости от окружающей среды, в которой развивается новый вид. В этом феномене переплетаются сходства и различие, и даже регресс в той мере, в какой животные

⁸ Изучать возникновение человека значит изучать весь процесс жизни в его единстве и разнообразии. Например, говорить о кениапитеке, т.е. о «кенийской обезьяне», как о животном жившем от 10 до 7 миллионов лет до н.э. кажется нам отклонением. Если относить это существо к линии обезьян, то лучше было бы называть его кениапрепитеком.

К тому же его вполне можно отнести к человеческой линии, хотя бы из-за того факта, что были найдены орудия, которыми пользовалось это ископаемое. Это наименование подразумевает, что человек произошёл от обезьяны.

Однако это предположение не избавляет нас от трудностей, потому что в наше время рассматривается гипотеза о том, что человек вовсе не является последним живым существом, что, напротив, «обезьяна» произошла от человека!

возвращаются в свою изначальную среду, покидание которой было одной из причин приобретения вертикального положения.

Это положение не могло появиться у отдельного существа. Ясно, что оно появилось у группы приматов, которые, судя по множеству признаков, были примитивными позвоночными. Однако кроме обычных основных свойств млекопитающих, таких как теплокровность, живорождение, лактация, они обладали также передним бинокулярным зрением и усовершенствованным слухом, очень важными для приобретения вертикального положения характеристиками, благодаря которым все эти функции обрели связь между собой и импульс к новой динамике.

2.2 Решающим элементом в приобретении вертикального положения должен был быть элемент, действовавший в момент становления этого феномена, как рождения нового вида, как это происходит и сейчас. Тогда, в начале речь шла о новом приобретении, в то время как сейчас речь идёт о самой модальности бытия, что проявляется в своеобразном поведении. Этим определяющим элементом является воля к вмешательству в окружающий мир, которую нельзя свести к простому ручному действию, поскольку она подразумевает вмешательство всего организма: хватательное действие.

Тенденция к автономизации хватательного действия, направленного на облегчение вмешательства в окружающий мир, для извлечения максимума субстанции и её модификации (следует отметить одну вариацию, источник нового представления: во время своего привычного передвижения, живое существо перемещается в окружающем мире, в момент хватательного действия приводится в движение сам окружающий мир) является тенденцией, распространённой среди различных групп млекопитающих, в частности среди приматов.

Очевидно, что это основное средство для их последующего становления – скелет позвоночных является реализацией вертикального положения. Именно рука, то есть передняя конечность у животных с горизонтальным положением и верхняя конечность у животных с вертикальным положением или на двух ногах – освобождается от движения. Так реализуется глубочайшая тенденция феномена жизни, характеризующая его с самого появления: вмешательство в окружающий мир и стремления организовать этот мир, чтобы лучше позиционироваться в нём, во вселенной.

Изобретение орудия не является последствием освобождения руки, нельзя утверждать, что орудие является её удлинением, что рука появилась из-за постоянного использования орудий. Хватательные функции, которые выполняли зубы, перешли к руке, а технические функции зубов стало выполнять орудие.

«(...) орудие является как бы эволюционным выделением человека. (...) Схожее, даже ещё более сильное, впечатление создаётся при анализе технического действия, которое буквально возникло из зубов и ногтей примата». (Леруа-Гуран: Жест и слово – Память и ритмы, стр. 40-41).

«В предыдущих главах мы подошли к идее орудия как самого настоящего физического выделения тела и мозга антропоидов». (Леруа-Гуран: «Жест и слово – Техника и речь», стр.132)

2.3. Вертикальное положение реализуется в конце третичного периода в различных линиях приматов, останки некоторых из которых сохранились - ореопитек, кениапитек и т.д. Временную последовательность их происхождения проследить трудно, и это не обладает первостепенной важностью. Важно отметить, что когда констатируется климатическое изменение, происходит появление существ, образующих новый вид.

В гоминизации и антропогенезе можно выделить четыре момента. Первый – это миоцен, период высыхания, вынудившего часть предков человека оставить жизнь на деревьях, что привело к утверждению вертикального положения и его повсеместному распространению. Второй момент был также периодом высыхания из-за образования Африканского рифта: «Долина рифта, уходя вниз, нарушила поднятием своих краёв, режим осадков; запад остался покрытым ими, в то время как на востоке лес сократился, и его ландшафт обнажился. «Западные» люди остались в лесистом и влажном окружении, поддерживая и улучшая эту адаптацию к жизни одновременно на земле и на деревьях. Сочетание крупного излома и прогрессирующих климатических изменений постепенно заставило «восточных» людей адаптироваться ко всё более и более сухой и открытой местности». (Ив Коппен: «Обезьяна, Африка и человек» Изд. Fayard, стр.114)

Третьим моментом стало напротив похолодание в конце третичного и, особенно в начале четвертичного периода, что привело к изменению режима питания у *Homo erectus*, которое ещё больше усиливалось затем во время оледенений, которые пережил *Homo sapiens neanderthalensis* и *Homo sapiens sapiens*, перешедшие к диете, состоявшей в основном из мяса. Наконец четвертым моментом стало потепление, произошедшее от 9 000 до 10 000 лет назад, в неолите, вызвав отступление северных лесов, исчезновение дичи и, отсюда, потребность в новом питании, которое гарантировали посеянные злаки. В то же время, скотоводство можно считать прямым ответом на исчезновение добычи. Климатические изменения сыграли важную роль для демографических феноменов, их последствия в сочетании оказали эволюционное воздействие на вид.

В магдаленский период, появилась масса дичи, произошло нечто вроде «демографического взрыва», который позже поставит в опасность становление человечества, когда эти пищевые ресурсы сократятся во время таяния ледников. Решением станет одомашнивание животных (скотоводство) и растений (сельское хозяйство).

Следует отметить, что неолит на Западе развился в очень жарких местах, таких как Ближний Восток и что в тёплые времена (от 4 000 до 3 000 лет назад) климат в северных регионах был более мягким.

Климатические изменения оказали огромное влияние на историю нашего вида. Фактически, можно предположить, что крупные миграции происходили не столько из-за демографических феноменов, сколько из-за местного высыхания, заставлявшего отправляться на поиски более сытных мест. Эти миграции часто исходили с севера, где климатические изменения временами вызывали охлаждение, делавшее эти зоны непригодными для жизни: вторжения из Швеции и с берегов Балтики, происходившие от 2 000 до 2 400 лет назад были вызваны этим. Миграция гуннов около 2 000 лет назад была вызвана высыханием степей Центральной Азии.

В XI-XII вв. сложился некий оптимум (когда Гренландия была ещё Зелёной страной = Greenland), вызвавший первое Возрождение в Западной Европе, ставшее первым импульсом для зарождавшейся буржуазии.

Напротив, в XVII веке произошло небольшое оледенение, затормозившее развитие, начавшееся в XVI-м. Лишь в конце XVIII-го смог произойти подъём, сделавший возможной аграрную революцию, ставшую отправной точкой для развития капитала и его формального господства.

За много лет до того как европейцы распространились по всему свету, захватив себе большую часть земли, человеческий вид точно так же захватывал планету, распространяясь на максимальном уровне.

В настоящее время происходят флуктуации, чей смысл ещё нельзя понять. Тем не менее, нельзя исключать возможность глобального климатического изменения, которое будет тем более мощным из-за того, что равновесие биосферы было полностью нарушено нашим видом, который преодолевал различные кризисы, становившиеся последствием демографического роста и уменьшения количества пищи, не сокращая демографию, но выискивая необходимые ресурсы путём производства, повлекшего новый рост населения. Отсюда его нынешний чрезмерный рост, ставший помехой для других живых видов. Может произойти такая катастрофа, которая позволит виду осознать, что он должен оставить своё экстенсивное развитие, сменив его на интенсивное, чтобы достичь того, к чему он стремится: рефлексивности, являющейся потребностью жизни в её тотальности; и тогда наш вид сможет играть роль обратной связи в процессе жизни.

2.4. Также около пяти миллионов лет назад появилось животное с более или менее совершенным вертикальным положением, с укороченной мордой в связи со снижением обонятельной функции и с уменьшенным количеством зубов, которые начали утрачивать своё первостепенное значение. Всё это привело к появлению лица, получившего ещё одну важную функцию у обезьян: выражение эмоций благодаря лицевому языку.

Можно сказать, что с этого времени начал реализоваться феномен гоминизации; это был момент возникновения *Homo*, потому что это существо обладало всеми самыми важными характеристиками современного *Homo sapiens*. Именно: 1. вертикальным положением, разблокировавшим всю затылочную часть мозга; 2. снижением значения зубов, в частности, клыков, приведшим к исчезновению механических ограничений в передней части черепа, освободив развитие в данной части мозга (феномен, кульминацией которого стало формирование предлобовых долей).

Таким образом, под термином *Homo* можно сгруппировать все существа, появившиеся в тот момент; в число которых следует включить австралантропов. Леруа-Гуран уже отделил их от линии более или менее обезьяноподобных, дав им имя австралопитеков. Мы пойдём ещё дальше и процитируем подтверждение этой нашей позиции наблюдением Ива Копена: «...В целом эта организация, характерная для человека, в противоположность крупным обезьянам, была уже практически установлена у австралопитеков и возможно даже у пред-австралопитеков». (*Commencement de l'homme, Le Débat, No2, 1982, p.45*).

2.5. Обретение вертикального положения и начало использования орудий не следовали друг за другом. Они совпали во времени, иначе они не привели бы к хватательному движению. Это означает, что виды, обретшие более или менее вертикальное положение, были видами, также обладавшими способностью использовать орудия и производить их. Это объясняет находки орудий, сохранившихся из эпох, задолго предшествовавших виду *Homo*, но позиционирующихся в перспективе его становления, например, у кениапитеков и рамапитеков.

Во время обретения этого положения, был пройден ещё один очень важный этап: начало постоянного использования орудий, следствием которого стало начало производства орудий, таких как оббитая галька, рубило, которые были не просто орудиями для немедленного использования, их следовало изготавливать заранее. Они позволили усовершенствовать и изготовление орудий для немедленного использования, т.е. тех, что сразу входили в контакт с материей. В то же время, они указывают на изменение происхождения используемых

материалов: происходит переход от биосферы к литосфере; это изменение будет расширяться по мере человеческого становления и будет отражаться на представлениях вида о самом себе и на его поведении в отношении остальной биосферы.

То, что называют орудием, например, оббитая галька, является синтезом предыдущих орудий.

Точно так же речь не является просто следствием роста способностей мозга и производства орудий; она появилась вместе с ними, это ещё один вид реализации более эффективной связи с окружающим миром и ещё одно выражение необходимости вмешательства (связанного с хватательным движением). Он также стал синтезом, благодаря которому вмешательство стало более эффективным, изменив характер каждого волевого действия. Он подразумевает возможность не реагировать на воздействие окружающей среды сразу же, а предпринимать ответное действие в любой другой момент, определяемый по размышлению, которое является процессом внутреннего исследования различных возможностей в целях нахождения наиболее адекватного ответа. Действие можно отделить от других элементов, присущих человеческой группе, а возможности вмешательства значительно возрастают. Речь является изобретением именно человеческого вида.

Вертикальное положение, увеличившее возможности хватательного действия и вмешательства, стало причиной всевозможных разделений, при реализации которых произошли серьёзные нарушения природного равновесия, и вид перенёс различные травмы, отметившие собой его становление. Вследствие этого, необходимой стала реализация средства установления нового равновесия, излечивавшего последствия разделений: осязания. Если таким образом тенденция к обретению вертикального положения неотделима от начала использования орудий и появления речи, ясно, что в общей картине, именно первое стало причиной появления двух остальных, поскольку, обеспечив развитие мозга, оно позволило развиваться органу, ставшему причиной большего развития двух других феноменов и, что ещё более важно, стало средством их объединения, что в свою очередь, сказалось на осязании, становившемся в возрастающей мере рефлексивным, а не просто непосредственным, по мере реализации различных видов ретроактивности.

Рука, как рефлексивный орган осязания, должна находиться в связи с мозгом и с потребностью в восприятии, как ведущем компоненте феномена вмешательства вида в окружающий мир, его поведения в динамике отделения от природы. Это представление появляется в ходе возникновения и развития человека.

2.6. Рука, освобождаясь, позволяет хватательному движению реализоваться в технической деятельности и в движении. Первое происходит в ходе антропогенеза, связанного с выходом из леса, в то время как второе, напротив, подразумевает жизнь на деревьях, как у лемуров, плосконосых и узконосых обезьян, а также, в менее развитом виде, у шимпанзе и, ещё меньше, у горилл, у которых она становится второстепенным приобретением, связанным с возвращением в лес. В случае с человеком, хватательное движение позволяет ему, к примеру, карабкаться по деревьям и скалам⁹.

Важно то, что она становится органом исследования путём сдвигания предметов и их контактов, что позволяет задействовать представление и использовать симуляцию. Кроме того, она является органом извлечения, разделения окружающей среды, открывая

⁹ В последние несколько лет тело вновь начинает приобретать ценность. Это процесс приведения к равновесию, потому что в прошлом существовал разрыв между телом и духом, причём последнему отдавалось предпочтение.

возможность группировать и комбинировать её по-новому. Всё это происходит в динамике ассимиляции, в которой рука заменяет рот, и в которой хватание в конечном итоге приводит к обладанию, а возможность разделять приводит к способности завладения вещами. Так из дарящего органа, она превращается в орган расхищения.

Таково техническое и интеллектуальное измерение руки, обладающее фундаментальным значением для вмешательства и представления, но она обладает и другим, можно сказать, аффективным измерением: она повышает возможность союза, контакта между представителями общины, чьё единство усиливается; она является органом ласки и дарения в его простом и чистом смысле. Феномен дара, без абсолютно необходимой для вида взаимопомощи, не смог бы развиваться, если бы не вертикальное положение, которое, сделав юного человека более хрупким, сделало его более зависимым, в т.ч. от матери, на определённом этапе становления вида. Благодаря дарительному измерению руки, произошла компенсация и обретение нового природного равновесия в процессе становления. Человеческий вид, это вид предлагающий...

2.7. Орудие принадлежит не руке индивидуального существа, использующего его, а общине; при его передаче от одного индивида к другому не происходит разделения. Тем не менее, поскольку она не прикреплена к руке органически; появляется возможность разделения, так начинается генезис индивида. Однако последний может появиться лишь в социальной среде. «Можно сказать, что у архантропов орудие оставалось в большой мере прямой эманацией определённого поведения. Индивидуальный интеллект, конечно, играет в этом определённую роль, но когда рассматриваешь два рубила, одно аббевильское, другое ашельское, нельзя избежать чувства, что в течение нескольких сотен тысяч лет, в видообразующей цепи появилось очень мало гениальных архантропов, которые модифицировали бы производственные стереотипы» (Леруа-Гуран: Жест и слово –Техника и речь, стр. 140) Вначале орудия были лишь заменой зубов, затем они автономизировались, сформировали иную систему, и отсюда началось интенсивное развитие. Синтетическое орудие, о котором мы говорили, стало источником орудий. Точно так же, вначале, будучи органической эманацией, оно моделировалось по образу и подобию органа, который оно призвано было замещать (например: молоток = кисть + кулак). Такова основа миметического феномена: копирование того, что было животным или растительным; что соответствует приобретению элементов, которыми человек изначально не располагал, как если бы у него была тенденция возмещать иным, оригинальным способом, то, что было утрачено в ходе становления. В конце концов, встаёт вопрос о производстве новых предметов, неизвестных природе.

С тех пор в эволюции человеческого вида происходит кардинальное изменение: она происходит при помощи использования внешних, а не внутренних элементов. Орудие это уже не орган, вроде клешни у краба. Отсюда возможно формирование целой системы, внешней для физического тела, и эта система может превратиться в организацию, так, что внешняя эволюция орудий может вступать в конфликты с внутренней эволюцией, что означает конфликты жизни с не-жизнью, в то время как первоначальной целью было организовать не-жизнь как форму жизни. В наше время мы пришли к ситуации, когда не-жизнь доминирует над жизнью и подавляет её.

Понятным становится также навязчивое развитие техники, потому что за ним скрывается страх неспособности реформировать старое единство или сформировать новое. Фактически, как объясняет Леруа-Гуран в Жесте и слове, техника является продлением жеста, а орудие является результатом встречи жеста и материи (ср. в данном случае Человек и материя, Леруа-Гуран, стр. 320). Поскольку существует овнешнение, освобождение, за ним

происходит формирование нового единства: определённого поведения человеческого существа, овладевшего орудиями. Страх неспособности воссоздать единство связан с утратой уверенности в других сферах человеческого становления, связанных в свою очередь с феноменом освобождения-разделения, которое влечёт за собой всевозможные лишения.

Неспособность в течение долгого времени воссоздать единство, возможно, является, причиной противоречия между индивидом и обществом, мешающим осуществиться любому реальному единству. Именно здесь встречается феномен капитала, как основного агента разделения, отчуждения...

Техника также является основной определяющей чертой нашего вида, поскольку она формирует две новые сферы: осознание собственного действия - метод, и единство с физическими или искусственными феноменами, служащими основой для избыточного роста населения. Её развитие породило и продолжает порождать почти неизлечимые травмы из-за отделения от природы. На данный момент, вид стремится к формированию единства-тотальности вне природы, что подразумевает развитие техники для техники. Оставаться в нём, значит довольствоваться непосредственным самоутверждением, служащим реальной основой для этого феномена.

3 - Внутритропное развитие

3.1. Обретение вертикального положения, развитие органов чувства дистанции: уха и глаза стали предпосылкой для возможностей разделения, возросших после возникновения речи и увеличения способностей мозга. Следовательно, необходим был механизм, препятствовавший этому феномену, иначе произошёл бы немедленный раскол общин. Им стала кожа, гарантировавшая поддержание союза. Кожа является органом осязания, в т.ч. его усложнённой формы, развитого контакта у приматов: «Тактильная коммуникация играет большую роль в жизни приматов. В животном порядке приматы являются контактными животными, как отмечал Харлоу». (Э. Монтагю: Кожа и осязание, Изд. Le seuil, стр.35)

Эту функцию кожи можно лучше понять, если принять во внимание тот факт, что она обладает ограничениями и что зародышевый листок, из которого она появляется, эктодерма, сам происходит из нервной системы (это феномен нейруляции: инвагинация эктодермы внутри эмбриона); отсюда, она становится отправной точкой для нервной системы и для различных других органов (это очевидно в некоторых зонах, таких как подошвы ног). Поэтому она становится самой важной поверхностью для стимуляции функций живого существа.

Для того чтобы хорошо понять роль кожи, надо принимать во внимание последствия обретения вертикального положения:

Рост объёма головы, суживание тазового отверстия; «развитие костей черепа по отношению к мембранам, содержащим его, происходит гораздо медленнее у людей, чем у обезьян в одном

и том же возрасте беременности» (idem стр.41). Для того чтобы роды были возможными без опасности для жизни женщины, человеческий зародыш должен рождаться до того, как завершится беременность. Человек при рождении является незавершённым, недоношенным существом. Вследствие этого необходим второй период беременности, внешняя беременность «Человеческая беременность относится к разряду долгих беременностей; тем не менее, вторая часть его развития происходит вне матрицы. С нашей точки зрения, беременность не заканчивается при рождении, внутриматочная беременность продлевается во внешней беременности (протекающей вне матки). Босток предложил считать концом внешней фазы беременности тот момент, когда дитя начинает ползать на четвереньках». (idem стр.43)

Для возбуждения кожи нужен орган. У большей части млекопитающих это язык: например, они лижут своё потомство; у более близких к человеку приматов и у человека это рука. Существует также полная последовательность в развитии какой-либо деятельности, облизывание заменяется манипулированием, более утончённой формой осязания¹⁰.

3.2. Во время родов на кожу новорожденного воздействует матка, после рождения это выполняет рука.

«Доктор Баррон утверждает, что кожная стимуляция à posteriori может частично компенсировать недостаток стимуляции кожи во время самого рождения". (idem стр.53) А. Монтаю так же отмечает, что: «...долгая стадия схваток у женщины, и, в первую очередь, сжимания матки, обладают важной функцией, точно так же как облизывание и уход за новорожденными у животных. Они служат развитию зародыша, чтобы обеспечить оптимальное функционирование его жизненных систем после рождения». (стр. 54-55) Здесь берёт начало важное для человека отношение между его рукой и половыми органами; их совместное функционирование не просто реализует воспроизводство, оно позволяет реализовать равновесие, позволяющее ему поддерживать связь с космосом (восстановление неразрывности).

У новорожденного такие действия, как массаж (ср., шантала у Лебуайе) или просто материнские (и отцовские) ласки стимулируют его развитие. К тому же происходит обратное действие, которую испытывает в первую очередь мать.

С палеонтологической точки зрения этот феномен ретроактивности должен был играть большую роль: поддерживать движение в сторону полного достижения вертикального положения, которое, будучи взятым само по себе, наверное казалось негативным приобретением: трудность поддержания равновесия, усталость, неспособность реализовывать некоторые важные действия на бегу, при прыжках и т.д... Кажется нормальным, что если бы в действие не вступило сочетание позитивных факторов, благоприятных для развития жизни, вертикальное положение могло бы быть достигнутым. Можно представить себе также определённый регресс, в частности, под воздействием окружающей среды. Точно так же можно понять, почему ни гориллы, ни шимпанзе не передвигаются, ни исключительно при помощи передних лап (и, следовательно, не обитают исключительно на деревьях) ни

¹⁰ Некоторые недавно изданные труды подтверждают нашу гипотезу, такие как, например, Марсель Бланк: «Генетическая история человеческого вида», журнал La Recherche №155, стр.119).

Термин двуногий неадекватен, потому что он не подразумевает вертикальное положение. Двуногими являются также птицы, некоторые игуаны и рептилии, а также кенгуру, не имеющие никакого отношения к виду Homo.

исключительно на двух ногах. Особенно важным в данном случае является положение руки ладонью кверху при перемещении.

Взаимоотношения между рукой и половыми органами позволяет нам понять необычное значение, которое приобретает сексуальность у человека, принимая функции не только воспроизводства, но также психологического равновесия, гармонизации, познания (через прикосновение), как об этом говорится в различных трактатах.

Тем не менее, сексуальность появляется далеко не сразу и не напрямую, будучи плодом процесса созревания молодого человеческого существа и взаимодействия с окружающими людьми; в онтогенезе заключается филогенез широкого поля применения, потому что он касается не только вида homo, но всего феномена жизни: сексуальность появилась много лет спустя после появления жизни.

На уровне нашего вида также является бесспорным то, что из-за наличия таких факторов, как - нарушение равновесия, подразумеваемое рождением (феномен, присущий всем млекопитающим), крайняя слабость-зависимость новорожденного и слишком большие возможности для последующей автономизации-разделения – стало необходимым, чтобы существовало некое желание, побуждение, потребность, сильное напряжение со стороны ребёнка по отношению к родителям, другим детям и взрослым. Такова функция неразрывности, преобладающей и проявляющей себя во всей своей глобальности в этих отношениях, потому что она включает в свою сферу мать, отца и других взрослых, занимающихся ребёнком. Кроме того, то, что принято называть привязанностью (нечто вроде отпечатка согласно этологам) появляется во взаимодействии между ребёнком, матерью и отцом. В отношении родителей проявляется ретроактивность, о которой мы уже говорили.

Функции кормления и удовольствия проявляются одновременно и совместно в динамике неразрывности (поиск контакта) и, в случае с удовольствием, становятся основой для сексуальности, которая поддерживает неразрывность во всей её силе в течение всей жизни человеческого существа.

Любовь является результатом процесса, в течение которого у ребёнка, матери, отца, а также, в меньшей мере, у взрослых и детей, окружающих этого ребёнка (при том, что община в наше время в своём структурном измерении сводится к нескольким людям) должны реализовываться различные феномены. Если они не реализуются должным образом, происходят фундаментальные нарушения в любви, осечки в её проявлениях у представителей разных полов...

Эти осечки в процессе формирования любви компенсируются умственной деятельностью, которая, благодаря воображению, создающему новые возможности, порождает призраки, вновь приводящие человека в равновесие¹¹.

¹¹ «Новорожденный уже проявляет потребность в контакте с матерью, поиск близости с матерью предшествует голоду». (R.Zazzo: глава *L'attachement, une théorie nouvelle sur les origines de l'affectivité*, в сборнике «*L'attachement*», изд. Delachaux et Niestlé, стр.35)

Этот же автор добавляет на стр.25: «Первый контакт всегда устанавливается с матерью, но он может также сопровождаться привязанностью к другим индивидам». Он возвращается к этому утверждению в другом тексте *L'inné et l'acquis dans les processus d'attachement* из вышеупомянутого сборника. (стр.234)

3.3. Осязание является важнейшим, первичным чувством, которым обладают различные органы, в каком-то смысле монополизирующим его, причём его роль модифицируется путём взаимодействия с другими органами; отсюда активное и пассивное осязание, моторное и сенсорное.

В процессе онтогенеза осязание в первую очередь осуществляется через рот: сначала оральность; затем приходит осязание рукой.

Два вида рефлекторной деятельности, оральная ориентация с хватанием губами, становятся двумя последовательными этапами развития копательных действий... Хватательный жест губ по отношению к соску и ареоле матери становится предтечей жеста рук, хватающих грудь, согласно Спицу это «архетип наших отношений с предметами» внешнего мира (idem, стр.82)

Губы сохраняют свою важнейшую осязательную функцию, благодаря любви, а также благодаря речи, при помощи которой осуществляется осязание на расстоянии (говорят же о трогательных словах!). Поэтому оральность является источником интенсивного наслаждения.

Также благодаря касанию рукой, происходит как бы упразднение разделения, происходящего при рождении, восстанавливающее чувство неразрывности параллельно с передачей родителями своего опыта, так что дитя становится уже не просто сегментом вида, прибавляющимся к большему сегменту, а скорее ветвью, распускающейся в момент родов.

3.4. В ходе развития человеческого существа присутствуют определяющие полюса: рот и оральность, рука и хиральность (не будем забывать смысл этого термина в химии), пол и сексуальность, мозг и мысль. Речь появляется в результате синтеза, позволяющего связать эти разные полюса, она осуществляется непосредственно через рот, но для своей полной реализации ей необходима деятельность мозга и в то же время она лучше всего выражает собой течение жизни, каковым является мысль: она должна высвободиться, для того чтобы следовать за процессом жизни.

Мы говорим о полюсах, потому что фактически мысль, например, на деле является невидимой секрецией тела, она является непосредственным выделением мозга, проявляясь в речи, замещающей собой все остальные формы выражения. Речь идёт о секреции, благодаря которой возможно установление гармонии с внешним миром, со средой.

Следует обратить особое внимание на тотипотентность органов. Она, разумеется, не является у нас настолько же сильной, как у растений, которые могут регенерироваться при помощи всего лишь нескольких клеток; но этого достаточно для градиентов. В реальности старые функции сохраняются; рот сохраняет свою хватательную функцию, кожа свою чувствительность к свету, мозг свою эндокринную функцию и т.д. Наконец, если рассматривать этот вопрос с точки зрения наслаждения, можно констатировать, что оно присутствует на уровне рта, руки, пола, а также взаимодействия

Он также утверждает вслед за Лебуайе, что: «Первые "осмысленные" улыбки появляются гораздо раньше, чем думают...» (стр.32).

Улыбка выполняет функцию контакта с матерью и отцом. Она является выражением принятия, восприимчивости и в то же время она указывает на глубокое чувство гармонии, существующее в человеке, который выражает её даже в том случае если она длится лишь миг. Она выражает волю к соответствию. В течение жизни, улыбка начинает приобретать и другие функции.

между этими органами. С одной стороны можно прийти к выводу, что мозг является тем органом, в котором отражаются различные типы наслаждения, оставаясь при этом пассивным, не порождая наслаждение самостоятельно. Но при этом нельзя забывать о наслаждении, порождаемом мыслью: в мозгу присутствуют и течка, и оргазм. Главное в этих различных моментах – это их нераздельность, поскольку даже будучи совершенными по отдельности, они не могут в изоляции друг от друга отвечать за полноту чувств испытывающего их человека. Оргазм одного лишь мозга в отрыве от других органов чувств находится ближе всего к мастурбации, оправдывающей отчуждение и автономизацию и препятствующей любому союзу. Кожу, как орган контакта, союза, следует рассматривать как часть динамики воспроизводства, обновления человеческого бытия, как процесса, в ходе которого вид наиболее эффективно самореализуется, наиболее важного процесса антропогенеза.

3.5. Большая часть физических недомоганий происходит по причине отсутствия стимуляции кожи, из-за недостатка осязания. Этот недостаток зачастую происходит из-за умышленной практики индивидуализации человеческой жизни, из-за воли к отделению от животного состояния, от природы, из-за желания независимости, автономии. Поэтому, во время воспитания ребенка, для того чтобы закалить его и сделать более мужественным к нему стремятся не прикасаться, не ласкать его, не носить на руках! Таким образом, происходит процесс нарушения неразрывности, полностью реализующийся в индивидуализации, т.е. в партикуляризации вида или, иными словами, его развития через единичность. Ясно, что появление индивидуализма является лишь гротескной карикатурой на этот процесс.

Феномен разделения становится возможным только после обретения человеком вертикального положения, но он становится реально действенным только с развитием культуры, в первую очередь, с появлением каст, классов, государства и т.д.... Государство также, представляя собой разделённую, абстрагированную общность, может выжить, только нарушая связи между своими субъектами: для того чтобы властвовать, надо разделять. Вследствие этого, все сообщества, в которых появляется государство, являются сообществами, в которых понижены сенсорные ощущения, обоняние и осязание. Кроме того, в государстве становится возможным соблюдение дистанции и недоступность некоторых индивидов (иерархия). Этот феномен наиболее наглядно проявился в Индии, где до сих пор существует каста Неприкасаемых.

На Западе христианство санкционирует и требует не только разделения между телом и душой, но также отрицания тела. «Может быть, наиболее верным было бы сказать, что табу на тактильность происходит из страха плотского удовольствия, напрямую связанного с христианской традицией во всех её вариантах. Одним из крупных негативных достижений христианства стало превращение тактильных удовольствий в грех» (idem стр.178).

В общем и целом различия между крупными религиями происходят из различий между моментами, в которые они отделились от природы, легшими в их основу, а также в способах, которыми они подменили естественную общность искусственной.

3.6. Именно недостаток прикосновения, физического контакта вызвали автономное развитие органов чувств, потому что: «Только коже удаётся сочетать пространственное и временное измерения слуха и зрения, даже если ухо более эффективно для восприятия времени, а глаз для восприятия пространства» (там же стр.118). В свою очередь это облегчило разделение в мозгу.

Фактически, разделение между внешним и внутренним привело к автономизации пространства и времени, и именно органы чувств, способные воспринимать дистанцирование (ухо и глаз), оказались способными и к восприятию этих автономизированных элементов. В то же время значение другого органа восприятия, носа, уменьшилось; но оно сохранилось в тех языках, в которых слово, обозначающее чувство во всех формах, происходит от слова, подразумевающего обоняние (французский, итальянский, в то время как в английском оно выражается глаголами to smell, to feel). Возможно виной этому две причины: чередование обоняния и вкуса, придающее ему измерение контакта и его взаимодействие с дыханием.

Это разделение могло положить конец единству человеческого существа, если бы кожа не компенсировала своим глобальным, объединяющим осязанием то, что было разделено. Вот почему человеческие существа, чья кожа не стимулировалась материнскими и отцовскими ласками в детстве, с такой лёгкостью подвергается психическим расстройствам: шизофрениии, паранойе, и т.д.... которые равным образом происходят из чувства незащищённости. Процесс уничтожения мог захватить весь наш вид, как единый сверхорганизм. Вот почему религии, сменяя собой т.н. мифические, магические, до-логические и т.п. представления, об органической солидарности, как раз в момент разложения первобытной общины, вновь принесли с собой элемент неразрывности. В случае с христианской религией, Христос играет роль высшего посредника с непосредственной реальностью; причём его роль дополняется святыми и т.д.... Религии также являются выражением биологической потребности. Вид не мог пережить подобное отрицание тела (равнозначное отрицанию природы, жизни) без риска истребления. Вот почему на Западе, где феномен капитала (фундаментальный элемент разрыва и разделения) установился раньше всего, в начале этого века зародился натурализм (или натуральная гигиена), которому в древности предшествовали схожие, но меньшие по размаху движения. Натурализм стал первым проявлением того, что мы называем биологическим измерением революции.

Это был отказ от разрыва с природой, начавшегося с ношения одежды.

«В Бали одевать ребёнка значит прикреплять его к телу матери. Это радикально отличается от того, что делают на Западе, где одежда напротив отделяет ребёнка от матери» (там же, стр.93).

Фактически, одежда обладает далеко не только защитной функцией; она обладает ещё и культурной функцией, выражая собой чувство принадлежности, различия, разобщение. Нынешняя униформизация вызывает, в качестве реакции, эксцентричность, и мода становится необходимой, для того чтобы гарантировать эту униформизацию, усложняя и обновляя её каждый раз (моде «следуют» и у моды есть «законодатели»). В наше время одежда всё меньше и меньше выражает собой эстетическое измерение вида и оригинальность человека, который её носит.

Частичное распространение натурализма, в первую очередь в летний, отпускной сезон, на Западе, происходит не столько из-за его интеграции в современное общественное устройство, сколько из-за властной необходимости восстановить, хотя бы на мимолётное время, контакт с природой. Кроме того, оно стало возможным из-за внутреннего подавления: реального прикосновения уже нет, остался лишь поверхностный контакт с природой.

В ходе всего процесса, который привёл к виду *homo sapiens sapiens*, кожа гарантировала функцию неразрывности и баланса, компенсирующего разрыв с природой и последующую фрагментацию общины. Однако, в какой-то момент, фактор культуры затормозил этот

феномен, вызвав этим заболевание вида¹². Эта болезнь до сих пор заключается в реакции вида на непереносимую ситуацию, вид реагирует, для того чтобы жить, выживать, как это продемонстрировали В. Райх, А. Янов или Лоуэн, показывая до какой степени, индивид пользуется панцирем, позволяющим ему защититься, изолироваться, закрыться в безумии. Отсюда проистекает необходимость уничтожения этого панциря в целях высвобождения прикосновения, которое позволит людям вновь обрести конкретность и неразрывность с природой.

Рука обладает следующими функциями:

1. Хватательная техника.
2. Исследование мира путём контакта и смещения предметов.
3. Установление связи между живыми существами.

Первый пункт и часть второго сохраняются, в то время как третий является лишь результатом утраты конкретности, функция взаимного прикосновения в нём является скрытой.

В данное время, из-за развития робототехники, исчезновения прикосновения и тенденции к производству живого из неживого, в обход всего необходимого процесса-континуума: от минерального к органическому и затем к биологическому, функция руки становится поверхностной. Здесь присутствует громадный риск тотального нарушения природного равновесия. Что могло бы заменить руку и её роль в человеческой жизни? Фактически, в какой-то степени, можно представить себе снижение технической роли руки, потому что огромное количество функций сегодня выполняется не вручную, сопровождаясь преувеличением роли технической компенсации в процессе бытия живых существ в этом мире. Тем не менее, необходимо стремиться к сохранению всех функций руки, обратившись к тем сферам жизни, в которых она всё ещё может совершать технические действия и, в первую очередь, отказавшись от разделения труда, которое приводит к тому, что каждый человек выполняет лишь фрагментарную производительную деятельность, в результате чего у человека пропало глобальное развитие мира, что мешает его гармоничному психическому развитию. У человека постоянно отсутствует чувство совершенства, т.е. завершенности производительного процесса во всей его целостности. А ведь именно психика, самая хрупкая сфера, служит основой для всех видов человеческой деятельности через феномены представления и логической связи.

4 - Речь - Миф

4.1. Если вертикальное положение и уменьшение величины зубов стали материальной основой для развития головного мозга, то зарождение речи стало его «нематериальной» основой. Благодаря речи головной мозг начинает развиваться, заполнять свободное пространство; это подразумевает, что прогрессирующее развитие речи начинается в тот момент, когда вертикальное положение уже реализовано (или это параллельная эволюция);

¹² Норманн Браун начинает свою книгу *Life against Death* (Жизнь против смерти), переведённую на французский как *Eros et Thanatos*, изд. Denoël; следующей фразой: «Эта болезнь под названием человек».

значит, она была у австралантропов, что подтверждает наш тезис об их принадлежности к роду Homo.

Эта параллельная эволюция проявилась ещё в самом начале, потому что обретение вертикального положения даёт возможность гортани сместиться с её изначального положения сразу за глоткой, как у животных – что мешает им артикулировать многие звуки, необходимые для появления речи – к более глубокому положению, позволяющему расширить вибрации.

Рассматривать момент возникновения речи следует в его взаимосвязи с хватательным движением, вмешательством и их результатом, без которого их бы не было: представлением. Надо обратить особое внимание на вызванную им реструктуризацию человеческого существа, изменения в питательных, двигательных функциях и в воспроизводстве.

«Человек производит конкретные орудия и знаки, причём и те, и другие прибегают в мозге к одному и тому же фундаментальному инструментарию. Это позволяет нам предположить, что речь не только такая же характерная черта человека, как и орудие, но что они оба являются выражением одного и того же человеческого качества». (Леруа-Гуран, «Жест и слово – Техника и речь»)

Кроме того, следует принять во внимание, что для нас орудия из камня являются уже сложными орудиями, продуктами синтеза, как и речь.

«Техника это заодно и жест, и орудие, организованные в цепь посредством самого настоящего синтаксиса, дающего операционным сериям как их неподвижность, так и их гибкость. Операционный синтаксис предлагается памятью и зарождается между мозгом и материальной средой. Если продолжить параллель с языком, мы увидим здесь присутствие одного и того же процесса». (idem стр.164)

Надо отметить, что техника фрагментирует реальность, это сегмент, упорядочивающий её по-иному; речь делает то же самое. В обоих случаях целостность нарушается там, где появляются зародыши деспотизма речи и техники.

Поэтому, можно составить палеонтологию речи, начиная с изучения орудий. Леруа-Гуран также показывает, что на уровне австралантропа, зинджантропа, существует орудие, делающее необходимой лишь одну серию жестов, а значит определённое количество операционных цепей низкого уровня; в то время как у архантропов, производителей пяти или шести форм орудий; присутствует уже двойная серия жестов; что подразумевает операционные цепи повышенного уровня.

Точно так же можно составить более непосредственную, органическую палеонтологию, изучая форму нёба, челюсти, значение части черепа, отвечающей за зону речи, или артерии, доставляющей кровь в эту зону и т.д... у ископаемых форм.

Результаты этих двух подходов совпадают, что позволяет предположить высокую древность речи.

Речь смогла быстро обрести своё положение, потому что она предложила немедленные преимущества: возможность общаться ночью или при осуществлении определённых видов деятельности; в то же время она сделала возможным увеличение эффективности, потому что

увеличилось количество людей, способных сотрудничать друг с другом – самый важный фактор для реализации изобилия и роста наслаждений.

4.2. Речь обладает функцией восстановления равновесия в том смысле, что позволяет рту вновь обрести подвижность, которую он утратил, когда она перешла к руке с орудием. Тем не менее, не стоит думать, что существовал какой-то период ротовой неподвижности, потому что перемещение подвижности происходило не за один раз, можно предположить, что в той мере, в какой рука присваивала себе эту техническую подвижность, рот приобретал другой её вид, фонетический. Это значит, что моменту возникновения речи предшествовал период, в который люди издавали звуки, в прогрессивной мере обретавшие всё более и более устойчивые значения: это была вторая сигнальная система по И. Павлову и преодоление непосредственности. Иными словами, речи предшествовал эмоциональный язык с нечёткими значениями: крики и т.д...

Речь вырабатывается параллельно с языком жестов, который сам в свою очередь стал партикуляризацией телесного языка, вроде лицевой мимики у обезьян. Можно также предположить, что речь инкорпорировала все эти языки и стала синтезом деятельности, выражающей определённое поведение. Поэтому, она делает возможным глобальное участие всех в одном действии, в одном ритме, в одной песне; это продолжение жеста, это жест самовыражающегося тела; ещё не фрагментированного тела, потому что вначале речь была крайне специфическим феноменом.

Речь также обладает связывающей функцией, усиленной её ролью в размножении и контакте между членами общины: во время беременности, голоса матери и отца играют свою роль в развитии ребёнка, более того, в самом начале, слова видимо пелись и, следовательно, обладали более подчёркнутым ритмом, чем теперь. Слово является дальним контактом; оно усиливает прикосновение и завершает его. При этом речь порой доставляет удовольствие, и можно предположить, что в какой-то мере ритм голоса совпадает с ритмом матки и других органов, таких как сердце.

Вследствие этого в функции удовольствия устанавливается полное равновесие между ртом, в котором фонация и питание являются источниками наслаждения, и половыми функциями размножения.

В гармоничном развитии человеческого существа, эта общая функция действует в ритмичной манере в том смысле, что в некоторые моменты, это одна из зон общего целого, поляризующая удовольствие, в то время как остальные действуют на заднем фоне, в качестве резонанса; в другой момент точно так же действует другая зона и т.д. Напротив негармоничное развитие в лишениях приводит к тому, что начинает доминировать одна из зон, и всё удовольствие реализуется через неё; есть также существа, у которых оральные функции являются исключительными, как в питании, так и в речи, в то время как у других всё заполняет собой сексуальность.

Это калечащее негармоничное развитие сохраняется и в наше время. В том, что касается почти исключительного преобладания сексуальности, о ней были выстроены теории: З. Фрейд и вся школа психоанализа, возвели её в ранг сущности человеческого бытия. Делая это, З. Фрейд не отдавал себе отчёта в том, что он занимался интерпретацией глубокого нарушения органического равновесия (происхождение которого здесь нет смысла обсуждать в деталях) и что существует орган или часть организма, стремящаяся к реализации всего процесса. Фактически любая постоянная функция, - здесь функция наслаждения, подразумевающая связь между живыми существами и миром – реализуется из гипертрофированной зоны, говоря биологическими терминами.

Координация трёх составляющих функции наслаждения находится в зависимости от мозгового аппарата. Я предпочитаю говорить о мозговом аппарате, потому что в реальности действует он весь, а не только один мозг; учитывая одновременно феномен рассудка, я отделяю мозговой аппарат от остального тела, для того чтобы облегчить изложение данной идеи. В организме для каждого вида деятельности находятся зоны, которые более активны, чем другие.

Отсюда вытекает, что наслаждение связано с представлением. Человеческое существо, действуя в настоящем, представляет себе свою деятельность. А если учесть, что представление можно сохранять в памяти, любое восприятие, например, неизбежно становится прямым продуктом связи с миром и представления. Ясно, что, по мере развития вида, представление стало очень важным элементом, заложив основы для врождённых представлений, направляющих людей к их связям между собой и с миром. Отсюда любое противоречие между связью с миром и представлением является моментом кризиса для вида, как это случается в мире науки.

Это врождённое качество не является трансцендентальной данностью, внешней по отношению к непосредственному человеческому существу; это неизбежное следствие его биологической организации, приобретённой в процессе антропогенеза.

Изначально вербальный язык обладал специфическим измерением: он усиливает сплочённость функций (питание, двигательные функции, использование орудий, воспроизводство и т.д.), а также человеческих существ между собой. С этого момента вплоть до формирования предлобовых центров у *Homo sapiens sapiens*, существует определённая жёсткость, не позволяющая раздробляться различным элементам, вроде речи, техники, или представления.

Тем не менее, можно считать, что изначально речь играла роль симуляции деятельности и что в ней заключается зародыш опытной деятельности (в научном смысле). Эта симуляция реализовалась впоследствии в планах, схемах, и, возможно, в наше время в компьютерах.

Эта способность связана со способностью к обозначению, означиванию, существенным образом влияющей на процесс представления. Кроме того, речь усиливает способность к рефлексии, становясь её основанием, потому что она провоцирует нечто вроде исследования того, что происходит, а это не просто словесное описание пережитого опыта.

Язык также неотделим от мысли, эта функция позволяет ему лучше всего реализовывать представление, которое становится не непосредственным, осуществляясь через осознание и действие, потому что она развивается в познающем, воспринимающем человеке в качестве элементов познания и восприятия. Тем не менее, нельзя сказать, что речь выражает всю мысль; конечно, существует мысль без речи и, кажется, что в индуизме и буддизме совершаются попытки найти такую мысль; тотальное течение мыслящего, познающего бытия, которое чувствует свою неразрывность с космосом, поскольку между ними нет разделения, выбора, отбора, избирания и т.д., это течение не канализируется на уровне головного мозга в сегментах, появляющихся через формирование сознания¹³.

¹³ Мысль предшествует языку. Она является потоком, порождённым человеческим существом, который становится различимым на уровне головного мозга. Тем не менее, разлад, между неразрывностью мысли и разрывами в речи, связанный с общением происходит не из-за природы последнего, а из-за того, что она задерживает разрывы, появляющиеся в ходе индивидуализации. «Эйнштейн проводит чёткую разграничительную линию между частной мыслью и общением между индивидами» (Р.Якобсон *Эйнштейн и наука о языке*, Le Débat, n° 20, стр.131)

Речь полностью отображает часть мысли человеческого существа, как его тотальной деятельности; ту его часть, которая не высказывается и определяется как бессознательное, т.н. «оно» Г.Гроддека.

Ещё один аспект функции неразрывности, реализующийся благодаря речи, проявляется в передаче, которая является не просто синхронной, осуществляясь между современными друг другу существами, но также диахроничной, осуществляясь между представителями следующих друг за другом поколений, глобальным образом включая в себя мысль, т.е. тотальную деятельность вида.

Речь интимно связана с обучением, со способностью усваивать новые знания о глобальной деятельности вида, что определяет наш вид, как сумму субъектов отдельных действий в той мере, в какой каждое отдельное действие становится в возрастающей мере необъятным так, что его нельзя постичь непосредственно на индивидуальном уровне.

Ясно, что обладание органом, резюмирующим всё человеческое становление, позволяет каждому компоненту вида потенциально позиционироваться на уровне происходящего: головной мозг, скрывает необходимость наследственной передачи генетического типа, которая была бы слишком жёсткой, будучи перегруженной инерцией и препятствуя всем возможным вариациям и непосредственному познанию.

4.3. С обретением речи появляется то, что принято называть культурой, т.е. то, что из природных условий разрабатывается видом и становится основой его дальнейшего развития. Т.о. создаётся возможность отделения от природы и всех остальных возможностей, появляющихся после этого отделения. Этот феномен тем более важен, что речь является синтезом деятельности вида и что в той возрастающей мере, в какой он становится посредничеством между членами общины, эта деятельность начинает фигурировать в качестве чётко различимого феномена, отдельного от природы, в этой деятельности люди вновь обретают себя и основывают свой вид, отсюда ускорение процесса разделения и дистанцирования.

Таким образом, процесс разделения становится частью антропогенеза; он усиливается с индивидуализацией, и здесь следует указать ещё одну функцию неразрывности в речи, функцию стирания разделения, заполнения бреши.

Не менее важно указать, что речь влияет на все остальные функции, что она подчиняет их себе и этот импульс определяется её генезисом: необходимостью установления связи, контакта; любая деятельность должна становиться означающей. В этом смысле речь является фундаментальным элементом представления, и для её развития необходимо, чтобы любая деятельность осуществлялась сама в себе в соответствии со своими характеристиками и означающими действиями; происходит раздвоение, непосредственное действие и опосредованное, означающее действие. Точно так же процесс употребления пищи является

«Я очень редко думаю в словах. Ко мне приходит мысль и потому при помощи усилия я могу попытаться выразить её в словах».

«Слова и письменный или устный язык не играют ни малейшей роли в механизме мысли». (Фразы цитируемые из вышеозначенной статьи)

На наш взгляд поиск пустоты у индуистов – это поиск мысли без речи, а точнее без травм, наносимых ею; мысли, которая стала бы отголоском всего мира в человеке.

не просто деятельностью, стремящейся к утолению голода и усвоению определённого количества энергии; оно точно так же сигнализирует об определённом поведении в окружающей среде и становится признаком участия в общине. Любой человек означает себя в своей данной системе координат, для того чтобы быть признанным.

Происходит нагрузка всей деятельности, которая становится мета-деятельностью; это нагрузка всё больше и больше определяет собой вид.

Можно точно так же представить себе появление означивания в качестве основы языка, свойственного определённым видам деятельности или объектам вида, чем-то вроде компенсации, действующей на уровне всего тела, препятствующей чрезмерной поляризации, нарушающей равновесие организма.

Иными словами, речь идёт о деятельности, о вмешательстве, о позиционировании в человеческом континууме. Тем самым, сохраняется контакт, потому что действие также приводит к автономизации. Следовательно, речь позволяет вновь восстановить неразрывность.

Под воздействием речи всё становится означающим, всё можно теперь перевести в слова, т.е. происходит экзальтация символической, семиотической деятельности.

Здесь есть ещё одна опасность: рассматривать исключительно знак и утратить из вида систему ориентиров, поддержку. Этот вид автономизации часто вызывает проблемы. Ясно, что в момент возникновения она ещё бездействует, однако важно подчеркнуть её наличие, для того чтобы понять травмы вида.

Говорить – это акт воли и, в качестве такового, сказали бы мы, этот акт характеризует способность к различению, а также, и это новый аспект, к реактивации усиления представления, что почти придаёт ему материальность, от которой говорящий может дистанцироваться, тем более, что речь предоставляет большие возможности для симуляции (функция, благодаря которой проигрываются многочисленные возможности), а это служит началом для процесса автономизации, который, под воздействием различных факторов реализуется полностью и превращает речь в деспотичный, отчуждающий элемент.

На Западе сами обозначения речи указывают на этот феномен: *muthos* и *logos*.

Для того чтобы осознать их значение, надо обратиться к периоду, предшествовавшему обретению речи. Живое существо словно бы поглощается своим представлением, они оба формируют единство, в котором нет разделения между двумя движениями, служащими основой последнего: проекцией живым существом внутрь самого себя окружающей его среды, и проекцией его внутреннего бытия вовне: на территорию.

С речью появляется дистанция между человеком и территорией и начинает осуществляться нечто вроде диалога, который, в определённый момент, происходит через сокрытие бытия, поддерживающего это представление.

Как мы сказали, речь начинает реализовываться в ходе отделения от природы, позволяя нашему биологическому виду благодаря вышеозначенным феноменам, заполнять бреши и в то же время поддерживать их (путём заклинаний), и представлять себе этот

основополагающий момент частного становления. Именно это выражает собой миф, потому что миф – это рассказ, слово об основополагающем элементе (М. Элиаде). Абсолютно очевидным, прозрачным феноменом в мифе является интерпретация происхождения этноса, который в этом мифе рассматривает себя как олицетворение всего вида. Миф – это парадигма, потому что он постулирует, что определённое действие свершается в определённый момент жизни вида, которому не обязательно позиционироваться в континууме жизни, он не обладает ни концепцией времени, ни историей, ни даже происхождением. Речь идёт об основании вида, которое часто толкуется как акт метаморфозы, радикальной трансформации; это также самооправдание по отношению к природе.

Здесь важно то, что миф становится основополагающим моментом и представляет создание вида. Можно сказать, что любой миф о создании является представлением партикуляризации вида в лоне континуума жизни, чреватом разделением. Этот феномен не может быть действенным, и вид не может продолжать своё развитие в этом новом измерении, если он не реактивирует первозданный момент, отсюда ритуалы, практики и т.д., которые мы здесь анализировать не будем. Достаточно указать на этот факт, как ещё один аспект парадигматического решения мифа, для того чтобы охарактеризовать центральную роль речи для вида.

Эта интерпретация мифа подтверждает тезис Г. де Тарда («Законы имитации») о центральном месте имитации (которая является феноменом повторения) как инстинкта, как абсолютно бессознательного феномена (нечто вроде сомнамбулизма, как говорил он). Имитация соответствует также представлению М. Жюсса, для которого миметизм занимает центральное место, действуя не только в отношениях между людьми, но также в их отношениях с другими живыми существами и природными явлениями.

Однако, откуда эта необходимость ориентироваться на первозданный момент, или на некий символический момент? Эти авторы не отвечают на этот вопрос, или даже замалчивают его. На него нельзя ответить, если не помнить о факторе небезопасности, неуверенности и даже тревоги, сопровождающих отделение от природы. Непосредственность, очевидность упраздняются. Отсюда необходимость в повторении акта, основополагающего новое становление, для того чтобы избежать разрушения, конца света. Этот феномен расширяется с возникновением *Homo sapiens sapiens*.

До тех пор, пока различные общины не отделились полностью от природы и не пережили полную фрагментацию в связи с движением меновой стоимости, миф оставался основным, доминирующим представлением. Затем, с концом устной традиции и последующим появлением письменности, акт говорения стали обозначать как логос, подразумевая собрание, соединение и идею организованного дисциплинированного дискурса, направленного на покорение истины (статья Миф, *Encyclopédia Universalis*).

Мутос – это продукт излучающейся мысли, ещё не прошедшей через разделение между внутренним и внешним, логос – это линейная мысль. Во время смены мутоса логосом, в связи с возникновением классовых обществ, произошла глубокая девалоризация первого, он был представлен как «слово, служащее созданию благотворных или зловредных иллюзий» (*Encyclopedia Universalis*), но тогда ещё нельзя было упразднить миф, что стало бы преждевременным одомашниванием мысли в процессе, противостоящем мифу, но принимающем на себя мифические ценности (ср. намного позже миф науки).

Эти два момента эволюции западного человечества выказывают один и тот же вид биологической деятельности с различной направленностью. Лучше всего они отражаются в представлении, возникшем в не совсем западной зоне, хотя и заложив основы западной

мысли: в иудаизме. Бог — это слово: «Бог сказал «да будет свет» и был свет». Оно вновь проявилось в христианстве, как в реформистском движении, проповедующем благое слово, евангелие.

Речь начинает определять собой вид, и это происходит далеко не только на Западе. В Африке до сих пор сохраняются традиции бесед между мужчинами всего племени, как, например, в практике Догонов, что указывает на фундаментальную роль языка у них (ср. то, что говорит Оготоммели в Боге воды М. Гриоля), причём у них наблюдается параллель с греческим логос сперматикос. Эта концепция рассматривает слово, как оплодотворяющий элемент (что указывает на зарождение этого феномена одновременно с появлением сельского хозяйства) и присутствующее в отношениях между собеседниками среднее звено: отношение говорящего к слушающему с переменной ролями, в ином случае не было бы действенного диалога. Вследствие этого можно сказать, что все по очереди оплодотворяют и оплодотворяются, выступают по очереди в роли мужчин и женщин, реализуя таким образом андрогинность, которую некоторые народы считают стадией, предшествующей современному виду. Это мечта о неразрывности.

Здесь можно обнаружить измерение наслаждения оральностью и миметизмом, действующими между различными полюсами: половыми органами, рукой, ртом.

Речь также приводит к изменениям в поведении вида, и сама изменяется под влиянием его образа жизни в связи, например, с возникновением сельского хозяйства и седентаризацией, способствующей линеаризации мысли и уменьшению излучения языка, его полисемии, в то же время осуществляя процесс познания, как оплодотворение, позволяющее представлять себе речь в качестве органа (Н.Чомский) реализации представления.

В ходе столетий произошло вырождение мифа в сказку, рассказ, но в них он выжил и вновь обрёл определённую эффективность, как, например, в наше время в научной фантастике.

Речь прошла схожую эволюцию: никто сегодня не даёт оплодотворять себя, никто не слушает, искусство беседы, как умение слушать в первую очередь, давно утрачено, никто и не способен оплодотворять сегодня. Речь служит лишь передаче сообщений, указаний социального порядка, определённого капиталом. Отсюда, можно понять, почему раздувается сексуальность, потому что этот вид деятельности необходимо экзальтировать, для того чтобы он мог оживить наслаждение, исчезнувшее с оральностью. Поэтому половые извращения можно рассматривать, как попытки восстановить равновесие, обращённые на другие живые существа или на протезы, в поиске утраченного.

Наконец, один из основополагающих элементов мифа: необходимость позиционироваться после момента разрыва с природой, продолжающегося в наши дни. «..., но палеонтология присоединяется к мифу в этой психологической и моральной потребности позиционироваться... Все науки о том «кто я?», «где я?» в реальности играют ту же самую роль, что и мифология». (Леруа-Гуран). Если не позиционироваться, не будет представления и, следовательно, любая деятельность будет сталкиваться с препятствиями. Начиная с момента упразднения разрыва, больше не существует «физиологической и моральной» потребности в позиционировании, потому что появляется участие в тотальности. Тогда не может быть тоски! Вот почему наш этюд стремится в первую очередь позиционировать блуждания человечества, для того чтобы понять настоящий момент нашего становления и выявить данные другой динамики, без постулирования первоначального акта. Это подразумевало бы полный разрыв с прошлым. Мы много раз повторяли: различные возможности, проявляющиеся в нашем движении, являются нашим самоутверждением в процессе становления вида. Сам вид является интеграцией различных возможностей.

Мы так подробно остановились на мифе, потому что его создание предшествовало появлению вида *Homo sapiens sapiens*.

5 - О Г О Н Ь

5.1. С огнём в развитии нашего вида появляется фундаментальный элемент, который приводит нас к современному человеку (антропогенез).

Функция неразрывности действует с самого начала, потому что место, на котором разводят огонь, очаг, является местом объединения общины, в котором исключены чисто индивидуальные действия; кроме того, неразрывность обладает тем смыслом, что огонь мог быть произведен лишь скоординированными действиями руки, речевых органов, мозга. Овладение огнем произошло не для достижения какой-то практической непосредственной цели, приготовления пищи, воздействия на сырые материалы и т.п. потому что для этого нужно было бы, чтобы люди сначала приобрели опыт приготовления пищи или заинтересованность в обработке материалов. В то же время, его непосредственное использование, возможно, было вначале связано с необходимостью защищаться, что вызвало волю к овладению огнем.

Огонь – это продукт познавательной деятельности вида, которую некоторые сводят лишь к игровой деятельности, которая, по крайней мере, могла заключаться в комбинировании возможностей, но которая должна была выражать собой волю к вмешательству в окружающий мир, эту постоянную характеристику нашего вида. В этом отношении, хорошо было бы отметить, что в самом начале, открытия находились вне сферы практического применения. Они провоцировали стремительные изменения в жизни вида, который их интегрировал в эту сферу в такой степени, что в какой-то момент он смог начать модифицировать, улучшать её. Но познавательная деятельность всегда остаётся вне этой сферы, вследствие чего возможны переводы открытий из одной сферы в другую.

С исторической степени сфера производства начала в растущей мере преобладать и мобилизовать все остальные виды деятельности, находящиеся вне её, для увеличения собственной эффективности.

Кроме того, порой случается, что человек не реализует свои проекты вне сферы непосредственного применения (то, что в определённом контексте некоторые называют священным), он начинает действовать на непосредственном уровне. Как предполагается в нашем труде, эти сферы нераздельны, судя по всему, именно для улучшения своих представлений о сфере священного, человек приходит к открытиям, касающимся другой сферы (ср. И. Кеплер, И. Ньютон и т.д...). Они находятся в неразрывной связи, и любое действие в одной из них оказывает влияние на другую.

5.2. Благодаря огню, вид столкнулся с феноменом трансформации, метаморфозы, который он будет стремиться контролировать в возрастающей мере; так рождаются кухня, керамика, металлургия и т.д... Сила созидательного производства, воображения, теперь превозносится, потому что усиливает вид. В то же время вид притягивает эта динамика вмешательства-овладения, которая приводит его к различным приобретениям и, для того чтобы гармонизировать свои знания, для него становится необходимым увеличение возможностей представления.

Огонь создаёт возможности и формы (ср. например, тени), которыми можно манипулировать. Вследствие этого, с ним вид оказывается в присутствии фермента воображения, потому что огонь открывает недоступный до этого мир. Отголоски этого можно услышать в мифе о пещере Плутона.

Благодаря своей подконтрольности, он позволяет создать полюс знания, отталкиваясь от которого путём аналогии и метафоры (функция неразрывности) вид может представить себе, понять, вообразить такие феномены как жизнь, любовь. Это один из лучших инструментов познания, способствующий выработке более обширного представления, чья последовательность должна быть строгой (предпосылка логики), потому что иначе она окажется бездейственной, бесполезной.

Благодаря этому факту, если рост мозга является одним из фундаментальных элементов, позволяющих овладеть огнём, это же приобретение заставляет вид развивать воображение, потому что иначе он не смог бы производить представления, способные включить в себя всё то, что порождает непосредственная деятельность, и позволять ему т.о. реализовывать свой процесс жизни. Это давление объясняет появление предлобовых долей. Интересно отметить, что недавние открытия показывают трудность проведения разделительной черты между *Homo erectus* и первыми *sapiens*, так, что некоторые учёные относят последнего к эпохе 150 000 лет назад (ср. случай человека из Броукен Хилл); точно так же, как и трудность установления точной даты овладения огнём, которое могло происходить в различные периоды, разделённые долгими интервалами и в различных местах¹⁴.

Эта связь между *Homo erectus* и *Homo sapiens sapiens* очевидна не только на анатомическом уровне: на уровне роста способностей мозга, например, но также на уровне культурно-технического развития; помимо улучшений в формах орудий после овладения симметрией, следует отметить прогресс в строительстве жилья и производства в более автономизированном мире, подразумевающим возможное разделение, появление эстетического измерения. Всё это лишь способствовало развитию речи и мозга.

Оказывая давление на производство воображения, развитие вида усиливало роль собственной внутривидовой неразрывности, потому что воображение укрепляло его, хотя оно равным образом и усиливало возможности нарушения этой неразрывной связи (Б. Спиноза).

¹⁴ –До недавнего времени считалось, что овладение огнём совершил синантроп около 400 000 лет назад (Чжоукоудянь). Недавно, остатки контролируемого огня, а также орудия, схожие с орудиями *Homo erectus*, возрастом 1 400 000 лет, т.е. которым на миллион лет больше, чем орудиям Чжоукоудянь, были найдены в Кении, в Чесовандже. Это была эпоха австралантропов.

В последнем случае, ясно, что – поскольку климат был жарким – когда мы говорим о причинах овладения огнём, речь не может идти о необходимости в согревании. Наше понимание этого вопроса находит себе в этом подтверждение.

Неизвестно, была ли связь между этими двумя моментами: Чесованджей и Чжоукоудянем. Возможно, умение пользоваться огнём было утрачено и обретоено вновь. Было много случаев, когда одно изобретение делалось несколько раз. В этих случаях, навыки утрачивались в связи с отсутствием ситуации, которая позволила бы реально интегрировать эти навыки в процесс жизни вида. Вместо этого, позже, в момент похолодания, множество факторов подтолкнуло человека к их интеграции. Как известно, изолированное открытие неэффективно. Оно не может быть интегрировано в корпус знаний, если не будет давления со стороны других открытий и не включится феномен обратной связи. Поэтому между феноменами биологических приобретений существует родство.

5.3. Огонь также нарушает неразрывность, потому что порождает возможность отделения общины от окружающей среды, как от её живых составляющих (защита от хищников), так и от её климатических условий. В этом смысле вид выходит за рамки времени года, процессов развития естественных циклов и начинает преодолевать свой биологический детерминизм.

Происходит первый важный разрыв с феноменом жизни в той мере, в какой, для того чтобы развести огонь люди начинают уничтожать её. Но это был очень ограниченный процесс в самом начале, с одной стороны из-за практической трудности разведения огня (растения не всегда являются сухими), с другой из-за бессознательного, врождённого нежелания убивать!

Овладение огнём стало предпосылкой становления вне природы в её непосредственном измерении, реализовавшегося в металлургии и приготовлении пищи.

Наверняка известно, что в первые времена люди хотели воспроизводить природу и подражать ей, выражая этим свою глубокую связь к природе, но поскольку они интегрировали свои открытия в сферу непосредственной производительной жизни, происходила растущая автономизация и отделение, как это видно, например, из изучения эволюции алхимии и её наследницы, химии.

Огонь, позволив увеличить сферу жизни, привёл вид к большему отделению от окружающей среды, благодаря громадному развитию техники. Но имитация природных феноменов свидетельствует о воле к поддержанию союза с природой, нарушаемого технической деятельностью.

5.4. С возникновением сельского хозяйства огонь порождает радикальный разрыв. Фактически, именно при помощи огня, люди неолита распахали огромные территории, на которых они начали культивировать растения; совершенно отдалившись от первоначального природного состояния – которое начало приобретать антропоморфные черты – порождая острый разрыв, упраздняя первобытную непосредственность.

Разрыв происходит также потому, что, благодаря огню, происходит усиление возможностей индивидуализации. Многие учёные так настаивали на противоположном аспекте огня, что его начали считать элементом «социализации», как если бы индивидуализм мог существовать в ту эпоху.

При этом скрытой оставалась его разъединительная функция и до сих пор остаётся недопонятым тот факт, что огонь стал его дальней предтечей, потому что именно благодаря реализации необходимой степени безопасности общины, внутри неё произошёл рост различных возможностей, вследствие которого начало функционировать воображение вида. С этих пор индивид должен воспринимать себя как продукт воображения вида.

5.5. Возможно, огонь стал одним из первых факторов познавательного процесса, потому что легко провести аналогии между порождаемым им жаром и жаром, порождаемым жизнью, любовью. Тем не менее, трудно утверждать, что овладение огнём произошло благодаря сексуальному желанию, хотя впоследствии сексуальность могла сыграть свою роль в представлении механизма его производства.

В том, что касается жизни, отношение огня к ней считалось настолько тесным, что некоторые народы считали возможным оживить мертвеца, поджигая его, отсюда практика кремации.

Когда появилась динамика чистого и нечистого, вслед за появлением запретов, огонь получил новое предназначение: функцию очищения (кремация отныне производится и в этих целях).

Очевидно, считалось также, что огонь обладал связью с солнцем, и они оба с любовью и сексуальностью, особенно после введения сельского хозяйства, с которым зародилось почитание оплодотворяющих сил: солнца, как фаллоса с зажжённой головкой, оплодотворяющего землю, которую он пронзает вечером, чтобы выйти из неё утром.

Наконец, нельзя не упомянуть отношения между огнём и светом, потому что связь с днём и небом усиливается огнём. Свет также обладает большим значением в манихейской мысли, функционирующей в лоне фундаментального дуализма между тенями и светом. Последний становится автономизированным представлением разъяснительного принципа, наиболее рациональной формой которого становится Просвещение = Aufklärung.

С автономизацией власти, огонь начинает становиться атрибутом суверенов, как земных, так и небесных, благодаря своей разрушительной силе, способной сеять огонь и подчинять себе волю других, или благодаря своей очистительной силе у христиан.

Овладение огнём становится определяющей характеристикой огромного цикла развития вида: по крайней мере 400 000 лет назад, начиная с механического движения начинается производство жара, огня; в конце XVIII века, жар позволяет начать производить механическое движение: паровую машину.

Затем производство ядерной энергии становится началом нового отношения к огню.

Эти несколько замечаний по поводу огня позволяют нам – проследив его эволюцию до наших дней – взглянуть на него с новой точки зрения. Начиная с того момента, когда люди осознают его разрушительную силу, огонь уже не может фигурировать в качестве простого средства, доставляющего удовольствие давать блуждать своему воображению, не говоря о необходимом отказе от его использования для уничтожения «сорняков», скошенной травы или остатков урожая.

Человеческий вид должен занять новую позицию по отношению к огню, как и к остальным трём элементам: воздуху, земле, воде (которые можно рассматривать в качестве общих эквивалентов), ради утверждения другой модальности бытия, другой реальности.

6 - *Воображение*

6.1. Возникновение *Homo sapiens sapiens* связано с освобождением лицевой зоны и развитием предлобовых долей мозга, стимулирующими развитие воображения¹⁵ (исчезновение тесных

¹⁵ Было бы интересно провести историческое исследование того, как люди относились к воображению в разные эпохи.

Лишь в наше время важной роли воображения, характеризующей наш вид, начали отдавать должное.

связей между нервным центром и органом, с появлением большого количества возможных связей между различными частями мозга, при присутствии нейронов, хотя и не связанных между собой), всех действий (в полном смысле слова, включая теорию и практику) не предопределённых исключительно биологической схемой, заложенной в мозге. Часть мозга при этом можно рассматривать, вслед за Леруа-Гураном, как технический мозг. В нём, согласно Леруа-Гурану, постоянно происходит разблокирование, размыкание, благодаря которым развивается воображение, как функция неразрывности в той мере, в какой она делает возможным представление о целостности человеческого существа и среды его обитания, и в первую очередь благодаря тому, что оно предоставляет возможности для интеграции данных континуума; вид благодаря воображению способен объять мыслью вселенную. Его возникновение указывает на неразрывность эволюционного толчка, приведшего к появлению растущей эффективности возможных вмешательств в окружающий мир.

На уровне познавательной деятельности, очевидно, что способности к обобщению знания от одной сферы к другой, возможно более широкой, к аналогии, метафоре – т.е. к необходимым для функции неразрывности операциям – стали возможными лишь благодаря воображению. Предлобовое разблокирование в конечном итоге приводит к формированию мозга, это фундаментальный момент антропогенеза, характеризующийся синтетическими операциями, в том смысле, что он интегрирует предыдущие достижения. Одновременно, это подразумевает, что его развитие не может реализоваться полностью, если не разовьются полностью другие органы, рука, гортань и т.д... значение которых фундаментально для антропогенеза; в то время как, начиная с этой стадии, новая структура мозга приобретает влияние над остальными органами.

Мозг является органом знаковой деятельности, отсюда первостепенное значение речи, второй знаковой системы; а также конфронтации¹⁶, позволяющей виду позиционироваться и, следовательно, эффективно адаптировать своё поведение к новой функции преобразования окружающей среды; с приобретением памяти он также становится органом запоминания, или опосредованной памяти в отличие от памяти непосредственной, представляющей собой прямой отголосок жизненных событий в живом существе и их остаточное действие; мозг связывает человека с космосом и именно в нём начинает действовать воображение; это орган интеграции, которая является способностью не просто суммировать различные элементы, но также включать их в одно целое, связывать их с ним, что подразумевает последовательность; кроме того, это орган представления, которое переводится в непосредственное, практическое действие.

Все эти функции действуют в связи друг с другом. Воображение также увеличивает способность к знаковой деятельности, а значит и речи; всё обретает своё значение, и это увеличивает способности к интеграции данных. Эти способности, одновременно регулируя

Иными словами: мы пришли к той стадии, на которой мы можем соответствовать возможностям функционирования нашего мозга!

Далее мы рассмотрим трудности и травмы, порождённые динамикой возможностей, в частности в период зарождения государства.

¹⁶ Это утверждает Леруа-Гуран.

В различные исторические моменты происходило привилегированное развитие отдельных элементов мозга. Функция конфронтации (а, следовательно, и анализа) развилась в период зарождения движения меновой стоимости.

процесс жизни вида, находятся в тесной связи с воображением, как с самой характерной чертой вида.

Эта взаимозависимость оказывается чреватой последствиями, если учесть, что воображение обладает и другим измерением, которое позволяет ему участвовать в функции нарушения неразрывности, вызывая появление возможностей, закладывающих основы для отделения от непосредственной среды. Фактически, если при помощи воображения вид открывает какую-либо возможность, нарушающую неразрывность его становления, это заставляет его предпринимать интегрирующие усилия для восстановления этой неразрывности, что становится возможным исключительно на уровне воображения, а значит воображение всё ещё задействовано в этом процессе. И следует отметить, что оно действует в нарушенной неразрывности лишь потому, что она была нарушена, а это вызывает у человека отделяющееся поведение, потому что теперь он может представить себе различные возможности и модальности непосредственной реальности, континуума; или то, как, после разрыва с природой, он может создать точки опоры для отделения и диверсификации. Эти функции находятся также в связи с радикальным детерминизмом человечества, как биологического вида, чей процесс жизни развивается в интенсивности и рефлексивности. Последняя может реализоваться только если не исчезнет общая реальность, в которой она действует. Отсюда повышенная роль памяти, поскольку она сохраняет в каком-то смысле всё происходящее в жизни. То же самое касается представления. Это одновременно выдаёт потребность вида в сохранении неразрывной связи со всем феноменом жизни в тот момент, когда он стремится отделиться от неё (ср.1.8)¹⁷.

6.2. Возникновение воображения, как основной функции, усиливает измерение *Gemeiwesen* у человека и напрямую сказывается на речи. Появление возможностей проявляется через последнюю, и одной из его самых острых форм является отрицание.

Можно предположить, что отрицание в простой форме утверждения какого-либо отсутствия, должно было предшествовать возникновению *Homo sapiens sapiens*, но отрицание в продуманной форме, одновременно утверждающее (в присутствии) другую, исключительно воображаемую реальность, действующую исключительно в представлении, могло появиться лишь намного позже, потому что в этом случае необходимо воображение, иначе человек наталкивается на пустоту. Необходимо определённое психическое развитие, для того чтобы он мог это выдержать, отсюда необходимость в заменах.

Потом появилось отрицание в форме отказа, которое служит основой радикального нарушения неразрывности, в то время как отрицание в виде утверждения отсутствия может происходить лишь в неразрывности. Тем не менее, нельзя игнорировать тот факт, что отрицание отсутствия может быть, напротив, утверждением неразрывности через отказ от отделения, это лишь способ поддержания контакта с человеком или вещью.

¹⁷ Память обладает функцией неразрывности: не может быть жизни без памяти. Она не связана исключительно с мозгом: Всё тело обладает способностями памяти. Тем не менее, именно на уровне мозга, происходит запоминание и его можно считать органом реализации (мы ещё вернёмся к этому при рассмотрении представления), благодаря которому образ обладает силой действия. Отсюда возможен переход от виртуальности к реальности.

Мы ещё вернёмся к значению, которое люди придают памяти, как эффективной функции сохранения происходящего.

Эта функция наиболее ярко демонстрирует, что человеческий вид суммирует в себе весь феномен жизни.

Эта возможность отрицания в его новом измерении с утверждением возможностей, связана с диверсификацией, происходящей в человеческом виде, которая в своё время могла прийти и до «кладизации» (формирования новых видов по А. Леруа-Гурану), одной из тенденций феномена жизни. Фактически, этот феномен остановился на формировании этносов, характеризующихся определённым языком, отличающимся от других, который создаёт барьер для понимания между различными этносами, что приводит, из-за крайней затруднённости образования союзов, к появлению изолятов, а это в свою очередь обычно служит отправной точкой для возникновения новых видов. Этот феномен обладает палеонтологическим значением, потому что каждый этнос стремился утвердиться в качестве вида, зачастую отрицая принадлежность к нему других этносов.

Следует отметить, вновь увязывая этот феномен с современностью, что только благодаря повсеместному распространению капитала по поверхности планеты, риск кладизации был окончательно остановлен, но это произошло ценой уничтожения особенностей и существенного обеднения человеческого наследия. Оно же одновременно выделило силу процессов диверсификации и объединения и поэтому сегодня необходимо рассматривать феномен капитала в палеонтологической перспективе, для того чтобы установить границы стадии экспансивной деятельности человеческого вида, а также задаться вопросом о способах обретения нового природного равновесия, в котором крайне нуждается объединённый таким образом вид. Как должно проявляться разнообразие, выражение возможностей, осознаваемых всеми компонентами вида, не нарушая его единства, поддерживая последовательность и совместимость между всеми его представителями?

Именно речь делает возможной внутривидовую диверсификацию, будучи также в связи с различными ареалами обитания, которые человечество покоряет в ходе своей экспансии, процесса, приобретшего значительный размах уже у *Homo erectus*. Каждый новый ареал вызывал необходимость в модификации образа жизни, что отразилось в языке, как в чистом отражении приобретаемого образа жизни и его специфической рефлексивности, отсюда появление разнообразия языков. Каждый язык выражал свою особую модальность в отношениях с космосом и между различными видами.

6.3. Возникновение возможностей порождает проблему безопасности и реальности окружающего мира. Если возможно всё, тогда что именно является реальностью? Отсюда динамика появления табу (у которой есть и другие причины, к которым мы вернёмся позже), для того чтобы гарантировать определённый образ жизни и действий. Она порождает также самую главную для становления вида возможность: возможность появления индивида, напрямую связанную с возникновением речи. Отрицание позволяет создать представление на расстоянии, на удалении от общины или, по крайней мере, на её периферии. Точно так же речь, как фундаментальный инструмент *Gemeinwesen*, реализующий его представление и связь одновременно с удовольствием, получаемым от говорения, равным образом способствует началу индивидуализации – хотя одной речи здесь недостаточно – производства индивидов. Отсюда движение отделения вида от природы, в качестве общины, и отделения отдельных индивидов от вида и от *Gemeinwesen*.

На историческом уровне, на котором мы строим наши рассуждения, на данный момент, определяющим фактором становится формирование этносов, и в этом смысле географические, климатические феномены становятся основополагающими, потому что они способствуют изоляции и формируют различия в диете, провоцируя революционные изменения в отношении к окружающему миру; к тому же питание обладает далеко не только

непосредственной функцией: утолением голода; но также влияет на взаимоотношения между людьми: оно является утверждением родства и оригинальности этноса.

Речь представляется феноменом, способным основать реальность, как на это указывают космогонические мифы. Она является существенной предпосылкой для формирования индивидов, для формирования искусственных общностей, вроде тайных обществ или сегодняшнего преступного мира, пользующихся специальным языком, воздвигающим барьер между ними и окружающим миром. Кроме того, индивид, при своём появлении может достичь универсальности, иллюзорной общности благодаря речи; он может создать искусственный мир. Отсюда возможность бреда и безумия. Наконец, будучи посредническим инструментом, она автономизируется и становится независимой реальностью, не поддающейся какому-либо контролю. Поэтому, она может создать брешь в целостности вида (особый род безумия), если последний не обретёт вновь свою непосредственность.

Все эти феномены приобретают тем больший эффект, чем больше они прививаются к общей черте вида: к глубокому восприятию *Gemeinwesen*, проявляющемуся в практике погребения, как сохранения неразрывности. То же самое касается эстетического измерения, утвердившегося уже у *Homo erectus* и выражающего собой чувствительность вида к своей окружающей среде, к своему становлению в отношении к ней, к своему собственному позиционированию в этих двух феноменах.

Погребение не было в самом начале чистым и простым выражением метафизики, это подразумевало бы реализацию динамики разделения, вызвавшей дуальность в мире, но в то же время оно указывало на возможность этой динамики, а, следовательно, на возможность сосуществования двух разных миров, двух жизней.

Тем не менее, даже когда произошло это разделение, смерть ещё не обладала метафизическим и религиозным измерением, которое ей придают в ретроспективе, её воспринимают скорее как инициацию к другой жизни, отсюда практика погребения в позе зародыша, а также построение гробниц, напоминающих по форме и структуре матку. Говоря это, мы не отрицаем вмешательство других феноменов в этот процесс.

В связи с этим следует отметить большое значение инициации с того момента, когда жизнь уже не является непосредственной данностью, когда происходит рождение жизни в общине, культурное рождение; словно бы лишь это второе рождение давало бы доступ к реальности.

Это не просто ученичество, потому что ребёнок должен показать свою способность быть членом общины и, в то же время, он должен доказать её, так же, как и свою силу.

Смерть обладает ещё одним важным значением: она порождает размышления о ней, не как о несчастье, беде, но как о части общего целого, не интегрированной в реальность, она становится причиной для изучения реальности самого вида.

Позже смерть начинает фигурировать в качестве разрыва-разделения с общностью и целостностью. Древние египтяне чувствовали себя травмированными феноменом смерти. Эту травму можно понять, только если рассматривать её не в непосредственном виде, а в её связи с глубокой драмой отделения вида от природы.

Христианство выражает собой ещё больший разрыв: воссоединение-воскресение теперь касается лишь человеческой общины, отделившейся от жизни!

6.4. В том, что касается эстетики, возникновение более отчётливой динамики разделения, чем раньше, усиливает её роль в функции неразрывности; она служит представлению и воскрешению всего того, что теряет вид, при этом воображение становится в ней решающим фактором, поскольку оно представляет возможности, с которыми вид никогда не сталкивался до этого, но которые реализуются феноменом жизни и которые вид стремится сохранить –

это ностальгия по принципу завершённости, неискалеченности. Вот почему наш вид представляет собой феномен жизни во всей его интенсивности.

Человеческие существа представляли на стенах своих пещер тот мир, от которого они отделялись; этим они передавали своим потомкам указания, необходимые для того чтобы те могли представить себе прошлое своего вида – даже если это и не входило в их осознанные, непосредственные, желанные цели. Отсюда можно предположить, что различные художественные проявления в живописи и в письме являются своеобразным дискурсом, благодаря которому становится возможным диалог между поколениями.

Эта комбинация представлений о прошедших и о возможных, нереализованных видом или самой жизнью, моментах, проявляется с новой силой в разные моменты становления вида и жизни, как, например, на Западе, в эпоху Возрождения, когда в классификациях животных объединялись как реально существующие виды, так и воображаемые существа. К значению этого факта мы вернёмся в связи с динамикой разделения.

Эстетика подчёркивает растущую потребность в тотальном представлении (преобладании мозга), обеспечивающем в каком-то смысле жизненное пространство для вида, который, отделяясь от природы, теряет стабильную систему ориентиров, способную поддерживать его в неразрывной связи с тем, от чего он отделяется. С этих пор растёт значение того, насколько эти процессы сказываются на биологических характеристиках вида. Ясно, что они оказывают прямое воздействие на систему адаптации к окружающей среде, на балансировку, на взаимоотношения между членами общины и т.д., (отсюда возрастающее значение осязания), т.е. на психические характеристики вида, которые отнюдь не являются посторонними по отношению к его биологическим характеристикам или их простым продолжением. Тем не менее, ясно, что в определённый момент, их воздействие начинает сказываться на сфере непосредственной жизни.

6.5. Всевозрастающее значение воображения сказалось на развитии техники. Как показывают доисторические открытия, с возникновением *Homo sapiens sapiens* происходит ускорение в процессе технических изобретений, что не может не оказывать влияния на представления вида о самом себе, как о виде, вмешивающемся в естественные процессы; этот феномен модифицирует глобальные представления и сказывается на культуре, появляющейся в результате отделения человека от природы.

Следует отметить, что культивация сама по себе подразумевает идею вмешательства в природные процессы в целях получения определённых видов растительности. Развивая этот вид вмешательства, человек занимается культивацией злаков, что порождает различие в двух значениях этого слова: производство различия в природе и появление различий в лоне самого вида.

Кроме того, *Homo sapiens sapiens* начинает складываться, по утверждениям некоторых учёных, благодаря высвобождению руки, не участвующей более в функции передвижения, что, в свою очередь, становится причиной для появления орудий, и, наконец – отмечая лишь самые важные моменты – развития предлобовых долей.

Первый момент позволил ему уйти от анатомической специализации, потому что создание орудий позволяет дать ответ на императивы различных ситуаций, не специализируясь на каждой из них. Второй момент позволил ему уйти от технической специализации, т.е. от укоренения в одном определённом образе жизни, благодаря возможностям решения каждой

данной ситуации путём применения орудий. Отпала необходимость в фиксации на одном техническом решении.

Отсюда – как это чувствовали различные мыслители в ходе истории - вид не живёт в своём особом мире, и к этому можно добавить, что техника позволила ему найти истинный мир, в котором он может развивать весь свой потенциал. Тем не менее, существовал риск ограничиться простыми непосредственными решениями проблем, если бы освобождение предлобовых долей не открыло новое поле возможностей.

Homo sapiens sapiens не обладает одной, бесповоротно установившейся природой, ни навсегда определённым миром (*Umwelt*), в котором он мог бы реализоваться подобно животным, занимающим одно определённое место в огромной сети живого мира.

Человечеству пришлось найти свою природу и свой мир для того чтобы наилучшим образом реализовать свой процесс жизни: выражая в себе различные возможности, именно человеческий вид представляет в себе жизнь во всей её интенсивности. Вот почему наш вид можно считать зеркалом всех остальных видов. В действительности он является больше, чем их отражением, потому что он способен воображать нечто нереализованное здесь и сейчас, на этой земле, и, в первую очередь, потому что он способен воображать различные способы реализации различных возможностей.

Поэтому вид должен был создать свой собственный мир в лоне жизни.

Поиск своего мира является равным образом поиском безопасности, основ бытия, отсюда различные тревоги вида: страх конца света, безумия, утраты собственной реальности и т.д., которые, в первую очередь, проявляются в моменты кризисов развития. В то же время, на индивидуальном уровне, беспокойство появляется в ходе особых моментов жизненного процесса: во время засыпания и пробуждения, сновидения и т.д. Точно так же, подозрительное состояние наступает во время мечтаний (сны наяву), которые одновременно являются оплодотворением окружающего мира и деятельностью воображения, в которой достигают реализации все возможности.

Самым худшим событием для индивидуального существа стало отделение от общины, потому что оно породило невыносимое одиночество и чувство незащищённости. То же самое касается всего вида: отделяясь от природы, он погружается в одиночество, которое он пытается отогнать, измышляя различные представления, плод блужданий вида. Потребность в безопасности породила эти блуждания; она привела к фиксации определённого образа жизни, давшего виду стабильную реальность, но также проявления, несоответствующие его биологическим характеристикам – как это можно констатировать, в частности, в отношении его питания – и реализации его жизненного процесса во всей его тотальности. Она стала основой для формирования внеприродного мира путём бурного развития техники, в которой, в конце концов, приручённый вид зашёл в тупик своего развития, сдерживаемый своими протезами. Реализовались самые худшие страхи наших предков, в частности, древних греков: человек оказался в рабстве у природы.

Это господство техники связано не только непосредственно с человеческим телом, но также и с разумом: магия, которая стремилась обходными путями, благодаря воздействию одной мысли, добиться результатов, достигаемых физическими усилиями, сменилась современными представлениями, вплоть до логики.

В целом существует две основные опасности: полностью ограничиться техникой, которая по большому счёту является мимикрией; или полностью предаться воображению, которое исследует и взрывается, приводя к автономизации и утрате всех контактов с реальностью.

Мифы и поверья, зародившиеся в самом отдалённом прошлом вида, учат нас тому, что происходит двойное движение – в сторону ограничения техникой и в сторону ухода от неё. Ритуалы являются лишь техниками успокоения. То же самое касается реализации архетипов, о которой так много говорил М. Элиаде: «(...) скорее всего именно из-за этой потребности человек постоянно стремился реализовать архетипы, даже на самых низких и нечистых уровнях своего непосредственного существования». (Traité d'histoire des religions, Изд. Payot стр. 324)

Нам представляется, что вид боялся потеряться в воображении, в исследовании возможностей, потому что оно порождает чувство незащищённости и тревоги. Соблазны воображения должны были компенсироваться строгим соблюдением ритуалов (процесс приручения), переигрыванием прошлого, испытанной техникой, как гарантией поддержания эффективной связи с реальностью.

Тем не менее, в данное время, противостояние между техникой и воображением уже не настолько подчёркнуто в той мере, в какой первая может развиваться только при помощи второго, а также благодаря тому факту, что становление капитала постоянно приводит все приобретения и инновации к одряхлению.

Наш вид, уйдя от анатомической специализации к технике, должен положить конец своим блужданиям и достичь уверенности в своей реальности и своей незаменимости в процессе жизни во всей её тотальности. Ему больше не нужно создавать себе искусственные опоры, находящиеся в потустороннем мире (ср. Различные религии и другие терапевтические представления), он должен начать жить своей непосредственной жизнью в своей непосредственной реальности, что дало бы доступ к рефлексивности всему живому миру. Формирование *Homo sapiens sapiens* около 40 000 лет назад сопровождалось уничтожением непосредственных биологических феноменов. Различные биологические приобретения приводили к необходимости нового равновесия и изменениям в поведении эволюционирующего вида. За ними последовали культурные приобретения, которые также приводили к необходимости нового равновесия, иным образом стимулируя органическую деятельность человеческих существ. Это происходило в ходе более или менее серьёзных кризисов, но каждый раз происходил доступ к новому равновесию, делающий возможным дальнейшее развитие, вплоть до наших дней, когда появилось кричащее несоответствие между биологическим бытием вида и способами его проявления. Иными словами, биологическое измерение вида уже нельзя скрывать, как это происходило в течение тысячелетий. Вид уже не может действовать вопреки своему биологическому измерению. С появлением *Homo sapiens sapiens* утвердились все предпосылки блужданий человечества. Что же касается элементов его самореализации, они проявлялись спорадически в различных зонах планеты; но только на Западе они окончательно суммировались в своё время; затем, начиная с того момента, блуждания вида распространились по всей планете; и это был процесс становления капитала.
(продолжение следует)

Invariance, IV серия, n° 1 - январь 1985 г.

Часть II

В становлении вида *Homo sapiens*, в который как принято считать, входят подвиды *Homo sapiens néanderthalensis* и *Homo sapiens sapiens*, было три ключевых момента.

Появление охоты характеризует нас, как животных, чей процесс познания стал ключевым связующим элементом в процессе жизни, благодаря которому наш вид смог создать себе свой собственный мир (*Umwelt*) лучше всего подходящий для него, гарантирующий ему выживание и дающий ему реальность, мир, созданный через солипсизм.

С сельского хозяйства с его процессом седентаризации, начался процесс одомашнивания, усилившийся с появлением государства, претендующего на перманентность (в дополнение к одомашниванию) и реализующего абстрактную ипостась нашего вида.

Наконец, у нас появляется движение стоимости и капитала. В данном случае в движение приходят вещи, устанавливающие связи между различными общинами, что в дальнейшем приводит к образованию государств и сказывается на поведении людей, устанавливая между ними взаимозависимость, как материальную основу для нематериальной субстанции стоимости. Затем зарождается капитал, превращающийся в общность.

Два первых феномена приводят к формированию этносов, что наиболее наглядным образом отражается в образовании государств, порождаемых расширенными общинами. Тем не менее, этот процесс фрагментации вида уравнивается объединением различных этносов в периоды формирования империй.

Третий же феномен, в свою очередь, представляется объединяющим и, в момент триумфа капитала, происходит тотальная гомогенизация, стирающая все различия между людьми.

Всё это равным образом сказывается и на структуризации вида. В течение всего периода с зарождения охоты до наших дней варьируются отношения между полами: в эпоху охоты мужчины устанавливают своё превосходство, которое женщины ставят под вопрос в момент появления сельского хозяйства. Они начинают доминировать до тех пор, пока над сельскохозяйственными народами не одерживают победу кочевые и скотоводческие народы, что в свою очередь приводит к их собственной седентаризации и установлению равновесия между сельским хозяйством и скотоводством. Подчинение женщины продолжается даже в эпоху капитала. В настоящее время, проблема взаимоотношений между полами начинает исчезать из-за того, что между ними начинают исчезать различия...

Капитал становится представлением, достигая одновременно антропоморфоза и собственной натурализации (он становится природой), реализуя проект вида: формирование промежуточного мира между собой и космосом, природой, это фундаментальный процесс обеспечения собственной безопасности.

Основной дефект (фундаментальная апория) этого проекта заключается в бегстве капитала, в разделении элементов, вида и его представлений, с одновременным

самоотрицанием капитала в процессе его субстанциализации. Это значит, что в конце этого процесса появляется феномен схожий с первоначальным, момент разрыва, который приводит к риску полного распада на этот раз не только наш вид, но и все остальные формы жизни. Поэтому единственным решением становится появление нового вида.

7 - О х о т а

7.1. В отношении охоты следует сразу отметить, что речь пойдёт об охоте на крупную добычу. В период, предшествовавший *Homo sapiens néanderthalensis* (около 130 000 лет назад) охоты как таковой не существовало. То, что мы называем этим словом, тогда подразумевало скорее собирательство. Происходило собирание животных, которых было легко поймать, не подвергая себя опасности. В случае объёмистой добычи вполне возможно, что человек поедал падаль¹⁸. Он лишь пользовался смертью животного (произошедшей по какой-либо иной причине). Некоторые палеонтологи в данном контексте говорят, что человек обладал оппортунистическим поведением. Тем не менее, точно неизвестно питался ли *Homo habilis*, например, мясом; он мог охотиться и ради других элементов, не ради питания: шкуры, сухожилия и т.д.

Однако, начиная со среднего палеолита (100 000 лет назад) отмечается осознанная деятельность, направленная на убийство животных в целях их употребления в пищу. Этот вид охоты не мог появиться до усовершенствования инструментов, ставших оружием для охоты; некоторые из них были изобретены именно в этих целях.

Более того, нет никаких доказательств, что все без исключения человеческие общины одновременно перешли на плотоядный режим. Серия ледниковых периодов произошла не на всей поверхности планеты и можно предположить, что существовали зоны, в которых наш вид не был вынужден менять режим своего питания.

В частности, вполне возможно, что *Homo sapiens sapiens* был вегетарианцем до колонизации Западной Европы и Северной Азии. Представляется вероятным, что этот вид (по

¹⁸ Этот тезис можно принять лишь с оговорками, потому что нам кажется маловероятным, чтобы человек питался падалью в течение долгого времени, хотя следует помнить, что в течение ледового периода сроки её сохранности были намного больше.

Я сильно сомневаюсь в том, что *Homo sapiens* охотились при помощи огня и устраивали массовые бойни. Некоторые исследователи доисторического периода описывают нам охоту, при которой *Homo sapiens* гнали животных к краю обрывов, чтобы те, в конце концов, упали в них из-за страха, который вызывал у них огонь, контролируемый людьми. Два важных аргумента против:

1. Огнём вообще трудно управлять на большом расстоянии так, чтобы он продвигался в определённом направлении.
2. Как примирить бойню с тем общепризнанным уважением, которое питали к жизни первобытные *Homo sapiens* от 40 000 до 50 000 лет назад?
3. В настоящее время существуют этносы, которые не охотятся и не убивают животных, а живут собирательством и питаются в основном фруктами. Например, обнаруженные недавно Тасадаи с Филиппин. Для А. Янова, «они олицетворяют истинное первобытное человечество» (*Любовь и дитя*, изд. Champs Flammarion, стр. 174).

крайней мере, его западная линия, поскольку возможно существовала отдельная восточная линия, эволюционировавшая в Юго-Восточной Азии) происходит с Ближнего Востока, где климат не обязывал его заниматься активной охотничьей деятельностью.

Как бы то ни было, возникновение охоты стало первым крупным нарушением неразрывности и породило психическую травму, вызвав меры по полной реорганизации жизни общин, в которых она появлялась: переход от мелких к более крупным общинам, разделение функций между мужчиной и женщиной, кровное табу, представления о женщине, как об опасном, странном существе, манипулирование феноменом смерти, подразумевавшее возникновение представлений о возможности обретения новой жизни.

Если принять тезис Шелтона согласно которому менструации появились у женщин из-за употребления мяса (при фруктовой диете они уменьшаются, даже исчезают), можно ещё лучше понять эти представления о женщине и о страхе, вызываемом менструальной кровью¹⁹. Если же менструации у женщин были всегда, этот страх представляется менее оправданным, потому что тогда мужчины привыкли бы к феномену; или же, в этом случае, следует признать, что сам факт убийства породил в человеке гораздо более глубокую травму, чем принято считать в наше время.

¹⁹ В этом смысле следует подчеркнуть один важный момент: возраст первых менструаций снизился во всех капиталистических обществах. Поскольку употребление мяса годами в этих обществах возрастало, точно так же возрастало употребление в пищу и других продуктов вредных для здоровья человека. Если принять утверждение, что менструация является механизмом очищения от токсинов, т.е. вредных для развития организма веществ, разве это не служит росту феномена очищения? То же самое в ещё большей мере касается повышения возраста менопаузы.

Здесь происходит вмешательство других феноменов. У мужчин в этих же обществах раньше наступает половая зрелость. Трудно свести этот феномен к экскреции; но можно представить себе объяснение, согласно которому индивид, находящийся под угрозой быстрого вырождения из-за нездорового образа жизни, обладает тенденцией к более раннему воспроизводству, для того чтобы обеспечить продолжение рода.

Этот феномен первостепенной важности, спровоцировавший в шестидесятых конфликт между молодёжью и поколением родителей, должен вызывать озабоченность, потому что направлен против антропогенеза, характеризующегося ювенализацией, т.е. продлением периода молодости. Это омоложение должно сопровождаться более поздней стадией полового созревания, которая позволила бы увеличить этап приобретения знаний, т.е. возраст непосредственности, позволяющий человеку легче справляться с различными посредующими механизмами и с интеграцией многочисленных знаний, возможно, чреватых разрывом-отдалением от природы и от общности. Это приводит к продлению жизни и к сокращению населения, по крайней мере, на первом, самом важном этапе, который должен начаться прямо сейчас, для того чтобы избежать угрозы перенаселения.

Можно констатировать, что в любой современной культуре сокращается период молодости (в той мере, в какой она преобладает над старостью, на деле преобладая исключительно над самими стариками). Фактически одержимость сексом и повсеместная сексуальность, которая теперь считается безоговорочным атрибутом юности, происходят из необходимости немедленного производства, благодаря чему только молодых людей теперь считают полезными, потому что они продуктивны и эффективны. Это ещё более усиливается из-за вклада науки. Многие биологи считают, что инновационная деятельность мозга является действенной только между пятнадцатью и тридцатью годами. Устаревание касается не только машин, теперь оно неумолимо и рано начинает касаться большей части человечества!!

Из этой тенденции вырастает другая: тенденция к упразднению сексуальности как глубокой чувствительного связующего элемента; отсюда производство молодых людей, как высших органов, интегрированных в компьютерный организм: рефлексирующие мозги в механическом комплексе, мозги, окружённые своей биологической базой. На последнем этапе, о котором бредят различные футурологи, люди станут лишними из-за чрезвычайного развития искусственного разума машин.

Благодаря охоте, вызванной геологическими и климатическими причинами: похолоданием и оледенением, уменьшающейся площадью растительности, полезной для человека, происходит движение к объединению вида, потому что охота требует гораздо более тесного сотрудничества между общинами, отсюда вся проблематика альянсов и браков, которой занимались Л. и Р. Макариусы, Кл. Леви-Строс, и т.д.; но, в то же время, рост мощи общины увеличивает возможности для процессов индивидуализации и – на определённом уровне развития – появления власти, как отдельного института, как это продемонстрировал Кластер на примере современных общин, живущих в условиях, схожих с условиями первых охотничьих племён (ср. *«Общество против государства»*). Община чувствует возникновение элемента, потенциально отрицающего её; она должна препятствовать этому феномену; отсюда насилие. Не следует забывать и о том, что этот феномен равным образом воздействует на демографическую ситуацию. В той мере, в какой общины ограничены, исключается кристаллизация власти в руках отдельных её представителей.

7.2. Представления вида на момент начала эпохи ледникового периода, вынудившего его заняться охотой на крупную дичь, для того чтобы выжить, заключались в неразрывной связи вида с окружающим его миром. Они заключались в органической взаимозависимости, органической солидарности всех элементов биосферы. Эти представления, которые в дальнейшем, во время новых разрывов с природой спровоцировали изменения в поведении вида, положили начало магии, где в качестве мотора познания выступал сам феномен жизни, а в качестве объекта – человеческое тело.

Однако это не помешало мысли вида одновременно абстрагировать феномены в определённой мере из-за их общего характера и значения; например, все самые сложные формы животной жизни обладают кровью; это означает, что убийство символизируется актом пролития крови, лишения крови.

То же самое касается рождения – после нарушения органической солидарности, спровоцированной актом убийства – именно из первоначального чувства вины, в конечном итоге, в некоторых культурах появляется понятие первородного греха и потребность в искуплении, в очищении.

Убивая, т.е. проливая кровь, представляющую собой взаимозависимость между различными формами жизни, вид нарушает непосредственное табу, которое прежде не формулировалось. Он выходит за рамки своего предыдущего образа жизни, определявшего его биологическое измерение.

Иными словами, именно практика охоты на крупную дичь, практика убийства подчёркивает первостепенное значение крови в представлениях вида и в абстрагировании смерти. Вот почему, начиная с этого момента, женщина начинает казаться странным существом: это единственное существо, способное кровоточить, не будучи раненым, поэтому оно опасно.

7.3. Именно с охоты начинается практика экзогамии и движение разделения, приводящее к формированию этносов, создающее барьеры между всё более диверсифицирующимися и типизирующимися общинами и порождающее различия и антагонизм.

Согласно Раулю и Луизе Макариус («Происхождение экзогамии и тотемизма», изд. Gallimard, 1961) потребности охоты привели различные мелкие эндогамные общины к альянсам между собой, придавая им большую эффективность и безопасность, на основе экзогамии. Воспроизводство и питание служили основой для нового способа производства, возникшего из новой системы отношений, и всё это было связано со значимостью крови, как мы упоминали выше. Фактически, братание зачастую происходило за счёт обмена кровью, непосредственно игравшей в этом смысле главную роль. Но можно сказать и больше.

В целях экзогамии, нужно было, чтобы не оставалось половых связей внутри объединяющейся общины. Отсюда запрет на связи между родственниками. Кровь играет здесь посредничающую роль, роль элемента родства, поддержку вышеупомянутых непосредственных отношений; эту же роль она играет в качестве оправдания запрета: нельзя проливать кровь родственников.

«Родственников избегают из страха перед кровотечениями родственной крови» (стр. 62) «... любое кровотечение вызывает страх, но кровотечение у родственников представляет собой гораздо более обострённую опасность, потому что в рамках концепции органической взаимозависимости, ему приписывают способность вызывать кровотечение у других родственников» (р.62).

Опять же, с появлением экзогамии, вновь становится актуальной проблема неразрывной связи с природой и её нарушения. Община, находящаяся в органической солидарности со всем живым, но противостоящая другой общине, должна поддерживать непосредственную связь со своей средой обитания, со своим местом происхождения, при этом, вступая в супружеские союзы с тем, с чем она не должна смешиваться (причина эндогамии). Поэтому представление должно передавать это двойное движение.

«Страх инцеста, из-за которого становятся необходимыми союзы с иностранками, является субъективной интерпретацией необходимости объединяться с иностранными группами, появившейся с зарождением охоты» (стр. 73)

«Мужчины, которые из страха при виде кровотечений близких женщин, нарушали изоляцию собственной группы, для того чтобы вступить в брачный союз с женщинами из соседней группы, сами того не зная, стали основоположниками экзогамного общества. Они считали, что подчиняются своим воображаемым страхам, в то время как на деле они подчинялись потребностям деятельности, от которой они кормились. Они считали, что женятся на женщинах, которые не могли принести им вреда, в то время как на деле они превращали вчерашних врагов в «братьев» и «шуринов», чья поддержка в охотничьих мероприятиях была неоценимой» (стр. 74-75)²⁰.

«На самом деле, как раз благодаря понятию органической взаимозависимости, отражавшему условия их жизни, члены первобытных общин сочли возможными союзы между мужчинами и женщинами из разных племён. Опять же, именно благодаря конкретизации этой взаимозависимости в общей крови членов одной группы и страху перед

²⁰ Благодаря тому факту, что внутри вида *Homo sapiens* феномен мобильности представлен именно у мужчин, вполне возможно, что это они вначале покидали свои общины и уходили жить в общины своих жён. Перед тем как установился «обмен женщинами» происходил «обмен мужчинами». Изменения в характере этого обмена стали важным моментом в становлении *Homo sapiens*.

пролитием этой крови произошло развитие охоты, потому что, помимо всего прочего, эти люди боялись менструальной крови своих родственниц и сексуального контакта с ними. Только этот страх, постепенно превратившийся в ужас перед инцестом, стал основанием для категорического императива, гарантирующего соблюдение закона экзогамии, необходимого для того чтобы гарантировать объединение разных групп» (стр.75)²¹.

В той мере, в какой осуществляется посредничество и институционализация, происходит зарождение культуры.

«Мы знаем наверняка, что в эволюции наступил такой момент, когда мужчинам пришлось устанавливать стабильные и "институционализированные", в определённой мере, отношения с иностранками, и что в тот момент страх перед родственной кровью, несомненно уже присутствовавший в их подсознании, вышел на первый план и завладел их сознанием, консолидируя т.о. зарождающуюся экзогамную систему» (стр. 76)

На деле социальное становление начинается лишь в тот момент, когда происходит разрыв с непосредственной реальностью, а общество складывается лишь после зарождения классов.

Культура выстраивается на основе запретов, и в тот момент, когда капитал снимает все запреты, но не для того чтобы вернуться к естественной непосредственности, а в целях создания ещё более сложной структуры, обнаруживается огромное значение запретов во всех сферах человеческой жизни.

7.4. Практика браков между представителями различных общин производит переворот в непосредственных родственных отношениях, абстрагируя и разделяя их. Какое место отвести новоприбывшим, как классифицировать их в рамках представлений об органической взаимозависимости?

«В первую очередь, люди едят вместе, *потому что они кровные родственники*; во вторую очередь, тот факт, что они едят вместе *означает, что они кровные родственники*; и, наконец, в третью очередь, акт совместного принятия пищи *устанавливает кровное родство*» (стр. 93).

«Эти примеры демонстрируют, что примитивный менталитет, в первую очередь, придаёт совместному принятию пищи способность создавать органическую взаимосвязь между людьми или группами; во вторую очередь, этой взаимозависимости (как и всех других видов взаимозависимости) опасаются в той мере, в какой она чревата опасностями, и, в

²¹ Мы не считаем, что здесь можно говорить о плоде размышлений, потому что все действия были непосредственными. Официальный марксизм, который исповедуют в данной книге Рауль и Лаура Макариус зачастую неадекватен для понимания изучаемых нами феноменов. Важно их фундаментальное отношение и, в рамках данной работы, нас не интересует то, что мы считаем недостатками в их рассуждениях. Мы ещё будем возвращаться к некоторым частям их книги.

Отметим некоторые факты, демонстрирующие значимость крови в символике и обычаях Homo sapiens: использование красной охры, символизирующей кровь; важная роль кровопускания в XVII веке. Этот метод показывает, что кровь рассматривали как основной жизненный элемент, количество которого было необходимо контролировать. Это была господствующая концепция, отражённая в мифологической тематике дара крови при переливании, в которой лишь слегка завуалированы старые верования.

частности, опасностями, связанными с кровотечением; а, в третью очередь, целью отставания ритуала совместного принятия пищи, или принятия одной и той же пищи, является как раз избежание формирования подобных связей и избавление от опасностей» (стр. 100)

Поэтому мужу и жену нельзя есть одну и ту же пищу: «для того чтобы жениться нельзя быть кровными родственниками, так предписывается экзогамия; для того чтобы жениться, нельзя есть вместе, так, в свою очередь, предписывается экзогамия в еде» (стр. 103)

Отсюда, появление различных табу, сохраняющихся до наших дней: табу связанных со ртом, ношение вуали или использование соломинки при питье, запрет на то, чтобы смотреть, как кто-то ест, точно так же как верующие не смотрят на священника, перед причастием, олицетворяющим Христа и т.д.

«... среди основных табу, связанных с употреблением пищи, есть табу на посуду, табу на угощение, которое должно быть не предложено, а положено на землю, табу на названия пищи, на их запах, дым, тень, табу на поваров, на очаги и т.д. ...» (стр.128)

«К первобытному страху связанному с совместным употреблением пищи добавился, например, страх того, что остатки от еды могут быть использованы в колдовских целях; отсюда целый ряд предосторожностей, предпринимаемых для уничтожения остатков» (стр. 131)

Фактически, речь идёт не о добавлении страхов к страхам, все они непосредственно связаны между собой. Р. и Л. Макариус не учитывают тот факт, что понятия индивида в то время не существовало и что отдельный элемент общины является её неотъемлемой частью; его бытие не ограничивается его телесной оболочкой, как это хорошо продемонстрировал Л.Леви-Брюль²². Фактически, он участвует в жизни общины на органическом уровне.

«В тот момент когда социальная организация, основанная на кровных связях и на половой дихотомии заменяется социальной организацией, основанной на собственности и статусе, мы видим как появляется запрет на сожительство между людьми из разных социальных слоёв» (стр. 132)

Здесь, опять же, речь на деле идёт о переходе от коммунитарной формы к социальной. Важно отметить, что этот переход ограничивает контакт, прикосновение; единство нарушается; нет больше места органической солидарности, исчезающей как основание для представлений о жизни; появляется власть, как связующая сила, как связь между людьми.

«...поскольку совместное питание не устанавливает родственных связей там, где их изначально не было, необходимо, чтобы не было совместного питания между группами лиц, не состоящих в кровном родстве, чьи представители заключили брачные узы» (стр. 136)

²² Ср. «Gloses en marge d'une réalité» в итальянском журнале *Emergenza*, и в специальном апрельском номере 1986-го.

«(...) примитивные классификации (...) обладают функцией (...) регулирования питания членов племени и облегчают распределение пищи путём разделения между двумя родственными группами с обеих сторон браков, т.н. *половинами*» (стр. 137)

Они формируют новую общность, уже не непосредственную, а опосредованную путём брачных союзов и определяемую кровными связями и совместным рационом.

«(...) для того чтобы знать почему одно существо относят к определённой категории, следует узнать, что оно ест» (стр. 139) Именно этот фактор определяет его принадлежность. Не будем забывать то, что любил повторять Л. Фейербах: «Der Mensch ist was er isst» (человек – это то, что он ест). Т.о. происходит процесс сужения перспективы, теперь достигнуть целостности можно только опосредованным способом. Это делает возможной дифференциацию в общине, которая становится племенем; ещё одна предпосылка для генезиса индивида.

7.5. Племя интегрирует экзогамию и эндогамию, отсюда его необычайная жизнеспособность:

«(...) оно формируется, как известно, в своей типичной форме, из двух групп, экзогамных по отношению друг к другу, но в то же время эндогамных по отношению ко всем остальным племенным структурам. Эндогамия и экзогамия сохраняются равным образом» (стр. 84-85)

Так приходит в действие функция неразрывности, которая одновременно является функцией консервации происходящего. Тем не менее, двойственность при этом получает привилегию перед излучающимся разрастанием, что служит возникновению и развитию дуализма.

В некоторых зонах – поскольку этот феномен не является общим – динамика табу даёт рождение динамике тотема.

«Практически, здесь берёт начало новый процесс, порождённый принудительным введением эндогамии в питание, который противостоит процессу распределения и перераспределения [поскольку в конечном итоге происходит распыление пищи, на которое оказывает влияние целый ряд табу, прим. ред.] и изменяет его. Особый рацион, отдельный от других видов питания, относящийся к особой категории, и вышедший на передний план, насыщается отдельным содержанием. Это содержание поглощает табу, связанные с другими видами пищи, обезвреживая их и позволяя им войти в круг разрешённых видов пищи. Именно этот процесс мы называем тотемной символизацией» (стр. 263)

Складывается динамика схожая с динамикой формирования общего эквивалента, которую Маркс изложил в своём объяснении становления меновой стоимости при возникновении денег. Общий эквивалент – это товар, исключённый из потребления, из сферы непосредственной пользы, но чья опосредованная польза представляет все остальные товары, отражённые в них и т.д. Подобный эквивалент символизирует общность и различия товаров. Параллель можно констатировать ещё более наглядно в том смысле, что точно так же, как движение стоимости, зарождающееся практически во всех человеческих общинах, не везде достигает своего полного развития (хотя оно и не во всех случаях приходит к общему эквиваленту), движение формирования различных табу не во всех местах приводит к формированию тотема, как мы указывали в другом месте.

С точки зрения схожести становления этих двух феноменов представляется нормальным, что деньги помогают избавиться от предыдущих форм обмена.

«Мы видели, что (как это происходит в обществах, где появилась собственность) платы за одну голову скота зачастую достаточно для того чтобы откупиться от табу» (стр.100)

Система табу может привести к тупику как раз в том случае, когда не появляется "общий эквивалент". Для выхода из этого тупика она может стать экзогенным феноменом. Этим объясняется триумф христианской и мусульманской религий в различных общинах. Они сразу же приводят к общему эквиваленту, благодаря которому начинается реструктуризация глобальных представлений.

«На Гавайях, при правлении Камехама 1-го, в начале XIX века, система табу достигла такого размаха, что страна оказалась на грани катастрофы, из-за концентрации всей власти и всех прав на земле, включая выбор знаков для культивации, в руках короля и королевского аппарата... Камехама II, сын предыдущего короля, решил отменить в 1819-м все табу, что можно было сделать только путём публичного нарушения одного из самых важных и древних табу, связанного с потреблением определённой пищи, лично королём. Вся структура табу рухнула сразу же. Приведём вывод американского антрополога Уэбстера: "Когда из США прибыли первые миссионеры, в начале 1820-х, гавайцы представляли собой странное зрелище народа без религии, готового к обращению в христианство" » (Michel Izard, *«Король-маг в примитивном обществе»*, во Введении к *«Золотой ветви»* Фрэзера, изд. Laffont, стр. LII-LIV)

7.6. Перед тем, как перейти к последствиям возникновения охоты, стоит сделать несколько замечаний.

Движение к объединению различных общин, происходящее при переходе нашего биологического вида к охоте, происходило в качестве механизма компенсирующего феномен их обособления. Нам не хватает нужных элементов для правильного, точного понимания того, каким образом это объединение происходило во всех случаях.

Понимание затруднено многочисленными взаимными влияниями общин, оказавшихся на разных стадиях развития. Кроме того, мы не можем опираться на последние факты, установленные этнологией и антропологией в отношении различных народов, с которыми европейцы вступали в контакт, поскольку в первоначальный момент становления вида *Homo sapiens* все общины находились в движении и их представления варьировались.

Иными словами, можно задаться вопросом, все ли человеческие общины прошли через стадию охоты, и у всех ли это породило динамику введения запретов, и, в этом последнем случае, если да, то к чему они привели? Наконец, существовали ли общины, не испытывавшие страх перед кровопролитием, как обсуждалось выше?

В то же время речь должна идти об установлении того факта, была ли динамика введения запретов, нарушившая неразрывность и естественную непосредственность жизни вида, столь необходимой для его развития. Ответ на этот вопрос касался бы необходимости запретов вообще и, особенно, в наше время, в форме их аватара: фигуры хозяина

предприятия, или государственной власти, без которой якобы невозможно человеческое развитие.

7.7. Среди последствий появления феномена охоты, есть одно непосредственное и органическое: употребление в пищу мяса оказывает на организм тонизирующий, эйфорический эффект; индивид получает ощущение силы (эффект допинга); более того, мясо является афродизиаком, что объясняет запреты на него. Равным образом это объясняет миф о мачо, употребляющем в пищу много мяса... Этот непосредственный эффект обладает большим значением, потому что он структурирует, санкционирует непосредственные отношения: позитивную обратную реакцию (feed-back).

Отсюда понятно, что практика употребления мяса в пищу в определённых случаях – в периоды, последовавшие за эпохой охоты, как основной деятельности – доходила до антропофагии, хотя кто-то и считает это мифом. Здесь, опять же, присутствует феномен неразрывности: есть для того чтобы стать единым целым с поедаемым и с самой природой. Это отражается и в христианском каннибализме – в причастии (восстановление неразрывной связи с богом). В то же время происходят отклонения в функции наслаждения, включающей в себя оральный, ручной и сексуальный полюса²³.

²³ В одной из статей в *Le Monde* от 21.11.1981, А. Феске затронул вопрос христианского каннибализма, для того чтобы оправдать его. Для начала он цитирует Фрейда: «Сейчас, в современной жизни есть основательные причины не убивать людей, для того чтобы их съесть, но нет никаких причин для отказа от употребления человеческой плоти в пищу» (*Письмо к Мари Бонапарт* от 30.04.1932). Затем он добавляет: «если на деле можно быть антропофагом, не убивая, непонятно, почему этому противостоит мораль. Отказ от каннибализма не рационален: он родственен страху».

Из этого видно как функционирует автономизированная мысль, выражение разрыва между видом и природой. Есть или не есть мясо – это проблема не морального порядка, а биологическая: сочетается ли оно с человеческим организмом? Нет.

Этот же аргумент задействован в тематике оправдания/снятия вины: если вы не убиваете, вы можете есть. Это значит, что страха больше нет, и побеждает разум. Достаточно одного средства, для реализации этого феномена. С разделением труда и растущей трансформацией продуктов, у нас с одной стороны появляются люди, специализирующиеся в забое животных, с другой, представление о продуктах, скрывающее их происхождение, до такой степени, что кусок говядины, баранины или свинины, упакованный в целлофан кажется облаткой, это же мясо, разве нет.

Кто сказал – если следовать логике Феске – что нельзя поесть человеческую плоть (а не человеческое мясо, потому что даже Фрейд проводил разницу между животными и людьми!) под предлогом нехватки протеинов, голода в мире и т.д. Это было бы только рационально!

Затем Феске перечисляет нам все банальности об отношениях между любовью, сексуальностью и питанием.

После этого он переходит к основному вопросу: «Является ли причастие каннибализмом? Если судить по её цели – это неоспоримо». «Есть Бога – значит обожествлять себя».

За этим следует ещё одно избавление от возможного чувства вины:

«Истинность присутствия Христа (его "реальность" в хлебе и вине, как утверждает католическая теология) придаёт его инкарнации небывалую длительность и упраздняет элемент жестокости в причастии, в акте каннибализме. Здесь насилие любви становится молчаливым, стыдливым».

«Поедать и быть поедаемым – это два полюса любви, обратной стороны ненависти».

Можно предположить серьёзные отклонения большого размаха – в рамках самих блужданий – в отношении этнических групп антропофагов, вроде Хиваро, у которых антропофагия играла роль борьбы против автономизации власти и демографического роста; этот феномен одновременно отражает неспособность группы позиционироваться, понять саму себя.

В наше время употребление мяса оправдывают т.н. абсолютной потребностью в протеинах, которые, согласно некоторым, присутствуют лишь в животных. Эти аргументы обладают ценностью только при слабых научных представлениях, изначально определяющих человеческое существо как всеядное, вроде свиньи. Нет ни одного серьёзного факта, доказывающего истинность этих утверждений. Точно так же нет и каких-либо эффективных доводов против них. Оправдание употребления в пищу мяса является частью концепции питания как наркотической зависимости, к которой мы пришли в ходе столетий. Эта экзальтация питания связана с редукцией роли прикосновения, как объединительной

Любопытно отметить, как эти спиритуалисты придерживаются архаичного и подчинённого (с этих пор) понятия о любви. Фактически, можно считать, что половое воспроизводство было вначале (возможно 1 200 миллионов лет назад) актом питания-ассимиляции; с тех пор оно приняло во всём живом мире и, в частности, внутри нашего вида, определения, выходящие за рамки этого понятия. Благодаря этому любовь уже нельзя уподобить акту хищничества и насилия в самом банальном смысле слова.

Христианская религия, для того чтобы оправдать свои архаизмы приходит к тому, что начинает оправдывать архаизмы предшествовавших ему "религий" («Одна из добродетелей христианства заключается в том, что оно сохранило всё самое лучшее из предшествовавших ему религий...» говорит нам Феске), хотя раньше она занимала по отношению к ним просветительский подход. Для того чтобы оправдать воплощаемые ей блуждания, она должна освятить всю историю человеческих блужданий.

Фактически, чтобы восстановить удовольствие тела, рискующего своими импульсами взорвать все аскетические и ограничивающие представления христианской религии, начинают оправдывать все аномалии вида.

Эта статья была включена досе, в которое входили вопрос обвинений против Бокассы в употреблении в пищу человеческой плоть, против японца, который реально этим занимался, а также против пассажиров уругвайского самолёта, вынужденных поедать себе подобных, чтобы выжить, и, наконец, статья из книги *Kings and cannibals*, в которой приводятся оправдания антропофагии из-за потребности в протеинах.

Точно так же существуют оправдательные аргументы в рамках научного представления, более слабые, чем в рамках христианского представления.

Наконец, возвращаясь к просветительскому аргументу Феске против каннибализма, как иррационального действия, следует отметить следующее: его следует понимать так, что в исключительных случаях люди могут прибегать к каннибализму. Но следует отметить, что, как правило, люди, обитающие в географических зонах с суровым климатом, не прибегают к таким крайностям (ср. случай эскимосов). Кроме того, нельзя забывать, что обычно люди обладают в молодости такими способностями, которые они утрачивают с возрастом, когда им начинает требоваться помощь.

Из-за присутствия в феномене каннибализма многочисленных факторов, не лишним будет отметить, что он всегда больше относился к сфере представления, чем конкретного действия. Кроме того, нужно принимать во внимание момент, когда вид мог поддаться терапевтическим представлениям: таким, как, например, упразднение нарушения неразрывности, через поедание для восстановления единства. Речь идёт о том, чтобы покончить с такими представлениями, вместо того чтобы постоянно подправлять или нагромождать их – ведь они не имеют ничего общего с доступом вида к своей глубинной реальности, в которой он больше бы не уничтожал, а приходил бы во всё большую гармонию с континуумом.

функции *par excellence*, позволяющей достичь наслаждения без катастрофических последствий, вызываемых наркотическим питанием.

Наконец, отношения между людьми опосредованы подобным питанием, значением употребления мяса, служащим оправданием охоте, концепции жизни, как борьбы, конфликта и т.д., а также всех последствий появления охоты, хотя люди в процессе одомашнивания употребляют всё меньше и меньше продуктов непосредственной охоты.

Тот факт, что употребление мяса вовсе не является само собой разумеющимся феноменом, доказывается ритуалами, предшествующими употреблению мяса или следующими за ним. В Древней Греции освящёнными ели лишь одомашненных животных: «употребление мяса полностью совпадало с практикой жертвоприношений» (М. Детьенн, *«Мясо и жертвоприношение в Древней Греции»* La Recherche, n° 75, 1977); и автор добавляет: «в церемонии жертвоприношения присутствует воля к избавлению от насилия, как если бы надо было заранее оправдаться от обвинения в убийстве» (*idem*).

Кроме того, питание взаимосвязано с властью: употребление определённой пищи согласуется с политикой города или нет. Вот почему, например, орфики, отказывавшиеся от употребления мяса, были маргиналами. Это ещё раз подтверждает роль питания в установлении общности. Оно даёт власть: *«Нет политической власти без практики жертвоприношений»* (*idem*).

Здесь проявляется полное соотношение между представлением, властью, питанием и процессом одомашнивания, как и в противоположном случае приверженцев культа Диониса, употреблявших сырое мясо диких животных. Согласно М. Детьенну, в той же статье: «Употребляя в пищу сырое мясо, приверженцы Диониса хотели уподобиться зверям, и, в каком-то смысле, дичали, выпадая т.е. из политико-религиозного измерения».

Отказ от определённого вида питания является подрывным актом. В древности он сопровождался отказом от жертвоприношения, к которому мы ещё вернёмся, как это происходило у пифагорейцев и орфиков на Западе, у буддистов на Востоке. Ближе к нашему времени, принятие вегетарианства зачастую связано с принятием позиции против установленного порядка: испанские рабочие зачастую принимали этот вид диеты, когда становились революционерами. (ср. Жерар Бренан, *«Испанский лабиринт»*).

7.8. Практика сожительства, зародившаяся с охотой и приводившая к созданию более крупных альянсов, обладает очень большим значением: угощение едой и питьём при встрече; совместные трапезы при праздновании событий, в частности союзов, как брачных, так и межплеменных, помогли заложить или реактивировать более расширенную общность.

Эту роль питания в лоне нашего вида можно сравнить с его ролью у некоторых видов насекомых, которые кормят друг друга (трофолаксия), передавая при этом информацию. Социальный обмен пищей присутствует у пчёл, муравьёв и т.д.

Это развитие питательной функции приводит к тому, что еда становится чем-то вроде лекарства, воздействующего на человека как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Эта роль питания, как основы для общности хорошо заметна в практике молодёжи, бросающей вызов обществу. Вот почему, со своей стороны, Р. Штайнер выступает против неё. Он считает, что факт принятия наркотиков вреден в той мере, в какой он ставит употребляющего их человека вне общества.

Лишь в наше время, когда человеческая общность исчезла, сменившись общностью капитала, питание утратило своё значение, как это видно из роста сети фаст-фуда, показывающей как сильно снизилась роль совместного принятия пищи как практики сожительства. Это значительный регресс в практике принятия пищи – отправная точка для десакрализации питания – который станет основой для дальнейших изменений в человеческом поведении.

Фаст-фуд – это наиболее действенная практика питания для абсолютно отчуждённых мужчин и женщин. Питание уже не объединяет, а напротив санкционирует отчуждение, реализует его в полной мере. В то же время оно больше соответствует новой организации рабочего дня, позволяя как можно быстрее удовлетворить потребность в питании, чтобы продолжить работать, или скорее, потратить, что, в наше время, не обладает большой разницей; работа является потреблением не только времени, предоставленного нам существующим обществом, но также продуктов, созданных для их перехода на другой уровень потребления.

Фаст-фуд полностью подрывает прошлую организацию моментов употребления пищи. Поэтому трапезы в старом стиле становятся ритуалами оживления прошлого.

При этом нельзя забывать, что поскольку совместный приём пищи помогает реализовать общность, власть над людьми подразумевает, в частности, контроль над их питанием; отсюда структурирование обеденных перерывов (питание в определённые часы в целях оптимизации рабочего процесса), а также контроль над качеством и количеством еды. В равной мере те, кто противостоит власти, зачастую отвергают господствующий рацион, отсюда различные формы аскетизма (не забывая, что он сопровождается также отказом от воспроизводства).

Питание, как символ родственных связей, определяло собой классовое разделение; так, что люди стремившиеся в высший класс, принимали соответствующий рацион; отсюда полный отказ от чёрного хлеба в пользу белого, регулярное употребление мяса и т.д. Точно так же, господствующий класс всегда стремится дистанцироваться от низших классов в своём рационе.

Надо отказаться от наркотической пищи. У нас уже нет потребности в создании альянсов; нам надо восстановить непосредственность в наших отношениях с природой и употреблять то, что соответствует нашей органике, а именно – фрукты.

7.9. Опять же после появления охоты, сохраняются различные обычаи, свидетельствующие о защите утраченного мира, об отказе принимать происходящее, как необратимость. Отсюда практика обрезания.

«В обрезании (...) вполне очевидная причина заставляет избавляться от крайней плоти; ведь это та часть органа, которая напрямую входит в контакт с очагом опасности» (Р. и Л. Макариус, стр. 269)

«Мы знаем, что, в целом, примитивная символизация абсолютно материальна; чаще всего она состоит в том, чтобы передать одной части вещи имманентную опасность, заключённую во всей этой вещи; тогда эту часть приносят в жертву, чтобы сохранить остальное. Таков и принцип обрезания, или удаления зуба, как формы обрезания рта» (там же стр. 268-269). Эта цитата подтверждает наше утверждение о триаде удовольствия: рот, рука, гениталии, и возможностей его передачи от одного из этих трёх органов остальным (в то же время можно сказать, что в каждом из этих органов присутствует многозначность).

В другой сфере можно равным образом констатировать то влияние, которое оказала охота на последующие тысячелетия: оно отразилось в прославлении жертвы, звучащем косвенным образом в восхвалении победителя. В то же время, последний может наслаждаться миром, об исчезновении которого он жалеет.

В историческом прецеденте с тотемом, речь идёт о животном, которое цивилизовало человека (став его учителем, что исторически обоснованно, т.к. для того чтобы убить его, необходимо было подражать его поведению). Это же поклонение животному появляется с развитием скотоводства, потом у древних египтян, судя по всему, отказывавшихся признавать разрыв с животным царством (подобный разрыв казался им чересчур болезненным); оно сохранилось в сказках и баснях, а также в современных рассказах разных охотников, претендующих на то, что они защищают природу (это отчасти верно, в той мере, например, в какой они противодействуют минерализации природы путём расширения горнолыжных баз). Точно так же, перед лицом угрозы полного уничтожения природы капиталистическим производством, частичное уничтожение природы посредством охоты кажется, чуть ли не утверждением жизни. Кроме того, идеология охоты сохраняется, поскольку именно она определила некоторые характерные черты нашего вида: способность справляться с опасностью, прикладывать усилия, принимать решения и т.д., абсолютно бездействующие (особенно воля к самопреодолению), если не исчезнувшие в нашем мире полной безопасности!

7.10. Во время возникновения охоты зарождаются определённые аспекты отношений между людьми, особенно между мужчинами и женщинами. Происходит разделение ролей полов, но уже в качестве не биологического (в порядке воспроизводства, например), а культурного феномена. Оно стало особенно подчёркнутым именно в эпоху охоты, потому что картины на стенах пещер этого периода начинают содержать изображения мужчин и женщин, с указанием их половой принадлежности.

Тематика половой принадлежности была призвана одновременно указывать на факт разделения и на средство его преодоления; поэтому важно понять, какую роль половые различия играют в постоянно наличествующей общности; именно это выражают символы Инь и Янь в Китае.

Половое разделение труда является изначальной предпосылкой для комбинации, вводимой в действие при появлении общественных отношений, и лучше всего выражается в демократическом феномене. Вот почему, равным образом, с ростом власти, монополизированной мужчинами, в связи с появлением сельского хозяйства, происходит автономизация, крайним выражением которой становится феномен амазонок. Эта же автономизация, при своём развитии, породит в качестве компенсации миф об андрогине,

представляющем собой период до разделения, и характеризуемый абсолютным слиянием полов. В то же время он становится основой для новой живой реальности: разделённое существование мужчин и женщин началось в какой-то определённый момент; таким образом, миф как бы размещает человеческий вид в определённом, более безопасном континууме, а это совершенно необходимо, поскольку именно такое разделение полов производит глубокое нарушение равновесия внутри вида.

Метафизические представления вида всё больше теряют характер излучающегося разрастания, всё больше приобретая характер дуализма, это более или менее мирный конфликт, причём общность всё больше исчезает из поля зрения, всё в большей мере становясь объектом, используемым для вычитания и получения какой-либо комбинации в результате.

Начиная с этого момента, женщины гарантируют функцию неразрывности и представляют собой связь со всем первобытным; они представляют собой хаос; мужчины же представляют собой функцию перелома, как нарушения неразрывности, позволяющую проводить индивидуализацию, а значит и половое разделение, и, как следствие, автономизацию. То есть появляется женский полюс развития, который действует не только благодаря женщинам, но равным образом и мужчинам, и этот полюс обладает измерением неразрывности, всего того, что стремится отогнать или упразднить разделение.

Равным образом, некоторые женщины получили возможность участвовать в деятельности мужского полюса развития вида. Кроме того, следует отметить, что они смогли задействовать, благодаря реакции на власть мужчин, нарушение неразрывности в виде крайней формы разделения между двумя полами: у амазонок.

Можно сказать, что этот феномен появляется следующим образом: охота производит нарушение равновесия в ущерб женщинам; сельское хозяйство восстанавливает равновесие; но равновесие нарушается вновь, когда мужчины овладевают сельскохозяйственной деятельностью с внедрением гужевой тяги, плуга и т. д. Тогда, как говорилось выше, власть становится автономной и столкновение между старыми, более или менее матриархальными общинами, вроде гинократий, о которых говорит Ф. Д'Эбонн, и феномен индивидуализации среди мужчин и женщин, усиливающий власть, приводят к тирании первых, против которой бунтуют отдельные женские группы.

Тем не менее, можно равным образом считать, что амазонки представляли собой группы женщин, победившие в борьбе с мужчинами на определённое время, в определённом месте. В этом случае, речь идёт не о простой реакции, не о чём-то, что случилось позже; речь скорее идёт о феномене, представляющем ещё одну из сторон конфликта, одну из возможностей, порождённых видом, но не распространившихся за пределами определённых границ.

Мы ещё вернёмся к значению роли женщин в моменты, когда над видом нависают угрозы. Здесь необходимо упомянуть, что новая динамика берёт начало в новом поведении вида. Возможно, состояние напряжения, с которым мы здесь сталкиваемся должно быть компенсировано, для того чтобы воспрепятствовать его раздробленности. Поэтому любовь, ещё не совсем индивидуализированная, в качестве функции восстановления неразрывности, установления связи между членами общины, приобрела важную роль, позволяя устанавливать более глубокие и интимные союзы между мужчинами и женщинами.

В более глобальном смысле, самой важной чертой этого процесса становления, стало объединение движения разделения, фрагментации с феноменом компенсирования, с альянсами во всех формах. Такие альянсы будут создаваться на каждом критическом этапе развития вида.

7.11. Вместе с охотой, фактически появляется новый вид. Цикл эволюции *Homo sapiens*, включая *Homo sapiens sapiens* и *Homo sapiens*, начинается с нарушения равновесия, когда вид отделяется от природы. Процесс познания становится важным связующим звеном между видом и его окружающей средой, позволяющим первому освоиться в последней, и постепенно перерастает из атрибута вида в его основополагающую характеристику. Представления, порождённые этим процессом, выражаются в двух главных функциях познания: в табу и в заключении альянсов, привитых ввиду опасности, представляемой кровью, особенно менструальной кровью²⁴.

²⁴ «Современные общества приняли богатство и власть, которые открыла для них наука. Но они не приняли, и едва поняли, самый глубокий посыл науки: необходимость определения нового и уникального источника истины, полного пересмотра основ этики, радикального разрыва с анимистской традицией, полного отказа от "древнего альянса", и потребность в создании нового альянса» (Жак Моно, *Риск и необходимость*, изд. du Seuil, стр. 186).

Моно хорошо выразил ситуацию, к которой пришёл *Homo sapiens*: полное разделение и абсолютное одиночество, но он выражает возможность её преодоления через старую функцию познания: через альянс. Тем не менее, он не уточняет, как должен быть реализован новый альянс.

Если: «Древний альянс развалился: человек, наконец, понимает, что он одинок в безразличной необъятности Вселенной, из которой он появился по случайности. Ни его судьба, ни его становление нигде не записаны. Он может выбирать между Царством и тенями» (idem. стр. 194-195),

С кем же должен создать свой альянс наш вид?

С другой стороны любопытно отметить, что альтернатива, которую он нам предлагает – манихейского типа. Манихейцы думали, что решение проблем человечества лежит в гносисе, в истинном знании.

У Ж. Моно, присутствует уход в себя, подразумевающий развитие процесса познания, который становится определяющей характеристикой вида (этика).

«Истинное познание игнорирует ценности, но для их формирования необходимо суждение, или, вернее, аксиома ценности. Очевидно, что постулат объективности, как условие истинного познания *представляет собой этический выбор, а не суждение познания, поскольку, согласно самому постулату, не может быть "истинного" познания без такого этического выбора.* Постулат объективности, для того чтобы установить норму познания, определяет ценность, которой является само объективное познание. Принять постулат объективности, значит выразить предпосылку этической основы, *этики познания*» (idem. стр. 191).

Объективность – это абсолютное разделение, которое может быть реализовано полностью только после полной экспроприации человеческих существ. Но даже после таковой, объективность трудно определить в какой-то жёсткой формулировке. В конечном счёте, то, что должно обеспечить полную безопасность, оказывается чем-то недостижимым, и отсюда новый уход вида, и его индивидуальных представителей, в себя. Путь Ж. Моно – это путь солипсизма и деспотии.

Идея заключения альянса равным образом присутствует в книге И. Пригожина и И. Стенгерс *Новый альянс – Метаморфозы науки*, изд. Gallimard) :

«Таким образом, Жак Моно был прав, древний анимистский альянс мёртв... »

Иными словами, можно считать, что именно в тот момент произошло разделение между природой и культурой, которую следует понимать, как общее целое всего того, что вид смог усвоить и произвести.

«Сказанное выше проливает свет на роль введения запретов в развитии племенной организации. Как только формируется племенное сообщество, запреты обретают свою функцию охраны общественного порядка, который является их основанием» (Лаура Леви Макариус, *«Священное и нарушение запретов»*, изд. Payot, стр. 27).

Но запреты не могут действовать напрямую, отсюда необходимость в представлении, оправдывающем и артикулирующем игру этих запретов, одновременно в позитивном смысле, усиливающим их установки, и в негативном, т. е. в направлении их отмены, чаще всего, в целях введения других, новых запретов. Здесь мы сталкиваемся с развитием различных магических, религиозных и научных представлений.

«С другой стороны, говоря об определении, которое мы дали тотему, как продукту питания, принимающему на себя все табу прочих продуктов питания, путём жертвоприношения которого очищаются все остальные продукты питания, появляется новая характеристика тотемного символа: искупительная характеристика, напрямую связанная с тотемом "козлов отпущения" и, в целом, с животными, приносимыми в жертву в целях искупления и очищения. Здесь сразу же проявляется кровавый след, связывающий тотем, коллективный символ искупительного характера, с последующим жертвоприношением искупающих богов "принимающих на себя все грехи мира". Как только устанавливается эта связь, становится очевидно, что это не случайное совпадение ритуалов, а исторически сложившаяся взаимосвязь, приводящая к христианской концепции бога, как искупителя и спасителя, сопровождающаяся таинством причастия» (Р. и Л. Макариус, *«Происхождение экзогамии и тотемизма»*, стр. 314).

7.12. Порвав с природой, вид высвобождает новую энергию – проявляющуюся, как сила – но не знает, как ей воспользоваться и попытки овладеть ей приводят к великим блужданиям. Точно так же, порвав с запретами, человек индивидуализируется, высвобождая энергию, которой он стремится управлять. В этом берёт начало магия, зарождающаяся в качестве таковой, в ходе определённого долгого процесса, в первую очередь вызванного феноменом разделения, который вовсе не был немедленным и окончательным разрывом.

Можно предположить, что до магических представлений, существовали более или менее недифференцированные, не автономизированные представления радиального (излучающегося) типа, в которых преобладало участие и сила самовыражения и энергии.

«Пришло время нового альянса, которые был заключён давно, хоть его долгое время и не признавали, альянса между историей человека, его общества, его знаний и приключением исследования природы» (стр. 296).

Это равным образом подразумевает отделение от природы. Лишь погружение в процесс жизни может восстановить неразрывную связь без регресса в состояние, при котором не возможна какая-либо мыслительная деятельность.

Тогда существовала некая имманентность, поскольку человек ещё не проводил различий между внутренним и внешним. Разумеется, не существовало никакой персонализации, увеличивавшей такое противопоставление-разделение.

Человек ощущал себя частью процесса, в котором мысль и действие были интимно связаны. После разделения, нарушения неразрывности, произошла фрагментация силы, которую теперь начали приписывать существам или более-менее важным феноменам; она стала количественно измеримой. В конечном итоге, в Греции, появилась идея о «динамис», как об основополагающей силе природы.

Этот процесс количественного обособления усилился с ростом двухполярного разделения общины.

Когда во всеобщих представлениях начинает фигурировать образ матери-земли, т. е. окружающей вид среды, как источника жизни, не в смысле происхождения, а в смысле перманентного потока жизни, поддерживающего потенциал жизни, способность, возможность и силу жить и самовыражаться, наступает момент появления тотальных метафизических представлений. Это неразделимая, интегральная сила того, кто порождает её или владеет ей.

Эта сила обладает крайне высоким значением, т. к. даже когда она бездействует, как таковая, она функционирует в качестве глобального объяснения частичных феноменов.

Кроме того, очень важно принимать в расчёт силу речи, которая также начинает автономизироваться, т. е. она в прогрессирующей степени перестаёт быть продуктом целостности тела, как на это указывает А. Томатис, всё больше становясь строго вербальным феноменом.

Вместе с феноменом разделения в лоне общины, вместе с первым альянсом появляется диалог (как следствие самой поляризации), который становится проводником феномена индивидуализации, т. к. он делимитирует и определяет место одного человека по отношению к другому человеку, индивиды, составляющие общину, должны всё больше и больше прислушиваться друг к другу. Ясно, что диалог не был отправной точкой процесса. Автономизация вовсе не была фатальной необходимостью.

Этот разрыв равным образом отражался и на других элементах динамики вида, например, в моторике рук, в претензиях различных частей тела представлять собой Umwelt (окружающий мир): как рука в изобразительной деятельности, скульптуре и т. д. Появилась письменность, как глобальный язык утверждающий и заставляющий переживать вновь становление вида.

Наш вид обладал представлением о самом себе и о своей собственной Вселенной, в котором преобладало понятие энергии, и любопытно констатировать, что в данный момент, мы возвращаемся, правда, с совсем иными предпосылками и с множеством совсем иных выводов, к весьма схожему представлению.

Равным образом можно констатировать, что в наши дни всё чаще используют концепцию жизни, расширенную по отношению к прежним концепциям, охватывавшим лишь живые существа; а это подразумевает, что отдельные учёные стремятся к упразднению

важного различия, на котором основана биология, различия между неживой и живой природой. Это предпосылка для нового исчезновения!

Автономизация стала феноменом овнешнения, благодаря которому стало возможным восприятие-самопознание вида и его представление о своём месте в этом мире.

Метафизическое представление стало вторым существенным этапом в означивании жизненного опыта общины, во всех её различных компонентах. Благодаря метафизическому представлению община смогла ориентироваться в тотальности жизненного опыта, не отделённого от всех проявлений окружающей его среды; кроме того, стало возможным вмешательство в неё человеческих существ. Метафизическое представление стало плодом всего организма, не будучи ориентированным или специализированным в какой-то отдельной части тела, когда означивающая деятельность стала прерогативой высшей зоны человеческого тела, головы.

Вербальный язык становится новым средством самовыражения, и он выказывает способность к творческой деятельности; отсюда его возросшая значимость с момента разрыва с природой. Он обретает магическую силу, способность зачаровывать, как было отмечено различными авторами, занимавшимися т. н. первобытным обществом.

7.13. Все феномены, которые мы в большей или меньшей степени анализируем здесь, развились не непосредственно из-за охоты, но момент её появления, когда зародились запреты и альянсы, стал их решающей отправной точкой. Для производства некоторых из них в завершённой форме требуется долгий процесс развития, в ходе которого различные второстепенные элементы притягиваются к центральному ядру, так, что понадобилась бы основательная чистка, последовательное избавление от всех этих феноменов, чтобы добраться до их корней. Здесь же, мы подошли к конечной точке цикла, на которой всё вырождается и в то же время стремится выжить, черпая силы из своего происхождения, зачастую невидимого и неизвестного.

То же самое касается магии, являющейся одновременно и представлением, и вмешательством, что связывает её с предыдущим образом жизни вида, характеризовавшимся полным участием во всём. Фактически, законы приязни и неприязни являются уменьшенным выражением участия. Кроме того, вовсе не случайно магические действия были направлены на установление связей.

Магия, конечно же, обладает долгой историей с момента своего появления в первоначальной форме неавтономного представления, призванного решить проблему происходившего тогда перелома, как нарушения неразрывности (необходимо было сохранить приязнь ко всему), вплоть до момента триумфа государственных религий.

Магия обладает тенденцией к проведению разделения между вмешательством и представлением, отсюда возможность её ритуализации в той мере, в какой вид становится внешним по отношению к природе. Она неотделима от института запретов, поскольку обретенная ей сила вмешательства, происходит из этого разрыва (магия нарушения, о которой говорит Л.Л. Макариус). Это подразумевает, что прежнее вмешательство и участие касалось только знаний о непосредственных отношениях с различными элементами среды окружавшей человеческую общину в каждом данном месте. Здесь же, напротив, акты нарушения запрета производятся «индивидами», формирующими отдельные, изолированные

группы внутри общины, от её имени и с использованием её силы. Это подразумевает феномен, являющийся предпосылкой генезиса индивидуальности, но не её непосредственную основу. Магия характеризовалась именно этим индивидуальным аспектом, потому что она была направлена уже не на тотальность всех феноменов. Одна община могла совершать магические акты против другой.

По мере эволюции процесса разрыва вида с природой и фрагментации общины, магия становилась индивидуальной. Ей мог пользоваться отдельный, более или менее автономный индивид в своём бунте против деспотической общины, превращавшейся в государство, но ей также могла пользоваться действующая власть, или адепты различных религий. Фактически, в той мере, в какой магия представляла собой знание, она проявляла тенденцию к автономизации и самостоятельному воздействию на реальность; она не могла быть интегрирована более поздними формами, до тех пор, пока не выделилась гораздо более эффективная система познания: наука.

Религия была реакцией, направленной на воссоздание общности, её методы и ритуалы были коллективными, а не индивидуальными и, когда священники прибегали к магии, это было направлено во благо верующих; большую же часть времени религия отвергала магию, особенно иудаизм и христианство, обладавшие важным просветительским измерением.

Индивидуальный феномен начинает превалировать, когда появляются учёный и художник. В данном вопросе, стоит отметить параллельное развитие искусства и науки. Их предпосылки уже содержались в магии, хотя их зарождение и потребовало решительного разрыва с ней.

В виду вышесказанного, можно принять тезис Тайлора, утверждающего, что магия появляется после периода анимизма, потому что она ставит своей целью нечто реальное, не забывая при этом, что концепция души предполагает определённое разделение и индивидуализацию, хотя она и не достигает автономии.

Если учесть крайне древний возраст магии, вполне можно констатировать, что она обладает связью с самыми разными элементами и связана с самыми разными моментами жизни: с рождением (ср. кувада), достижением определённого возраста (ср. инициация) и т. д. Мы настаиваем на том, что между магией и описанным нами процессом индивидуализации существует нерасторжимая связь.

Разрыв, с которого начинается этот процесс, лишает человеческие существа гарантирующей их существование непосредственности, которой обладают мир, несводимый к одним лишь людям, и другие живые существа, животные и растения, со всеми их особенностями; и тогда человек начинает сомневаться как в собственном существовании, так и в существовании окружающего мира. Магия призвана гарантировать это существование.

«В реальности проблема магии заключается не в "познании" или изменении мира, а в гарантии мира, в котором бытие (esserci) становится присутствием» (Де Мартино, *Магический мир*, изд. Борингьери, стр. 145)

Можно добавить, что это средство восстановления как можно большего участия в жизни, обеспечивающего наиболее полное её использование. Далее Де Мартино утверждает следующее (стр. 191) :

«Новая эпоха, новый исторический мир, мир магии, способствовали появлению индивидуальности, бытия в мире (esserci), присутствия. То, что мы принимаем сейчас как факты, в ту эпоху, в ту историческую эру, было задачей, постепенно созревающей до результатов»²⁵.

В утверждении Де Мартино присутствует некая незавершённость, поскольку магия равным образом действует и с общинной точки зрения, в функции восстановления общности. Индивид в своём становлении стремится сохранить её и основывает своё собственное существование на поиске и восстановлении этой утраченной общности. Лишь позже, став автономным продуктом, он сможет обходиться без магии, потому что у него отпадёт потребность в непосредственной общности; его существование теперь гарантировано государством, религией, а позже и наукой.

В отношении последней, очевидно, что, как отмечали многие комментаторы, магия предвосхищает её проблематику, но нельзя утверждать, как это делают М. Мосс и А. Юбер, что она была гигантской вариацией на тему причинности (*Социология и антропология*, изд. PUF стр. 56). Можно сказать, что магия обладает тенденцией гарантировать существование через непосредственность, а наука – через опосредованность; она выражает взаимозависимость, а не причинную связь.

Сложность концепции магии заключается в том, что она выражает разрыв с природой, волю к восстановлению непосредственности и, тем самым, она раскрывает измерение вмешательства, которое становится всё сильнее, стремится к автономизации в ходе эволюции Homo sapiens.

Мы вновь сталкиваемся с магией в алхимии и науке, даже в труде, в той мере, в какой можно задаться вопросом, не является ли он паллиативным средством для разрешения трудностей в процессе реализации непосредственности. Как бы там ни было, чтобы остаться на уровне, достигнутом в ходе нашего исследования, скажем, что магия выражает собой отказ от опосредованности, выражающей собой разрыв.

²⁵ В комментарии к процитированному нами отрывку, Де Мартино поднимает вопрос экзистенциализма:

«(...) экзистенциализм выявил тёмный момент, нерешённую проблему современного рационализма: индивида как данности. Но вместо расширения исторического сознания этого рационализма, вплоть до конкретизации этой данности исторической драмы в магических действиях настоящего, он развил полемику, настолько отдалённую от темы, что она вдребезги разбила все формы рационализма и подняла до достоинства мысли не решение проблемы, а опыт кризиса, хотя и переживаемого со страстью. В данный момент в истории магии, исторический разум вновь отвоевал свои права, и вновь сам начал суд над претензиями тех, кто хотел его свергнуть».

Фактически, экзистенциализм, как и любая философия, выражает феномен прошлого, т. к. он сам запаздывает. Здесь речь идёт об интеграции индивида в сообщество капитала. Госка существования возникает из-за утраты старых ориентиров, на которых раньше основывалась личность, лишённая теперь всякой решительности, сведённая к голому существованию, с тех пор как исчезло всё то, что придавало ей плоть: буржуазное общество сменилось сообществом капитала.

Ограниченность Де Мартино, возможно, заключается в том, что он слишком много времени задерживается на планах личности, как на выражении существования и его неуверенности.

Вот почему магия находила себе пристанище, вплоть до последних лет, в поэзии. Процесс познания является у поэтов непосредственным, он восстанавливает в большей или меньшей степени прямую связь с космосом. Отсюда значимость чар, очарования. Поэты являются далёкими потомками лекарей, шаманов, и даже пророков. С течением лет, они становятся всё более светскими и начинают всё больше пользоваться техникой, всё чаще оказывая услуги господствующим классам. За последние несколько лет мы стали свидетелями индустриализации поэзии, как в случае с Р. Кено, например, и с триумфом комбинации, приведённой в движение дадаизмом, сюрреализмом, леттризмом и т. д. Сейчас любого поэта может заменить компьютер запрограммированный должным образом, в т. ч. включая случайные функции, симулирующие спонтанность и непосредственную связь с существующей человеческой общностью, полностью порвавшей с природой.

То, что касается поэзии, равным образом касается музыки, изобразительного искусства и т. п. Наступил триумф симуляции и опосредованного творчества. Чувства больше не нужны, осталась лишь магия комбинаторики²⁶.

7.14. В сфере магии, мужчины попали в ловушку своих собственных метафизических представлений. Запрет и альянс, о которых мы говорили выше, были оправданы силой кровных связей и, поэтому, женщина представлялась сильным и опасным существом. В результате полового разделения труда из-за возникновения охоты произошла определённая автономизация, и мужчины попытались оправдать свой статус, закрепить свою власть, утверждая, что они переняли магию у женщин. Здесь берёт начало проект их превосходства, возможно, призванного, по крайней мере, в самом начале, оправдывать их поведение. В этом проекте и берёт начало процесс познания, в том виде, в каком мы его знаем, изначально запущенный мужчинами; женщинам оправдания были не нужны.

«Дело в том, что магия, которую мужчины переняли у женщин, в реальности была их собственным творением, плодом их страхов, их ощущения опасности женского пола. То, что мужчины переняли у женщин в действительно "принадлежало" им, но оставалось инертным, не обладая магической ценностью в их руках; именно поэтому женщины передали им свою магию без сожаления, а мужчины отразили в традициях миф о конфликте, которого не было, кроме как в их воображении, и этнография не находит иных его следов, кроме их чувства вины» (Лаура Леви Макариус, там же, стр. 320).

²⁶ Симуляция и производство симулякров занимают большое место в системе представлений Homo sapiens. К этой теме надо будет ещё вернуться далее. Пока ограничимся интересной цитатой из *Золотой ветви* Фрэзера изд. Laffont, III том, стр. 642.

«Принцип симулякра глубоко укоренён в природе человека, он оказал настолько глубокое и разнообразное влияние на развитие религий и искусств, чтобы было бы неплохо сделать небольшое отступление и продемонстрировать на нескольких примерах способы, которыми первобытный человек пытался применять его для удовлетворения своих нужд, через религиозные или магические драмы».

Какая разница между применением симулякров в магии и в компьютере?

Эту же страсть к симулякрам мы находим в научной фантастике (Ф. Дик: *Кукла по имени «Жизнь»* и *Симулякры*).

Разве сегодня Homo sapiens не пришёл к восприятию своей собственной незначительности?

«Таким образом, судя по всему, переняв магию, мужчины отобрали у женщин нечто виртуальное, скорее, чем нечто реальное» (там же, стр. 320).

Как бы то ни было, нечистую, чёрную магию, связанную с кровью объявили женской, противопоставив ей чистую, белую магию, связанную со спермой (или её символами, вроде омелы), атрибутом мужчин. Это в некотором роде восстановило равновесие, благодаря метафизическим представлениям, позволяющим мужчинам обезопасить себя, компенсируя переживания собственной неполноценности в определённые моменты.

Наконец, нельзя обойтись без гипотезы о реакции женщин на утверждения мужчин о том, что они могут прибегать – в определённых обстоятельствах – к знаменитым силам, приписываемым им. Так произошло в случае с ведьмами, в крайне искажённом контексте.

Ловушка сработала на уровне всех элементов представления, но не сразу, а позже, в ходе реорганизации некоторых из них, в различных операционных схемах.

Кровь обладает символическим значением, играя фундаментальную роль во всех представлениях, которые нашли себе выход в религии; она стала основой для категорий чистого и нечистого.

«Нечистым считается всё, что запятнано кровью, что несёт в себе "опасность кровотечения". Чистым считается всё, что не вступает в контакт с кровью, всё то, что избавилось от опасности кровотечения» (там же, стр. 23)

Диалектика чистого и нечистого, связанная, с самого начала, с понятием грязи, стала основой для вредных представлений, для самой сомнительной двусмысленности, опасной для вида, застрявшего в детерминизме и погружившегося в безумную динамику исключения. Это абсолютный триумф отчуждения (полностью упразднившего прикосновение) – появляются запреты на связи, контакты – которые получают своё дальнейшее развитие в религиях, в расистской тематике и т. д.

В конечном итоге, концепция чистого становится основополагающей в химии, в которой главной функцией является анализ, т. е. разделение. То же самое касается естественных наук о живых формах. В последнем случае, преобладание такой концепции, связанной с противоположной, упрощающей концепцией жизни, привело к враждебной для жизни практике всеобщей стерильности. Жизнь человеческого существа может протекать гармонично только в связи со всеми остальными формами жизни.

Концепция необходимости очищения, т. е. разделения, для получения конечного элемента, принцип обработки, стала в своём роде концепцией умерщвления, выражающей отказ от связей с другими, отрицание общности.

Эта концепция свирепствовала в науках и равным образом одержала триумф в искусстве конца XIX° века и начала XX^{o27}, в момент триумфа формального господства

²⁷ Ср. на эту тему: Зедльмайр *Революция в современном искусстве*, изд. Garzanti, где рассматривается один из первичных феноменов современного искусства – стремление к чистоте, к автономии, т. е. отсутствию элементов других искусств – который привёл к поиску абсолюта.

капитала, и его перехода к реальному господству над обществом. Это сопровождалось отходом от парадигмы природы. Человек хотел реально жить в мире, который он сам создал, эта тенденция кульминируется в абстрактном искусстве.

Диалектика чистого и нечистого подразумевает принцип редуцирующей переработки, который не только приводит к абстракции, подразумевающей идею лишения корней, но и к абсолюту, абсурду, автономии.

Начиная с момента начала процесса отчуждения, с его переходом от участия и взаимозависимости к состоянию зависимости, человек постоянно стремился сократить, ускорить этот процесс, в поисках противоположного, но стабильного элемента, тотальной независимости, освобождения: абсолюта. Это в каком-то смысле сакральная форма, в нынешнем смысле слова, профанной формой является абсурд. Иными словами, судя по всему, абсурд проистекает не из господства, а из констатации того факта, что ни у чего больше нет корней, как нет больше привилегированного значения (множество значений может указывать на абсолютную недифференцированность), причём не только единого – у отдельно взятой вещи – но также взаимосвязанного, как результата взаимодействия между вещами. Напротив, доступ к абсолюту фигурирует как господство всего того, что связывает, в целях достижения состояния безусловности, при котором исчезает всё, или, вернее, реальности, которая не нуждается ни в чём, которая соотносится только с самой собой... и чьё глубокое очарование проистекает из того факта, что она является тотальностью, и что она реализует интегральную чистоту.

Абсолют – это крайнее отрицание мира участия; он даёт индивиду новую опору; абсурд становится частичным отрицанием, оставляющим его в растерянности.

Ещё одной переходной и профанной формой абсолюта является автономия. Её можно рассматривать, как результат бунта против одомашнивания, но это лишь поверхностное движение, отрицающее человеческую общность и выражающее собой триумф капитала.

Для того чтобы отрицание зависимости не влекло за собой автономизацию или абсолютизацию, выражающую собой триумф деспотической общности капитала, необходима непосредственная связь с природой, в которой наш вид отыскал бы своё место в непрерывных процессах жизни, не утрачивая при этом свою фундаментальную характеристику, выделяющую его в живом мире: свою способность к размышлению.

Ещё один опасный аспект диалектики чистого и грязного, свидетельствующий о ловушке представления, представлен обычаем искупительного жертвоприношения. Для очищения якобы запятнанной, в их представлениях, репутации, люди смогли идти на жестокое убийство себе подобных, как это показывают исследования обычаев и поверий.

Наконец, с поиском чистоты связана ещё и практика создания козлов отпущения. Она осуществляется в рамках динамики искупления и изгнания из общины всей воздействующей

Это неизбежный феномен в период формального господства капитала над обществом, характеризующийся полной фрагментацией человеческой деятельности, порождающей компенсаторный феномен: стремление восстановить тотальность на основе этой фрагментации.

Любопытным образом, эта тенденция к очищению привела к производству особой математики во всех формах искусства.

на неё нечистоты. Козёл отпущения нарушает какой-то запрет, порой, не зная об этом. На него не просто навешивают все грехи. Он одновременно является носителем священного. Важность этой практики заключается даже не столько в предвосхищении появления денег, сколько в актуализации эквивалента всех грехов, из которого и зарождается монетарный феномен. Существуют многочисленные примеры использования феномена, зародившегося в одной сфере, в целях реализации какого-то иного феномена в совсем другой сфере.

Тем не менее, нельзя забывать, что вид пришёл к концепции нечистого, как к образу собственного блуждания, осознав свою перегруженность усложняющими жизнь элементами, от поиска пищи до процессов познания. Отсюда идея избавления от вредных элементов, мешающих жизненным процессам. Так появились пост и аскеза, поиски катарсиса, таинство исповеди, а затем и психоанализ.

Поиск козла отпущения отражает неспособность общины принять на себя ответственность за собственное существование в космосе. Вот почему, она возлагает на одного из своих членов все свои пороки, несчастья и т.д., как если бы этим она могла освободиться от них.

7.15. С введением запретов была нарушена неразрывность, появились границы дозволенного и недозволенного, как основы дуализма, определившие новый образ жизни человечества, связанного напрямую теперь уже не с биологической, а с культурной реальностью. Переломный момент, связанный с введением запретов стал определяющим для становления вида: священное и власть, были интимно переплетены с самого начала, но всё более разделялись по мере усложнения социальной жизни человечества, уже переставшего быть простой общиной, вплоть до того момента, когда священное, в его урезанной и упрощённой форме, было монополизировано одной группировкой, жречеством, в то время как власть была сосредоточена в руках господствующего класса.

Лаура Леви Макариус в своей работе, цитированной выше, указывала на возникновение священного из запретов и дальнейшее развитие религий.

«Анализ, отталкивающийся от табу – как универсального феномена, присущего всем бесклассовым обществам, не говоря о его дальнейшем развитии – приводит, через изучение нарушений табу, к прояснению концепции mana, священного, проливая свет на связанные с ней общие аспекты, такие как «страхи», зло, таинственное, «ужас», «чары», часто принимаемые за его основополагающие элементы (ср. Отто), в то время как на деле они, вместе со связанными с ними чувствами вины и греха, являются атрибутами нарушения запрета. Все религии имеют дело с нарушениями табу, и не случайно все они используют мифы о нарушении запретов, как исходную точку происхождения человечества» (стр. 335).

Подтверждение своему тезису она находит у Э. Бенвениста, написавшего о концепциях *sacer* и *sanctus* следующее:

«Лучше всего различие между священным и профанным выражается в латыни; также в латыни обнаруживается двусмысленный характер "священного": посвящённое богам и запятнанное несмыслимой грязью, царственное и проклятое, достойное восхищения и вызывающее ужас. Эта двусмысленность присуща термину *sacer*; она помогает провести различие между *sacer* и *sanctus*, т.к. нисколько не воздействует на прилагательное *sanctus*» («Словарь индоевропейских институтов», изд. Minuit, т. II, стр. 187-188).

«Очевидно, что *sanctum*, это не то, что «посвящено богам», в отличие от *sacer*; и не «профанное», противоположное *sacer*; не будучи ни тем, ни другим, оно устанавливается и утверждается неким *sanctio*, тем, что защищено под угрозой наказания от всякого посягательства, вроде [священных законов] *leges sanctae*» (idem, стр. 189)

У греков наблюдаются схожие элементы:

«(...) *hiéros* и *hagios* демонстрируют позитивный и негативный аспекты концепции: с одной стороны нечто, оживлённое священной силой, с другой, нечто запрещённое, с чем нельзя иметь контактов» (idem. стр. 207).

Учитывая катастрофический характер священного, ясно, что в нём содержится измерение нарушения неразрывности, начатки фрагментации образа жизни и представлений общины. На определённой стадии её развития, становится необходимым вмешательство объединительной динамики, представленной, на практическом уровне образа жизни, государством, а на уровне метафизических представлений, религией (не упуская из вида при этом собственную функцию метафизических представлений у государства), которые примиряют человечество со священным и одомашнивают первое.

Запрет и его нарушение порождают практику жертвоприношения, освящающую то, что было нарушено. В начале, в сфере представления и запретов, малейшее нарушение сказывается на тотальности, вызывая сильные негативные последствия. Затем, становится необходимым восстановление равновесия, прежней гармонии. Жертвоприношение позволяет восстановить неразрывность во всём, в частности, в общине: оно восстанавливает контакты.

Потом жертвы начинают приносить ради установления контактов с определёнными людьми.

В жертвоприношении два важных компонента: во-первых, проливается кровь, во-вторых, за этим следует совместная трапеза. Кровь и трапеза гарантируют общность. То же самое касается и богов, но в этом случае жертвоприношение принимает аспект обмена, к которому мы ещё вернёмся.

Есть ещё одна причина для жертвоприношения. Будучи актом компенсации – по крайней мере, в начале – за нарушение запрета, оно высвобождает силу, энергию. Человека убивают, чтобы придать силу жизни каким-либо работам (возведение моста, стены и т.д.).

Здесь мы можем констатировать определённый уровень автономизации представлений, ставшей ловушкой для нашего вида, тот уровень, на котором человек готов идти на жестокость ради сохранения своих метафизических представлений²⁸. Это можно понять, потому что разрушение таких метафизических представлений привело бы к утрате знакомой реальности. Когда же человек принимает новую реальность старые представления

²⁸ Пример:

«Греки и римляне приносили в жертву богиням земли и плодородия беременных женщин, чтобы земля была плодородной и зерно утучнялось в колосьях» (Фрэзер, *Золотая ветвь*, Т. I, стр. 94).

и практика не просто исчезают. Они попадают под суровый запрет и либо практикуются в тайне, либо им отыскивают замену.

Поскольку человеку всегда требуется посредничество и оправдание собственных действий, он всегда будет подвержен автономизации метафизических представлений, способной приводить к актам самой отъявленной жестокости.

7.16. Миф происходит из необходимости представлять и оправдывать запрет или его нарушение. Все основополагающие моменты должны обладать определённым количеством энергии и поэтому не случайно многие мифы содержат отголоски актов насилия. В то же время миф служит функции неразрывности, сохраняя воспоминания о том, что было прежде.

В этом заключается суть концепции «*illo tempore*», времён предшествовавших решающему моменту, столь подробно рассмотренная М. Элиаде; т.е. этот момент не является началом начал истории в строгом смысле.

Однако на одном этапе человечество проявило волю к освобождению от этого процесса: тогда зародился буддизм. Это произошло во время важного процесса автономизации, когда ущерб от нарушения неразрывности достиг повышенного уровня.

Рай также является одной из форм «*illo tempore*», потому что это место, в котором упразднено всякое посредничество.

В мифе *Ното сариенс* выражает представления о своём происхождении, о своём начале: вид чувствует, что нарушает неразрывность; об этом нельзя забывать, поэтому большая часть мифов связана с творением, как с сотворением мира, так и с созданием отдельных его элементов.

В то же время создание иной реальности путём мифотворчества указывает на волю к реактивации прошлого, отказ принимать настоящее, как нечто незыблемое; поэтому появились оргии, с их сексуальными и чревоугодническими аспектами, нарушавшие запреты. Эта реактивация позволяла восстанавливать связь с прошлым, увековечивать момент разрыва, послуживший установлению нынешней власти, и прославлять побеждённых. Именно в этом ключе функционировали представления о хаосе, как об эпохе, в которой не было запретов, союзов, форм, потому что для формирования союзов должны были появиться формы.

Как и мифы, ритуалы основывались на процессах разделения, на установлении запретов и их нарушении. Это касалось в т. ч. ритуалов, связанных с искуплением, жертвоприношением, отпущением и т.п. В ту же эпоху у вида появляются – причём по-разному в разных общинах – представления о вине и первородном грехе. Вина связана с фактом убийства, но также, возможно, с осознанием собственного блуждания, с пониманием того факта, что охота привела людей к неадекватному образу жизни. Иными словами, вид понял, что осуществил вмешательство во внешний мир, которое не привело его к желаемым результатам. Тогда он заключил, что ошибка была связана с неким изначальным несовершенством, и попытался понять, даже изменить самого себя, через свои же представления. Познание было призвано восстановить его связь с окружающим миром, или создать её. Когда этот процесс также не принёс искомым результатов, по крайней мере, сразу, зародилась проблема поисков оздоровления.

Мифы, ритуалы заодно связаны и разобщены. Их могут присвоить различные религии, в чьи функции входило восстановление разорванных связей во избежание полного распада более или менее абстрагированной общины, превратившейся в государство. Можно сказать, что мифы послужили строительными материалами для различных религиозных представлений. Меры предосторожности и табу в еде также были включены в ритуальную сторону религий.

«(...) ограничимся той категорией обычаев, которые, отталкиваясь от связанных с едой суеверий дикарей, принимают большое значение в религиях: мы говорим о ритуалах, связанных с откладыванием, уничтожением, или пожертвованием божеству, части еды, предназначенной для употребления, ради того, чтобы предотвратить какую-либо общую опасность» (Р. и Л. Макариус, *«Происхождение экзогамии и тотемизма»*, стр. 124).

«Празднество племени Виннебаго под названием "праздник страха перед зеленью" демонстрирует с ещё большей очевидностью, что земледельческие ритуалы берут начало в предосторожностях, связанных с едой (idem, стр. 125).

В более недавнее время, религия смогла интегрировать алхимию с астрологией (как в наше время она делает это с наукой), несмотря на то, что это были дисциплины, стремившиеся дать представление о тотальности, лишённое всякой религиозной тематики; что само по себе подразумевает антагонизм между христианством с одной стороны и алхимией и астрологией с другой, точно так же, как между христианством и магией.

Наконец, одним из оснований религии, родившейся из разрыва нашего вида с природой, было чувство тревоги, страха, внушённого возможным концом света, равно как и присутствием другого человеческого существа, женщины. Мы уже затрагивали эту тему и вернёмся к ней, в виду её крайней важности.

Ещё одним основополагающим для религий моментом стал культ героя, отца цивилизации, берущий начало в культе предков. Такой герой достигал своего статуса исключительно благодаря нарушению запретов, которое выводило его за рамки общины, как бы возносило его над ней. Но, когда он идёт на это, он тем самым облегчает, в самом начале, доступ человеческой общины к нынешней реальности. Позже, в связи с автономизацией власти, такой герой начинает всё больше демонстрировать стремление к её захвату, вплоть до той степени, когда уже сами люди начинают призывать его взять на себя власть, чтобы реализовать то или иное предприятие. Это момент начала зависимости.

Формирование мифа о герое, основоположнике цивилизации, о демонах и т. д., является частью одного и того же феномена: экзальтации антропоморфизма и антропоцентризма; когда такой герой принимает очертания мужчины или женщины и начинает действовать от лица людей, вне зависимости от того, ведёт ли это к позитивным или негативным результатам²⁹.

²⁹ Антропоморфизм евреев, выражающийся в существовании их бога Яхве, представляет собой наиболее радикальное выражение этого феномена, поскольку оно поглощает все предыдущие формы унитарного и частичного антропоморфизма. В то же время, очевидно, риск антропоморфоза исчезает, поскольку это человек создаётся по образу Яхве, что порождает риск теоморфизма, ведущего к идолопоклонничеству. В любом случае это представление санкционирует разрыв.

В заключение данных заметок о религии, важно отметить, что пока есть непосредственное участие человека в делах общины, религии не существует, но когда она торжествует в человеческом представлении, появляется зависимость.

Мистика выказывает тенденцию к разрушению зависимости и созданию прямой, непосредственной связи между божеством и человеком. В ней содержится отрицание проведения различий между внутренним и внешним, и, следовательно, отрицание религии, основанное как раз на таком разделении, на посредничестве и зависимости.

Но мистика появляется только из-за самого существования религии, потому что она отрицает разрыв именно в этой форме представления. Она не стремится отыскать свои подлинные основы; вплоть до того, что мистика и религия кажутся двумя взаимодополняющими феноменами, несмотря на то, что они порой сталкиваются. В конечном итоге, мистика лишь усиливает религию.

7.17. Нарушение запрета является одновременно моментом возникновения власти в её автономной форме, т.е. в форме власти, которую можно захватить и которой можно манипулировать, т.к. отношения власти, складывающиеся напрямую из жизненных фактов, присутствовали всегда, но то, что возникает вследствие нарушения запретов и табу – это власть, как отдельная величина. С этих пор, у одних лиц появляется избыток власти, у других – её недостаток, а в дальнейшем, с зарождением классов, появляются люди, всегда располагающие ей и те, что полностью её лишены.

Зарождение власти следует изучать в её связи с процессом индивидуализации. Тот, кто нарушает запрет, обособляется и отделяется от общины, в той или иной форме. Отсюда, появление вождей, стремящихся к захвату власти над общиной, как эквивалента права выступать от её имени; но, в то же время, не должно быть её полной автономизации. Вот почему с самого начала, с одной стороны, присутствует «функция короля - нарушать» (Л.Л. Макариус, там же, стр. 155) и, с другой стороны, по достижении этого положения, ему приходится отказываться от всех клановых связей (там же, стр. 175), чтобы отдельные члены общины не злоупотребляли ей в ущерб остальным.

Судя по всему, община наделяет короля властью, которую он начинает исполнять и перераспределять в чётко определённых ситуациях во благо всей общины.

Индивидуализация, как отделение одного из элементов от общины затрагивает лишь одного человека, который, по сути, представляет её во всей полноте. Община, как бы выделяет его из себя, и заставляет своего короля исполнять всё то, чего она сама должна избегать в своих действиях; она нагружает его всем тем, от чего она должна избавиться сама. Этим она пытается отдалить от себя отрицающий её феномен. Король, как абстракция общины является одновременно её представителем и её отрицанием.

Множество табу, связанных как с индивидом, так и с природой, было призвано препятствовать автономизации власти. Они служили в качестве тормозящих механизмов –

вроде негативного обратного контроля (feed-back) – регулирующих общину в лоне данной окружающей среды³⁰.

Тем не менее, введение запретов должно было неминуемо столкнуться с внутренней динамикой исследования возможностей видом. Отсюда экзальтация всех действий, связанных с нарушением табу, как освобождающих актов, открывающих новые возможности. Позже было достигнуто понимание, что даже те, кто испытывал на себе вредные последствия нарушения запретов, особенно приводящих к накоплению власти отдельным индивидом, всё равно отождествляли себя с этим актом, потому что в нём впервые проявлялась возможность, потенциальными носителями которой они являлись.

Кроме того, после различных разрывов в общине, власть смогла достигнуть высокой степени автономизации, и те, кто ей обладал, вводили всё новые и новые запреты, чтобы оградить себя от попыток свержения и добиться ещё большей власти. Любой индивид, достигая автономизации, подменяет собой общину и завладевает всей властью.

Конфронтация между запретами, на которых основаны власть и динамика возможного, исчерпывается на Западе с установлением государства: не всё возможно для всех, необходим единый организм, государство, которое заставит всех уважать нормы, т.е. пределы в которых человеческое поведение будет соответствовать представлениям установившейся власти.

Некоторые утверждают, что возможно всё и для всех. Особенно актуальными эти дебаты стали с возникновением анархизма³¹.

Демографический рост, затрудняя контакты между всеми членами общины, вызывает необходимость в развитии метафизических представлений в политическом смысле слова; отсюда возможность – учитывая всё вышеизложенное – появления вождей и их автономизации.

Конфликты, более или менее связанные с охотой, приобретают, по крайней мере, в своей форме новый, культурный аспект, состоящий из механизма обратного контроля со стороны общины над некоторыми своими членами и их взаимоотношениями. Это становится предпосылкой для войны, но не может быть уподоблено ей³². С другой стороны, существует возможность, что вслед за периодом конфликтов развивается период равновесия (матриархат), а сама война появляется лишь позже, во время развития сельского хозяйства, принимая у мужчин более интенсивную форму.

³⁰ Власть, судя по всему автономизировалась, не только независимо от людей, но и вопреки их воле. Они считали её злом. Поэтому во многих случаях её избегали, как показывает Фрэнк в главе *Время царской власти* в *Золотой ветви*, т. I.

В других случаях, её ограничивало посредничество довольно большого количества табу; что помешало, в числе прочего, автономизации королевской власти в различных регионах Чёрной Африки (см. также у Фрэнкера).

³¹ Эта тема была поднята в статье *Marx et la Gemeinwesen*, ср. *Invariance*, III серия, n° 5-6, стр. 79-97.

³² Описание Фрэнкера в *Золотой ветви*: «Обитатели абиссинского региона Эггью, завязывают кровавые битвы друг против друга, деревня против деревни, в январе, в течение целой недели, для того чтобы вызвать дождь», похоже на войну. Но это не так. Это очень сложный феномен, интегрировавший разные факторы.

Тем не менее, ясно, что эти стычки послужили основанием для представления, согласно которому конфликт является познавательной операцией. Судя по всему, это представление зародилось в более поздний период, когда развивалась меновая стоимость, и оно должно было послужить оправданием для уже существовавшего феномена, стремившегося таким образом к вечности.

С вопросом власти интимно связана магия, как род деятельности, призванный воздействовать на окружающую среду и на членов общины. Следует отметить, что в магии основным субъектом является человеческое тело, служащее для аналогий со всем. Власть, в эпоху своего зарождения, была в первую очередь властью над близкими людьми.

Слабость автономизированной власти, которая со временем превращается во власть политическую, заключается в необходимости доказывать и утверждать её. Именно поэтому первые вожди, облечённые властью, должны были прибегать к различным аномалиям и чудовищностям, которые должны были считаться последствиями нарушения запретов. При этом они пользовались знаменами, которые они отыскивали во всём космосе. Зачастую доказательство их права на власть заключалась в их собственной чудовищности, в скрытой в них самих аномалии. Эдип олицетворяет собой проблему власти гораздо лучше, чем проблему сексуальности.

Практика поиска знаков, способных оправдывать и усиливать потенциал данной реальности также часто обнаруживается среди тех, кто стремился к подрыву установленной власти³³.

В вопросе взаимоотношений власти с запретами часто считается, что у истоков власти в числе прочего лежит наука, потому что она в большей или меньшей степени постоянно нарушает табу. В то же время, она просвещает и этим подрывает ту реальность, в которой она возникает. Но самым большим нарушителем запретов является капитал, в данном случае, он является уже не просто представлением, а тотальной практикой человечества, добровольно принятой нашим видом, из-за потребности в безопасности и чувстве собственной неуверенности в окружающем нас мире. Капитал нарушает запреты и служит основанием для того священного измерения, которое придаёт себе власть. В любом случае, принимая во внимание осуществляемое им многовековое сужение перспектив, можно сказать, что капитал представляет собой профанацию всего, что было прежде и порождает священное измерение, которое, однако, подвержено изменениям.

³³ Некоторая двусмысленность наблюдалась у Христа: с одной стороны он говорил, что не несёт знамений тем, кто не признаёт его миссию, с другой он творил чудеса, чтобы обосновать её. Схожая двусмысленность содержится в его высказываниях о власти. Это подразумевает его неспособность решить проблемы, связанные с последней.

У некоторых революционеров этот отказ от прямого или косвенного использования знамений говорит об анти-волюнтаристской концепции процесса революции. Она может быть осуществлена только тогда, когда созрели условия. А в такие моменты уже нет необходимости в признаках для того чтобы привести массы в движение.

Поиск знамений становится навязчивым при распаде психической структуры. Отчуждённому человеку нужны знаменья, чтобы начать вести себя определённым образом; это говорит об их растерянности и неуверенности.

Революционная динамика, разрушая запреты, установленные властью, некоторые из которых укоренены в отдалённом будущем, запускают динамику новых возможностей, и в этом отвечают биологической потребности вида. Тем не менее, капитал продолжает действовать как всегда и в данный момент это привело к тому, что наш вид, будучи в принципе готовым к новой динамике, остаётся дезориентированным и лишённым энергии, потому что её выкачивает феномен капитала, как проект отчуждения вида.

«Власть, как отдельная сила, нуждается в средствах для своего проявления. В начале, когда речь идёт о власти одних людей над другими, эти средства остаются в лоне самого вида. Вначале это голос. Для них [ирокезов, Ж.К.] голос – первопричина всего» (М. Мосс и А. Юбер, «Очерк общей теории магии»).

«Люди и боги действуют посредством брахмана, а это, в частности, голос» (там же).

Позже, когда власть дистанцируется и нуждается во всё более эффективных средствах для своего увековечивания, органом её самовыражения становится глаз. Ясновидение вождя становится определяющим для утверждения его власти. Зрение в числе прочего включает в себя параметр дистанцирования.

Ценность более или менее всех органов чувств – за исключением осязания – повышается с возникновением власти. По мере растущей автономизации власти, человеческого тела ей становится уже недостаточно.

Поиск власти зачастую был замаскированным или недооцененным, потому что он прятался под поиском золота, богатств и т.д. Несмотря на это, в цикле эволюции капитала, она в данный момент достигла этапа самоутверждения человеческого бытия, как в начале истории, но в рамках сообщества капитала; отсюда поиск определённой степени участия индивида в обществе и возрождение магии в иных формах (особенно в рекламе).

Распад капитала, который не подразумевает немедленное разложение созданного им общества, возродит в людях чувство неуверенности в своём существовании, в наличии самого общества. Отсюда важность поддержания определённых космогонических мифов (даже если они и называются по-другому), вместе с одновременным лихорадочным поиском власти со стороны молекул капитала, в которые превратились современные мужчины и женщины.

Наконец, судя по всему, капитал – как магия и феномен индивидуализации – затрагивает в первую очередь мужчин. В самом начале, благодаря ему, они смогли обрести большую или меньшую автономию, уравнивавшую ту власть, что они приписывали женщинам, чтобы затем полностью захватить её. Отсюда экзальтацию матери Земли со стороны женщин можно рассматривать как компенсаторный феномен и призыв к восстановлению их власти. В то же время, у мужчин этот культ можно рассматривать как признание вины в нарушении фундаментального запрета: нарушения неразрывной связи с природой.

7.18. Введение запретов и заключение альянсов придают новые измерения игре и празднеству, о котором мы уже упоминали, как о практике празднования начала времён.

Игра предшествует появлению Homo sapiens. Она существует у многих животных, особенно у плотоядных. Она связана с ученичеством, но в первую очередь она выражает собой радость жизни; кроме того, на данной стадии она равным образом выказывает полную неспособность вида к изобретению новых способов, потому что его игра чаще всего является повторением процессов, имевших место в его практике, например, в охоте.

Поэтому, игра у Homo sapiens обладает функцией предвосхищения; она представляет другой вид поведения, после момента разрыва с природой, нарушающего непосредственность поведения человека в окружающем его мире.

Кроме того, если учесть сомнение, вызвавшее разрыв, становится необходимо гарантировать сохранность текущей динамики, то есть сохранить существующий мир, помешать ему самоуничтожиться. Отсюда, учитывая присутствующие в игре имитацию, представление и дух участия и симпатии, у нас появляется возможность оперировать ритуалами, направленными на возрождение или сохранение мира, а через них отношением между игрой и силой (мана, и т.д.). Из этих ритуалов зарождаются народные празднества. Они призваны праздновать каждый этап жизни Homo sapiens, каждый этап жизни природы.

Игра развивается за счёт ещё одного феномена, родившегося из введения запретов и заключения альянсов: из празднества. Празднество и игра не сводимы одно к другому; но они присутствуют друг в друге: в игре есть праздничное измерение, как в празднестве есть игровое измерение. Важно отметить, что в празднестве может отмечаться запрет или его нарушение через их повтор, во время которого и используется игра.

Миф, ритуал, магия, празднество более или менее интимно смешиваются между собой, по мере углубления феноменов разрыва и индивидуализации, они автономизируются. Затем отдельные элементы, такие как миф, исчезают, в то время как другие, такие как игра и празднество, набирают силу, потому что они действуют вначале в качестве компенсации в лоне общинной жизни, потом, сильнее, в рамках социальных процессов; но в любом случае Homo ludens является лишь одной из проекций Homo sapiens, как и познание, от которого они зависят, потому что без него не может быть ни игры, ни празднества, если же нет представления, они функционируют в качестве механизмов восстановления равновесия в общинах. Именно в карнавальные периоды ярче всего проявляется биологическое измерение вида и его тенденция к распространению собственных блужданий, поднимающих вопрос о его биологическом бытии, потому что празднество восстанавливает альянсы со всеми, более или менее исчезнувшими, элементами.

Мы вернёмся к изучению игры, потому что это один из способов существования нашего вида; все виды деятельности, от самых непосредственных, стремящихся к увековечиванию вида, до самых опосредованных, таких как математика, можно рассматривать как формы игры.

7.19. Начиная с момента развития практики запрета, психика уже не может быть простым потоком, в котором сознание проявляется в результате неразрывного процесса. При введении запретов, напротив, появляются подавленные желания, нечто недопустимое в жизни общины, как института, представленного властью. По этой причине язык обретает новое измерение: он выражает незапрещённую мысль. Кроме того, он может в скрытой, эзотерической форме, указывать на запрет.

Когда эти подавленные – из-за общественной практики – желания становятся слишком сильными, они порождают бессознательное в психоаналитическом смысле, что подразумевает появление скрытых в человеке возможностей, которые могут быть заблокированными в его психической жизни. Тогда вербальный язык становится инструментом освобождения в той мере, в какой он открывает доступ конфликтующих элементов к сознанию, в словесных формулировках. Теперь можно выражать запреты в словах, смягчая этим напряжение. Или, ещё лучше, поскольку вербальный язык обладает симулятивным измерением, он становится средством для глубокого катарсиса. То же самое касается искусства.

Этот разрыв провоцирует возникновение психического содержания Homo sapiens. Поскольку это начальный момент, он подразумевает такой момент, когда нечто есть, в отличие от других моментов, когда нечто отсутствует; точно так же космогоническому мифу соответствует миф, выражающий тоску, связанную с концом света, являющийся одновременно представлением и заклинанием, соответствующим всё более острому восприятию смерти, как конца, как завершения в пустоте, в небытии, т.е. в отрицании тотальности бытия. В этом кроется причина того, что переход от состояния бодрствования ко сну, полному сновидений, порождают в виде сомнения в этом мире и его реальности. Разрыв непосредственности, о котором мы много раз говорили, привёл к исчезновению непосредственности и уверенности. Кроме того, этот разрыв послужил возникновению шизофрении и других форм безумства, в палеонтологическом измерении.

«Болезни нервной системы следует рассматривать, как эволюцию вспять, как распад» (Джексон, цит. по «Ухо и язык» А. Томатиса)³⁴.

Культура, познание являются механизмами восстановления равновесия и повторной интеграции вида в реальности. Но в моменты кризисов, порождённых природными феноменами, столкновениями с другими сообществами, или внутренними проблемами, страх перед концом света, как самый главный страх человека, и представления о нереальности окружающего мира, появляются вновь.

Бунты людей против угнетающего их установленного порядка повсюду демонстрируют определённый вид катарсиса, который одновременно является ловушкой. В бунте находит своё выражение тревога, подавляемая в течение десятилетий и веков, их участники считают, что разрешили всё, когда на самом деле всё для них только начинается.

³⁴ Распад структуры человеческого существа полностью выражается при отказе работы какого-либо органа чувств, особенно осязания (ср. например, навязчивый невроз и страх перед прикосновением).

Было бы недопустимым рассматривать душевную болезнь, как ограниченную уровнем мозга. От неё страдает весь организм, хотя мозг и играет решающую роль, потому что представления, помогающие человеку позиционироваться в окружающем мире, в сообществе капитала формируются в нём.

В своей посмертной книге *La fine del mondo*, Э. Де Мартино попытался подвергнуть одновременному изучению "риск утраты присутствия" у примитивных народов, детей, душевнобольных, и он обнаружил поразительное сходство; кроме того, он там же поднял вопросы рефлексии, не утратившей непосредственность индивидуальности, ритуалов, как защитных мер и т.д.

"Примитивные" народы хорошо поняли, что душевные болезни являются распадом, поэтому именно община занимается восстановлением душевного здоровья своих членов, утративших его.

Религия всегда представляется средством, избавляющим от таких тревог; она заставляет людей буквально петь от страха, внушённого определённым представлением, которому соответствует неосязаемая реальность, являющаяся лишь продуктом поведения, оправданного этим представлением. Это также имеет отношение к знаменитой травме рождения.

Вид должен изменить свою психику, чтобы выйти из ловушек своих представлений, как это зачастую случается, когда испытывают любовь.

Судя по всему, многие мужчины и женщины не способны любить непосредственно, спонтанно; Объект желания должен также обладать определённой силой. Вот почему столь многие склоняются к адюльтеру; в этих случаях партнёр является запретным. То же самое касается, на этом уровне, и инцеста.

Во многих легендах, рассказывающих о великой любви, страсть, в форме пароксизма, возникает из нарушения запрета. Зачастую он настолько силён, что герой должен прибегать – вольно или невольно – к приворотному зелью, чтобы любовь смогла расцвести (Тристан и Изольда). Отсюда вытекает теория о том, что любовь может быть только там, где присутствует запрет (или в банальной форме: там, где есть препятствия). Это подразумевает опосредованность чувства. Через эту опосредованность любовь становится реальностью, силой.

После триумфа движения стоимости, а затем капитала, партнёр становится тем более желанным, чем большую он представляет ценность (причём ценность здесь имеет отношение не только к экономической сфере). Если учесть, что ценность подразумевает запрет, т.к. если нет денег, соответствующих этой ценности, её нельзя получить, то становится понятным, что чем большей ценностью обладает некто, тем более сильный с ним связан запрет. Для того чтобы нарушить его и добиться желанного, необходима мощная сила человеческой личности или её суррогатов.

В своём аспекте потребительной стоимости, этот феномен предстаёт следующим образом: чем больше некто ценится другими, тем больше он становится объектом желания. В этом также содержится отрицание непосредственности³⁵.

В некоторых обычаях равным образом содержится проявление неуверенности, сомнения со стороны индивида, ограниченного только своими возможностями; он чувствует, что не способен на решительные шаги; он проявляет в своём поведении общинное измерение в негативной форме: он не может обойтись без поддержки других.

Отрицание опосредованности и стремление к обретению индивидуальной непосредственности не может представлять собой решение этой проблемы; измениться должен весь образ жизни, а это подразумевает появление нового вида Ното, у которого наслаждение будет связано уже не с нарушением запрета, а с вулканическим феноменом,

³⁵ Разумеется, не все мужчины и женщины в равной мере подчинены этим механизмам, но все подвергаются их влиянию.

происходящим из позиционирования нашего вида в космосе и из коллективного воображения, производящего индивидуальность, способную к расширению реальности³⁶.

7.20. Все формы, созданные человеком, представляли собой запрет; в этом случае речь идёт о фрагментации единого целого и связанным с ней возникновением представлений и толкований действительности. Это определённое понимание мира, хаоса, позиционирование в нём, но не его дублирование, копирование, в котором сохранялась бы его тотальность.

Точно так же, в той мере, в какой увеличивался разрыв с природой, создание форм, как толкований этого разрыва и попыток его преодоления, приобретало всё большее значение. Это проявилось в чистой форме в искусстве, в котором выразилась одновременно динамика запрета и возможностей. Динамика возможностей постулирует уничтожение прошлых форм ради возможности появления новых. Этот феномен уничтожения, проявляющийся в моменты кризиса, будет постепенно набирать всё большее значение в истории искусства, к которой мы ещё вернёмся. Здесь мы ограничимся рассмотрением связей между формой и запретом. Доказательство значения этого феномена содержится в запрете придавать форму божеству, у некоторых народов, например, у евреев. У этого запрета есть, конечно, и другие побочные причины, но, на мой взгляд, важно подчеркнуть, что страх этих народов перед сведением божества к форме, перед нарушением этого запрета, ограничивающего божество, которое должно представлять собой все возможности, был страхом перед автономизацией формы по отношению к содержанию; запрет диктовал свою реальность, которая изначально была решающей.

На уровне искусства измерение запрета, можно сказать, дублировалось, а это провоцировало напряжение, вызывавшее катарсис (ср. древнегреческие трагедии).

7.21. Мы видели, что с появлением охоты, общинная форма эволюционировала и породила племя, состоявшее из двух половин. Возможно, этот комплементарный дуализм обладал

³⁶ Здесь можно говорить о феноменах, описанных С. Лемом в *Солярисе*. В этом случае, доступ к рефлексивной мысли, к сознанию происходит без разделительных процессов, потому что она представлена океаном во всей его тотальности, способным проявляться в индивидуализированных формах, как во временных выражениях. Интересно, что С. Лем подробно рассматривает отношения между этой неразрывностью и людьми, в которых она нарушена, стремящимся вступить в контакт с этим океаном и наладить взаимную связь. Возможно, в этом проявляется потребность, которую человек испытывает в тотальности и неразрывности. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что вид должен достичь бытия *Gemeinwesen*. Для реализации этого проекта на нашей земле, необходимо, чтобы вид вновь погрузился в процесс жизни, чтобы вновь обрести неразрывную связь со всем живым миром, который также, через *Homo Gemeinwesen*, смог бы общаться с существами из иных миров. Можно считать, что этот проект мог бы быть реализован между живым миром нашего мира и иными мирами. Именно об этом мечтает С. Лем.

Ввиду вышесказанного, если сравнение океана Соляриса с технологической вселенной, разрабатываемой в наше время, является большим преуменьшением первого.

«Крайний образ будущего, Солярис, напоминает нам не ослепительную волну, дорогую сердцу Тарковского, но единое целое географических и экономических потоков человека. Это в первую очередь материальные потоки: потоки обмена. Но с каждым днём усиливаются и нематериальные потоки: информационные».

Эта фраза из книги А. Брессана и К. Дистлер *Будущий мир* (изд. du Seuil) описывает часть земной вселенной, отделённую от всего остального мира, существование которой подразумевает отсутствие сообщения с тотальностью жизни и её уничтожение.

существенной значимостью для метафизических представлений. Фактически, одна половина служила для самоидентификации другой, для её позиционирования.

Возможно, в определённых случаях, община по разным причинам, с трудом поддающимся инвентаризации – им следовало бы посвятить отдельный, подробный и объёмный труд, который всё равно вряд ли полностью раскрыл свою тему из-за недостатка данных – сама уничтожила участие отдельной личности в своих делах. С этих пор ей пришлось отыскивать во внешнем мире элементы для своих представлений о жизни. Можно считать, что евреи смогли достичь единства своих метафизических представлений, вплоть до размывания разделений между различными коленами, из-за того что они жили в рабстве у другого народа, у египтян.

В тех случаях, когда община уже отделилась от природы, как в случае с еврейским народом, у них появляется крайняя потребность в божестве: бог стал для них абстрактным связующим звеном, без которого сама их реальная община исчезла бы, утратила бы свою реальность.

В более глобальном смысле, до введения запретов община была организована в излучающейся манере, в то время как после него появился дуализм. Схожий феномен можно констатировать и в эволюции животного мира: он перешёл от излучающейся симметрии к двусторонней структуре. Последняя более соответствует способности к перемещению, что послужило отправной точкой для развития различных феноменов, в т.ч. в психике.

Было ли интеллектуальное развитие *Homo sapiens* стимулировано этим взрывом дуализма, вторгшегося во все сферы: запрет/не запрет, табу/ноа, священное/профанное, инь/янь, душа/тело и т.д.? Можно полагать, что он стал средством для ориентации представлений о двуединстве мужчины/женщины и, через него, для исследований мира и его обширной каталогизации. Но это часто ограничивало процесс познания.

Этот дуализм послужил динамике возникновения власти, теперь если её необходимость и оспаривали, её не уничтожали полностью. В связке с запретами и основанными на них альянсами, он помог начаться развитию динамики исключения, наивысшие проявления которой я называю *рэкето́м* (*специфический термин Каматта, служащий в основном для обозначения активистских групп, примеч. пер.*).

Порой дуализм вначале проявляется в форме конфронтации, потом эволюционирует до феномена компенсации, которая может фигурировать и в форме альянса, например, в случае контактов между матриархальными, сельскохозяйственными общинами с одной стороны и патриархальными, скотоводческими с другой, или в случае варварских племён и Римской империи.

В качестве компенсаторного феномена и альянса поколений, можно рассматривать и дуализм между старым и новым, зарождающийся в моменты фрагментации общности. С таким дуализмом обычно связаны успехи консерваторов, представляющих компромисс и восстановление равновесия. Поддержание традиции означает избежание распада в настоящем или исчезновения в будущем³⁷.

³⁷ Такой же вывод содержится в статье Ф. Госсена в номере «Монд» от 06.02.1985: *Новый вкус традиции*, где цитируются различные журналы и книги о проблеме нахождения равновесия между стрессом современности и

7.22. Развитие охоты сопровождается началом блужданий и концом непосредственности бытия, в то время как метафизическое представление о реальности начинает доминировать в качестве связующего элемента человеческой общины, это представление часто связывает людей, навязывая им запреты или возможности, не имеющие под собой конкретных оснований. Но самое важное последствие – это сокрытие биологического феномена, с которого начинается отрицание принадлежности человека к животному миру, и утверждение его особой роли по отношению ко всей остальной природе.

Между охотой и войной нет прямой связи, и от самой охоты, как таковой, до охоты, направленной на уничтожение населения и очистку территории для своей общины, проходит долгий период развития.

Поведение, определившее охоту, может быть обнаружено и в других аспектах человеческой жизни, например, в соблазнении; с той важной разницей, что при охоте жертва никогда не становится охотником, в то время как соблазнителя часто соблазняют, и, с другой стороны, соблазнитель зачастую вынужден соблазнять, потому что сам уже был соблазнён; наконец, порой соблазняют для того чтобы достичь определённого уровня существования: быть соблазнённым значит быть привлечённым из одной сферы существования в другую, в которой стираются отличия, и остаётся лишь ощущение полноты жизни и т.д. Это ловушка соблазнения.

В числе последствий появления охоты можно упомянуть роль запретов, как костылей или протезов вида, помогающих ограничивать вспышки насилия и зверства.

Компенсаторные феномены (связанные с заключением альянсов) и восстановление нарушенного равновесия, были задействованы во всех отдельных сферах деятельности особенно в сфере метафизических представлений, что позволило, например, в момент нарушения неразрывности, восстановить её. По аналогии, начало рассудочной деятельности соответствует введению в действие неразрывной последовательности. Эта аналогия находится в прямой связи с тропом, в котором содержится диалектика части и целого, последовательности и перелома, в то время как феномен метафизического представления воспроизводится на различных уровнях. Точно так же, например, в метонимии, часть представляет целое. Говорят также: часть стоит целого. Во второй формуле задействован

тяжестью прошлого (тема, уже раскрытая Э. Тоффлером в *Шоке будущего*). Там же отмечается, что цитируемые авторы отказываются признать нарушения неразрывности. Например, Норберт Элиас:

«Напрасно в тысячелетнем процессе передачи знаний и открытий отыскивают характеристики начала с абсолютного нуля и отсутствия тотальной последовательности».

В реальности действия людей порождали многочисленные нарушения в последовательном процессе, которые только способствовали развитию знаний, но при этом всегда интегрировали достижения прошлого.

Вот почему традиция порой расцветает в качестве компенсаторного феномена (ср. например, в течение последних 10 лет, невероятный успех всех форм оккультизма), но она никогда не сможет остановить неудержимый бег вперёд. Только полный разрыв с прошлым мог обладать какой-то эффективностью.

К тому же теперь у грядущего есть и свой метод: в структурализме отражается завершение становления капитала в качестве универсальной общности, теперь осуществляется поворот к истории, чтобы эту сложившуюся общность оправдать.

фактор познания, возникающий позже и в равной мере связанный с метафизическим представлением: стоимость.

Именно через познание *Homo sapiens* смог прийти к своему характерному процессу жизни³⁸ и утвердиться, как вид; это заставляет нас задаться вопросом, не было ли введение запретов вместе с комплементарной динамикой открытия новых возможностей, основным элементом в негативном действии, о котором говорил Гегель в *Феноменологии духа*, через которое вид пришёл к самопознанию.

В данный момент имеются все элементы, необходимые для строгого следования процессу познания, и уже невозможно не учитывать биологическое измерение вида, но не в смысле научного, биологического детерминизма, а в смысле принятия к сведению конкретных данных: деятельности физического корпуса вида, изучаемой в биологии. Таким образом, мы приближаемся концу цикла. Охота продолжает существовать, привлекая большое количество людей, причём не только в качестве конкретной деятельности, но и в качестве отдельной парадигмы, встречающейся у столь разных авторов, как Р. Том и К. Кастанеда³⁹. От неё нужно избавиться для того, чтобы начались необходимые изменения. В результате таких изменений появится новый вид, потому что в случае избавления от охоты исчезнут и все последствия охоты (употребление мяса, дуализм, феномен компенсаторного заключения альянсов). Процесс познания перестанет быть средством отдаления от природы и последующего примирения с ней. Он реализует новую интеграцию в естественную непосредственность окружающего мира и обретёт новую функциональность в процессе жизни вида.

Процесс творения – очень модный в наши дни – одним из проявлений которого является процесс познания, может развиваться, только если вид восстановит неразрывную связь со становлением природы и откажется от власти над ней, выражающейся в процессах творения собственного космоса. В этом случае вид обретёт то своеобразие, которым он сможет наслаждаться.

Invariance, IV серия, n° 2 - февраль 1986 г.

³⁸ Детальное изучение становления *Homo sapiens* демонстрирует, что процесс познания постоянно наталкивался на огромное количество препятствий, определивших те или иные этапы, на которых смогли остановиться разные общины.

³⁹ Топология ещё больше, чем геометрия может считаться наукой о территории, что придаёт ей этологическое измерение, которым можно объяснить содержательность парадигмы охоты у Тома.

Блуждания человечества (Возникновение Homo Gemeinwesen) – III часть

Жак Каматт

8. ФОРМИРОВАНИЕ АБСТРАКТНОЙ ОБЩНОСТИ: ГОСУДАРСТВО

8.1 Предпосылки.

8.1.1. Ниже следуют не столько гипотезы, сколько интуитивные, в ещё большей степени, чем в предыдущих главах, тезисы. В отношении всех затронутых тем невозможно провести полномасштабную исследовательскую работу и, поскольку такая работа невозможна, в ходе дальнейшего анализа, в большинстве случаев придётся принимать существующие представления и довольствоваться интуитивным пониманием, соответствующим всем идеям, высказанным до сих пор на страницах журнала «Invariance».

Цель здесь заключается не столько в наиболее полном возможном анализе, сколько в устранении целого комплекса препятствий, мешающих составить ясное представление о возможном будущем человеческого вида.

8.1.2. Нам предстоит анализ различных элементов, которые в настоящий момент трудно представить как результаты раздельного происхождения⁴⁰, т.к. они связаны между собой, и зачастую трудно определить, какой из них предшествует другому.

Именно поэтому, данные элементы будут рассматриваться в своём голом существовании, как феномены, повлиявшие на вид, не забывая при этом, что именно наш вид стал причиной их появления.

В первую очередь, нам предстоит изучить истоки нарушения равновесия между нашим видом и природой.

В то же время, будет сделана попытка понять, как нарушение данного равновесия повлияло на возникновение определённых компенсаторных процессов, изобретённых видом.

⁴⁰ Вот почему мы сгруппировали главы 8, 9 и 10 в одну, как было указано в резюме, опубликованном в журнале Invariance, IV серия, №2.

Данные процессы можно рассматривать как реформизмы⁴¹, задействованные с целью избежать насилия и столкновений между этническими группами.

В тех случаях, когда столкновений удалось избежать, они были подавлены, и это могло нарушить процессы самосознания вида, благодаря которым он знал о своём происхождении, при развитии альтернативных вариантов.

Кроме того, при анализе демографического роста, хорошо отражающего взаимосвязь между нашим видом и природой, мы сталкиваемся, в иной форме, с динамикой интеграции противоречий, без их частичного разрешения, т.е. без полного исчезновения напряжённости и противоречий.

Вид *Homo Sapiens*, возникновение которого, судя по всему, совпало с ледниковым периодом, смог выжить исключительно благодаря улучшению техники охоты.

Именно в этот период наш вид смог достичь процветания и количественного роста; но этот феномен приобрёл катастрофические характеристики во время таяния ледников и связанного с ним уменьшения добычи.

Земледелие и скотоводство - появившиеся в определённый момент, причём точно неизвестно, насколько их появление было одновременным в пространстве и времени - позволили преодолеть этот трудный этап.

В частности, злаковые культуры стали ответом на пищевой кризис, хоть и не единственным.

Благодаря им стал возможен новый рост населения, и человеческий вид полностью утратил контроль над своим воспроизводством.

В целом, с исчезновением непосредственной общины исчез и механизм саморегулирования всех функций вида, жившего в более или менее расширенных общинах.

Исчезновение непосредственной общины так же повлияло на взаимоотношения между общиной и природой, между членами общины, так что развитие болезней и появление представлений, которые в наше время, могут казаться нам более или менее абберрантными.

В реальности, речь идёт о начале блужданий человечества, выразившемся в создании нескольких различных культур, вплоть до нынешнего состояния знаний человечества.

⁴¹ Я использую слово "реформизмы" вместо реформ, чтобы показать размах процесса, в котором задействованы различные практики. В данном случае реформизм можно рассматривать, как глобальное изобретение, позволяющее нашему виду в определённый момент идти окольными путями в своём собственном становлении.

8.1.3. У нашего анализа двойная цель : добиться понимания различных моментов процесса антропогенеза и различных травм, повлиявших на вид Homo Sapiens, которые могли как вызвать его блуждания, так и придать ему определённый детерминизм ; такое понимание позволит нам определить на какой точке процесс познания стал решающим для нашего вида ; оно позволит нам определить момент возникновения вида Homo Gemeinwesen.

Эти две цели взаимосвязаны.

Основополагающим в попытке понять становление вида Homo sapiens является воссоздание различных форм человеческого общежития в самых древних, первобытных общинах, в той или иной степени управлявшихся взаимоотношениями, порождёнными самой общиной, отношений, возникших в результате разрыва с первоначальным образом жизни и, наконец, отношений между опосредованными общинами в абстрагированной форме государств⁴².

Это подтверждает верность утверждения о том, что, в данном случае, государство является непосредственным продуктом становления общины в направлении деспотизма, автономизации власти, как формы, способной абстрагироваться и позиционировать себя в качестве вершины иерархии (взаимосвязи между людьми, структурированной снизу вверх).

Следует отметить, что в рамках данного становления появлению государства способствовали различные посреднические звенья.

⁴² В книге Grundrisse К. Маркс предпринял анализ различных этапов становления нашего вида, отталкиваясь от первобытной общины, которая в других его работах, опубликованных при жизни, а также в работах Энгельса называется примитивным коммунизмом.

Эта работа была продолжена Р. Данжевиллем и А.Бордигой в шестидесятых (другие авторы также занимались этим вопросом, но менее систематично).

Тем не менее, первые лишь упорядочили труд Маркса, не углубляясь в поставленные им различные вопросы, такие как возникновение государства в лоне общин. Они не дали чётких разъяснений по тексту, касающемуся первобытных форм, который сам по себе ставит множество вопросов.

"Община может появляться в лоне племени в форме вождя племенной семьи, представляющего единство, или в форме взаимоотношений между отцами семейств. Отсюда более или менее деспотическая или демократическая форма общины". ("Критика политической экономии", изд. Anthropos, t. 1 p. 438)

Мы перейдём к анализу общин в главе 8.3.

А. Тестар посвятил первобытному коммунизму книгу:«Экономика и идеология», изд. La Maison des sciences de l'Homme. Этот анализ не принёс прояснения - несмотря на обилие интересной информации - по первоначальным этапам развития вида Homo Sapiens. В нём примитивный коммунизм описывается как способ производства с его инвариантами - производство, индивид и, в какой-то мере собственность.

Он пишет: "Читатель поймёт, что движение, при котором всё принадлежащее тебе уходит от тебя (сексуальные партнёры в группе, тотемы твоего клана), выражает сущность примитивной собственности.

То, что принадлежит тебе - не для тебя; ты не можешь сам использовать то, чем владеешь, таков самый очевидный смысл тотемизма, когда он запрещает использование тотемов". (стр. 299-300)

В наших предыдущих текстах мы демонстрировали, что примитивный коммунизм не был способом производства; мы критиковали сам термин, указывая на то, в какой мере он не подходил для того чтобы обозначать собой начальный период Homo sapiens.

Вот почему мы заменили этот термин выражением "непосредственная община", более или менее равнозначным первобытной форме общины по Марксу.

Речь идёт о земледелии в его самой развитой форме, о скотоводстве, о металлургии, о письменности.

Все эти звенья позволили увеличить сферу развития процесса индивидуализации, направленного против процесса общности; отсюда реакция и деспотические видоизменения последней.

В то же время наш вид начал всё больше отделяться от природы, что вызвало необходимость в новых представлениях, объединяющих людей с их общностью на глобальном уровне.

Вместе с земледелием и скотоводством, наш вид усвоил определённый образ жизни, который подчинил его себе; возникла посредническая связь, которой не было при доминировании охоты.

При этом у вида появилась тенденция соотноситься лишь с ограниченными фрагментами природы и изолировать её отдельные элементы для их эксплуатации.

Отсюда возникает дихотомия между пользой и вредом, которая впоследствии обретёт значительный размах;

Земледелие, скотоводство, металлургия, письменность представляют собой моменты разрыва с природой, феномены абстрагирования.

Государство является их синтезом, то есть завершённой абстракцией.

Иными словами, в качестве основных предпосылок фигурируют седентаризация, концентрация, благодаря которой становится возможным появление складированных запасов, и, следовательно, увековечивание, концентрация или взрыв власти, и феномен абстракции, который лучше всего представлен в письменности, в счёте и т.д., например в тех случаях, когда требуется перераспределение продукции.

Таковы основополагающие причины, вызывающие и обосновывающие разделение между внешним и внутренним.

8.1.4

Охота, в своей самой развитой форме утвердилась в тех регионах, где климат - вследствие оледенения - не позволял получить пищу неживотного происхождения, в течение большей части года.

Вполне возможно, что именно из этих регионов техники охоты распространилась и на этнические группы, не имевшие настоящей потребности в охоте для обеспечения своих нужд.

Усвоение этих техник могло равным образом начаться в тот момент, когда этнические группы занятые большей частью собирательством столкнулись с необходимостью наращивания своих пищевых запасов из-за роста населения, либо из-за их вытеснения другими этническими группами в те регионы, которые не могли предоставить достаточное количество пропитания.

Сказав это, я абсолютно не хочу оправдывать или восхвалять охоту и представлять её как необходимое звено, без которого вид *Homo* достиг стадии *sapiens*.

Охота сделала значительный вклад в становление нашего вида, но это произошло из-за его реакции на её развитие.

В любом случае, для уточнения, необходимо провести всеобъемлющий анализ, который пока реализован не был⁴³.

⁴³ Мне кажется, что роль охоты, в первую очередь на крупную дичь, в антропогенезе (становление *Homo Sapiens*) сильно преувеличена. Тенденция к союзу между общинами связана с глубоким импульсом внутри вида. Она росла под влиянием особых, тяжёлых климатических условий. Правила экзогамии связаны с проблемой установления одной общиной добрососедских отношений с другими общинами; все общины зависят друг от друга, в т.ч. из-за близости между их территориями. Из этого следует динамика союзов и вражды. Демографический толчок мог усилить этот феномен. В этом случае, охота на крупную дичь могла способствовать такому толчку, и проблема крови - вследствие её роли при убийстве животного - была усилена, увеличена, но вполне возможно, что она уже существовала у народов ещё не практиковавших такую охоту. Тем не менее, самые детальные представления народов, занимавшихся охотой смогли привиться на благоприятной почве в других общинах, всё ещё находившихся на стадии охотников-собирателей, вроде австралийцев. Экзогамию можно также рассматривать как средство контроля общины над собственными функциями питания и воспроизводства, над отношениями с другими общинами, а также как средство против автономизации её членов. Нельзя рассматривать охоту, как благо само по себе, а этап охоты-собирательства, как регресс. В некоторых общинах (например, в Австралии), где охота не обрела решающего значения, всё ещё можно обнаружить факты, когда питание обладает решающей ролью для реализации и реактуализации родства. Равным, образом здесь проявляются признаки оседания. Кроме того, это позволило позиционироваться и обзавестись системой важнейших ориентиров для развития языков, и тем самым получить не только средства сообщения, но и гарантии полной реализации общности.

Эту точку зрения не разделяют такие авторы, как С. Московичи (ср. «*La société contre nature*» изд. 10/18 и «*Hommes domestiques et hommes sauvages*» éd. 10/18) и Г. Мендель («*La chasse structurale - une interprétation du devenir humain*», изд. P.V.P.).

Согласно последнему, охота формирует человека, но способом производства является структурная охота (которая "открыла процесс гоминизации" стр. 15). Этот тип охоты играет роль настоящегодемиурга: "На наш взгляд, австралопитек превращается в современного человека не из-за увеличившегося объёма черепа.

Скорее для структурной охоты понадобились различные индивиды, чьи ассоциативные зоны, в частности предлобовые, "невероятно" размножились, и произошёл отбор мутаций в черепе, челюсти, лобной части и т.д." (стр. 17)

"По крайней мере, можно сказать, что если человек окончательно и навсегда встал на ноги, то не для того чтобы пользоваться руками... а потому что он, сам того не осознавая пришёл к коллективному единству, в виде структурной охоты. Самое удивительное заключается в том, что этот вид, наш вид, настолько неустойчивый по отношению к окружающей среде, смог выжить". (стр. 65) Следовательно, охота является инвариантной деятельностью человеческого вида. Точно так же производство и производственные отношения выступают в качестве инвариантов. "Иными словами, вид *Homo habilis* претерпел диверсификацию после революции в производственных отношениях, произошедшей у отдельных австралопитеков". (стр.71) Здесь мы сталкиваемся с той же проблематикой, что и у А. Тестара (ср. прим. 3). Тезисы Г. Менделя лишь подтверждают, утверждения людей вроде Д. Морриса о том, что человек является природённым убийцей

Важно также отметить общий характер феномена, который мог утвердяться вопреки воле людей.

Можно представить, что определённые племена обзавелись оружием, чтобы защищаться от атак других племён и лишь потом начали пользоваться им для охоты.

Наконец, нельзя обойти феномен миметики в познавательном поведении *Homo sapiens*, благодаря которому он начал подражать животным (например, можно действовать в качестве хищника, принять образ поведения хищника в мире) так же как и себе подобным.

Как бы то ни было, в итоге получает распространение тенденция к *кладизации* по причине изоляции различных этнических групп.

Иными словами, в процессе охоты складывается союз, который начинает действовать по новому, с ещё большим размахом, в ходе становления развитой формы земледелия.

Эти два процесса получали развитие зачастую под абсолютно решающим влиянием внешних по отношению к виду факторов, то есть под воздействием биосферы - невозможно отследить становление какого бы то ни было вида без учёта становления последней, без учёта планеты, как живого существа - в частности, климата, который сам регулируется биосферой (гипотеза о Гайе).

Это однако не мешает тому, что накопление различных изобретений в течение долгого исторического периода создало благоприятную почву для данной трансформации.

Кроме того, с учётом различий в климатических условиях и различий в их эволюции на поверхности земного шара, вряд ли возможно проследить неразрывную связь между этими двумя этапами.

Фактически, охота, в том виде в каком мы её изучили, утвердилась в Западной Европе, в то время как земледелие изначально развивалось исключительно в зоне Ближнего Востока, откуда оно распространилось по другим регионам, нередко сталкиваясь с сопротивлением.

Это вполне понятно если учесть, что после таяния ледников, более мягкий климат сделал возможным рост различных растений, которые стало возможным собирать, чтобы компенсировать недостатки в охоте.

В разных климатических условиях началось два процесса развития:

к примеру, один из них в Западной Европе привёл к появлению охоты, затем к равновесию между охотой и собирательством,

другой, на Ближнем Востоке, где не произошло развития охоты, сравнимого с Западом, но возникло земледелие.

Если на глобальном уровне существовала неразрывная связь, она могла отсутствовать на местном уровне.

Значит, происходило внешнее воздействие.

Те же комментарии касаются и других регионов, где зародилось земледелие, независимых очагов Ближнего Востока.

Кроме того, перманентной остаётся тенденция к поддержанию сплочённости вида и обретению большего господства над окружающей средой.

Роль охоты часто превозносят потому что якобы благодаря ей Homo sapiens обрёл важные познавательные способности, которые помогли ему лучше понимать образ жизни видов добычи и развивать собственные хищнические привычки.

Очевидно, что для простого собирательства⁴⁴ равным образом требовались познавательные способности в отношении собираемых видов, защиты от хищников и т.д. Таким образом, вовсе не обязательно какая-либо этническая группа должна была проходить через стадию полностью развитой охоты, чтобы прийти к земледелию. Точно известно, что существует постоянное давление, напряжение, которое испытывает наш вид, заставляющее его совершать открытия и изобретать.

Но в данном случае, угроза, представленная различными плотоядными хищниками могла побудить наш вид обзавестись оружием, позволяющим ему сопротивляться атакам последних.

Данную возможность никогда не исследовали.

Этот вопрос предстаёт в иной форме, когда ставший земледельческим Homo Sapiens начинает пользоваться оружием, чтобы защищать свои стада.

8.2. Скотоводство.

8.2.1. Трудно с точностью говорить о том, предшествовало ли скотоводство сельскому хозяйству или нет.

⁴⁴ Важно отметить воздействие этого поведения на людей, поведения, которое можно определить как естественное и непосредственное. Это можно констатировать и в различных современных феноменах: сбор грибов, различных плодов, вроде земляники, клубники, черники, каштанов или сбор в конце сезона культивации: например, виноград, вековая практика сбора колосьев. Самыми удачными супермаркетами стали те, что ввели натуральные элементы в свои помещения и разместили продукты так, что люди ощущают себя собирателями!!

Вполне возможно, что в эволюции этих двух видов деятельности присутствовала определённая синергия⁴⁵.

Мы будем придерживаться этой предпосылки не в виде компромисса, а потому что это нам представляется отвечающим реальному становлению.

Можно предположить, что более или менее сильная тенденция к одомашниванию животных и растений присутствовала в той или иной мере у всех человеческих групп и что она по разному проявляла себя в зависимости от условий среды обитания той или иной этнической группы.

Эта тенденция должна быть увязана с познавательным, исследовательским поведением вида, равно как и с его страстью к подражанию, его волей к реализации деятельности других видов.

Она ещё будет проявляться в различных литературных и художественных представлениях.

Кроме того, следует отметить потребность приводить жизнь животного или растения в соответствие, так сказать, с нуждами вида.

Приручение, которое могло - в определённых случаях - стать первым этапом в процессе одомашнивания, отвечало потребности в достижении более глубокой гармонии с другими видами.

Наконец, вполне возможно, что этому феномену способствовал факт существования животных видов, стремящихся к присутствию Homo Sapiens.

Поведение дельфина или жабы хорошо иллюстрируют это наблюдение.

8.2.2

Зарождение земледелия могло быть предопределено потребностью в поиске альтернативного, более стабильного источника питания, а также реакцией женщин на возрастающую тенденцию мужчин к власти.

⁴⁵ В статье «Неолит, как революция» (« Le Débat », n°20) приводятся случаи, когда земледелие предшествует скотоводству и наоборот. Экологические условия являются определяющими. То же самое говорится в статье Джека Р.Харлана "Происхождение земледелия", La Recherche n°29, 1972, где утверждается, что "земледелие появлялось много раз"; "человек вступил в земледелие и остался там" "и не всегда в центральных с географической точки зрения регионах" Л.Р.Нужье в статье « Naissance de la civilisation – forestiers, défricheurs, paysans dans la préhistoire », изд.Lieu commun, отмечает : "Разве Неолитическая революция не была более социальной, чем экономической..." (стр. 148). Это подчёркивает значение изменений в отношениях между членами общины.

Вследствие этого, установилось новое равновесие, утвердившее превосходство женщин; в то время как скотоводство находилось в более непосредственной связи с охотой.

Поредение добычи способствовало возникновению скотоводства, которое можно рассматривать как усовершенствованную форму охоты: люди, изучив особенности поведения определённых животных - тех, что сбиваются в группы при бегстве (ср. у Леруа-Гурана) - смогли воспользоваться этими знаниями, чтобы при помощи собак загонять животных в определённые места и подчинять их своему контролю.

Скотоводство можно считать процессом, связанным с мужским полюсом вида, а земледелие - с женским.

Всё новые возможности для развития скотоводства и земледелия, во взаимной связи между ними, появлялись благодаря воздействию географических и климатических факторов.

С началом использования животной тяги в земледелии, мужчины в земледельческих обществах начали преобладать над женщинами, хотя окончательно это преобладание установилось только с началом набегов кочевых народов.

Использование животных земледельческими народами привело к их противостоянию с народами скотоводческими, вместо того чтобы сблизить их, потому что у первых животное становилось инструментом, а у скотоводов сохранялась с ними более древняя связь.

Во многих случаях их держали в резерве, чтобы употребить в пищу позже, когда в этом почувствуется потребность, но в целом, их больше использовали для производства молока и т.д. Их почти всегда почитали.

Позже, когда движение стоимости достигло определённого развития, скот стал основой богатства.

Он начал выступать в качестве общего эквивалента, что усиливало его священный характер и другие виды его использования

По сути, для земледельца животное является орудием, рабочим инструментом, для скотовода - утверждением его власти⁴⁶.

⁴⁶ Возможно, именно поэтому в обществе с абсолютным преобладанием земледелия, вроде древнего Египта, животные сохраняли особое место и обожествлялись. Боги обладают головами животных, но при этом растения не становятся предметом культа.

Объяснение того, что может показаться расхождением между представлением и социальной реальностью можно искать в следующих феноменах:

1. Автономизация власти: царь-фараон объявляет себя богом.
2. Факт заключается в том, что власть столь быстро устанавливается в долине Нила у пастушеских племён, происходящих как из Сахары, так и из африканских регионов к югу от Египта в качестве привитого элемента, в котором сохраняются многие исходные черты.
3. Нежелание разрывать связь с природой и животным миром.

Противостояние между земледельческими народами, в которых важную роль играет женщина, и скотоводческими народами, с их патриархальной структурой, вылилось в глубоко укоренённый антагонизм, влиявший на мировую историю вплоть до XVIII века, времени последних миграций, включая в определённой мере, внутренние миграции в рамках общины (Gemeinschaft), связанные с сосуществованием земледелия и скотоводства.

В итоге оно сменилось - не исчезнув при этом окончательно - противостоянием между полюсом труда и полюсом стоимости, как на уровне международных отношений, так и внутри стран.

Следует учитывать, что после разрыва непосредственной связи с окружающим миром, начавшимся с возникновения охоты, спровоцировавшего разделение полов, отношения между мужчинами и женщинами начали выстраиваться на уровне власти.

Кроме того, даже если считать, что матриархат не противоречил напрямую патриархату, как форме власти, не подлежит никакому сомнению, что последний был под вопросом и можно считать, что как раз против тенденции к его автономизации, против направленных на неё действий мужчин, женщины начали действовать на этой почве.

Тогда появилась возможность для создания гинекокрации, о которой пишет Ф.д'Обонн.

Власть автономизируется в первую очередь у скотоводческих народов, лишь потом у земледельческих.

У последних при этом появляются социальные формы союза земледельческого женского полюса и скотоводческого мужского, где мужчины доминируют над женщинами.

8.2.3

Скотоводство приносит с собой разрыв с прежним образом жизни и с природой, происходящий скрыто, при видимом поддержании старой связи, т.к. седентаризации ещё не происходит, и пища продолжает оставаться большей частью животного происхождения.

Феномен самоприручения вида приобретает больший масштаб с началом практики земледелия.

В этом можно видеть первопричину антагонизма между скотоводческими и земледельческими народами.

Разрыв с природой происходит косвенно.

В нём участвуют и животные, над которыми люди вначале просто хотели властвовать, не помышляя о непосредственных экономических выгодах, т.к. приручение и одомашнивание проявляют в более или менее искажённой форме стремление сохранять неразрывную связь с животными.

Скотоводство представляет собой всё более сильное вытеснение животных из их среды.

Человек посредничает между ними, становится их хозяином и начинает управлять их количеством и рождаемостью.

8.2.4.

Наследственность, как одна из первых манипуляций с функцией неразрывной связи появляется вместе со скотоводством.

Человек выбирает, что должно и что не должно родиться.

Отсюда могла появиться концепция, согласно которой всё, что рождается от определённой пары принадлежит этой паре (в частном порядке) или, вернее, одному из элементов пары.

Животные воспроизводятся, чтобы дать людям потомство, которым они в свою очередь, воспользуются.

Воспроизводство теперь осуществляется не для целей тех, кто воспроизводится, но для целей тех, кто его контролирует.

Позже та же концепция начинает применяться и к человеческому виду, и женщина теперь воспроизводит не в целях обеспечения вечности, а чтобы дать наследника мужчине, который тем самым завладевает прерогативой вида.

Женщина становится почти что инструментом!

8.2.5.

Частная собственность могла возникнуть без автономизации - по отношению к преобладанию мужчины - который всё больше начинал действовать на стороне нарушения неразрывности, тенденции к автономизации власти, накопления резервов, изоляции скота, причём образ жизни самих скотоводческих племён с их разнообразными телегами стал приобретать изолированные формы.

В то же время начал проявлять тенденцию к росту процесс индивидуализации.

Скот, в ограниченных количествах, можно запросто отделять от среды его обитания и перегонять в другое место.

Скот можно захватывать, наращивать, накапливать, при этом он даёт силу и власть семьям или членам семей; благодаря чему не только зарождается формирование вождей, но и появляется возможность их автономизации.

Вместе с практикой скотоводства проявляется глубокая тенденция к разделению, представляющая собой феномен *кладизации*, чья автономизация, к счастью, не привела к фрагментации вида.

Именно с появлением скотоводства начинается реальная автономизация власти, о чём можно судить по тому факту, что архетипический образ власти - это пастух, пасущий стадо.

Король был пастухом своего народа; Христос своей паствы и т.д. Одновременно утвердилась идея о том, что жизнь - это предопределённый путь, который необходимо пройти, не сбиваясь с дороги.

Необходимо идти прямым путём, а это уже подразумевает появление концепций маргинальности, отклонения (в буквальном и фигуральном смысле), проводника, но также возможности заблудиться, в итоге чего закладываются основы стадности, в которой погряз наш вид.

Для того чтобы лучше понять, как в среде народов, преимущественно культивировавших скотоводство, могла возникнуть частная собственность, и как отдельные члены общины смогли захватить власть, стать вождями, необходимо вернуться к предшествовавшему моменту.

Мы этим займёмся в следующей главе, где этот вопрос будет поднят вновь, во избежание повторений, а также потому что отправной точкой является разделение и фрагментация общины.

"Земля это большая лаборатория, арсенал, предоставляющий как средства, так и материалы для труда, а также местопребывание, как основу для общности (Gemeinwesen).

Они [члены общины, Ж.К.] наивно относятся к ней, как к собственности своей общины, общности (Gemeinwesen), которая производит себя и воспроизводится через живой труд.

Каждая частица [Jeder Einzelne, важно отметить, что Маркс не пользуется термином "индивид", Ж.К.] ведёт себя только как член этой общности (Gemeinwesen), будучи владельцем или собственником (Marx, *Fondements de la critique de l'économie politique*, éd. Anthropos, t. 1, p. 437 – *texte allemand*, Grundrisse, p. 372, éd. Dietz Verlag).

Каждый член общины принадлежит ей.

Частная собственность могла появиться только начиная с того момента, когда уже не было взаимности, т.е. когда отдельные члены общины уже отделились от неё.

8.2.6.

Отношение одного вида к другому в качестве хищника/эксплуататора, характеризующее скотоводство, определило собой отношения между этническими группами, между общинами и породило рабство.

В то же время старое представление об общности живых существ, в которой люди занимают высшее место, сменилось представлениями о разнице между человеческим видом и животными и растительными видами⁴⁷, которые являются собственностью первого и, в конечном итоге, считаются созданными для него, для удовлетворения его нужд (иудаизм, христианство). Так появляются оправдания для использования-эксплуатации животных, прототип для схожего отношения мужчины к женщине - эти два феномена более менее совпадают во времени, как возникновение скотоводства совпадает с автономизацией мужчины по отношению к женщине.

⁴⁷ Следующая цитата из Дж. Фрэзера хорошо отражает взаимозависимость между Homo Sapiens и животными. "Пока же важно отметить, что торжества, во время которых айны, гилеки и некоторые другие народности с заверениями в своем уважении к ним и в горе по случаю их утраты предаются смерти ручных, вскормленных в клетках медведей, возможно, являются не чем иным, как расширенным и торжественным воспроизведением обрядов, которые охотник совершает над тушей дикого медведя, убитого им в лесу" ("Золотая ветвь", т. III. стр. 316)

За этим следует следующее наблюдение:

"Следовательно, противоречие в обрядовой практике народностей, почитающих и чуть ли не обожествляющих животных, на которых они охотятся, которых они убивают и съедают, является не столь вопиющим, как казалось на первый взгляд. У них есть для такого образа действий основания, и притом весьма веские. Первобытный человек никоим образом не является таким нелогичным и непрактичным, каким он может показаться поверхностному наблюдателю. Над проблемами, которые его непосредственно касаются, он размышлял достаточно глубоко, и, хотя выводы, к которым он пришел, часто очень далеки от тех, к которым пришли мы, не стоит отрицать за ним заслугу терпеливого и продолжительного размышления над фундаментальными проблемами человеческого существования.

Обратимся к интересующему нас вопросу. В данном случае первобытный человек, с одной стороны, считает медведей вообще животными, вполне подчиненными его нуждам, а с другой — выделяет из их числа отдельные особи, которым он оказывает почитание, достигающее чуть ли не до обожествления. Такое отношение не дает нам основания поспешно обвинить его в иррационализме и непоследовательности; напротив, нам следует попытаться встать на его точку зрения, посмотреть на вещи его глазами и отрешиться от предубеждений, которые оказывают столь глубокое влияние на наше мировоззрение

В таком случае мы, скорее всего, обнаружим, что, каким бы абсурдным ни казалось нам поведение первобытного человека, он, как правило, основывает свои поступки на логике, которая, как ему кажется, не противоречит данным его ограниченного опыта". (idem, стр. 316)

Этот текст указывает на тип мысли, согласно которому происходит исторический переход от ошибки к истине, но в то же время оправдываются «предыдущие» этапы. Отсюда возврат к рационализации, рискуя лишиться наблюдения естественности. Виттгенштейн отвергает это («*Remarque sur le Rameau d'Or de Frazer*», éd. L'Age d'Homme), отмечая: «Это можно только описывать, говоря: такова человеческая жизнь» (стр. 15).

Это радикальная, противоречивая позиция, предполагающая невозможность понять наших предков, полный разрыв связи между различными этапами становления нашего вида. Очень характерно ещё одно замечание Виттгенштейна: «Я считаю, что первобытного человека характеризует то, что он действует не под влиянием своих мнений (вопреки Фрэзеру).» (стр. 24). Мы ещё вернёмся к этим трудам по антропологии.

В дальнейшем появляется различие между собственным "я" и другими, которые уже не считаются людьми, как у греков с их концепцией варваров, или у евреев с их концепцией идолопоклонников и т.д.

Практика подчинения других этнических групп, их обращения в рабство, или их уничтожения в целях завладения их территорией оправдывается теорией о превосходстве одной нации над другой, основанной на теории превосходства Homo Sapiens над живым миром.

На этом этапе люди утратили чувство участия в биосфере, придававшее им уверенности в себе, и у них возникла потребность в высшем существе, единосущном с видом, в боге отдельных народов, союз с которым оправдывает их поведение (древний иудаизм) в условиях разрыва связи с природой.

8.2.7.

Практика кастрации связана со скотоводством и изначально применялась к крупным домашним животным.

В древней Америке, где таких животных не было, не было и евнухов (ср. К. Wittfogel, *Le despotisme oriental – Etude comparative du pouvoir total*, éd. de Minuit, p. 446)

Этот автор пишет на страницах своей книги о различных функциях евнухов.

Самой важной из них был контроль за государственным аппаратом.

В данном случае, человеческое общество - по крайней мере, его часть, обладающая властью - напоминает общину муравьёв или пчёл, в которой есть воспроизводящая пара и стерильные исполнители всех других функций, необходимых для жизни вида.

Эта практика ещё хуже чем обращение в рабство.

Иногда эти две практики сочетаются, хотя в некоторых странах рабы могут вступать в брак.

8.2.8.

У приручения лошади в Евразии были громадные последствия, т.к. оно сделало возможным распространение войны.

Это был очень медленный процесс, потому что первоначально лошадь только запрягали, она не переносила всадников, и ей трудно было управлять (до изобретения узды), отсюда использование боевой колесницы.

За тысячу лет её размер увеличился, и появилась экипировка, необходимая для того чтобы её оседлать⁴⁸.

Благодаря лошади появилась возможность реализации крупных миграций (вплоть до XVIII века), спровоцировавших падение различных империй и разрушение различных цивилизаций.

Скотоводство косвенно проявило разрушительный характер, причём не только из-за вызванных им войн, но самим фактом своего развития. Выпас скота спровоцировал уничтожение растительного слоя, которое способно приводить, рано или поздно, к катастрофическим последствиям, как это показывают различные пейзажи в периметре Средиземноморья. Фактически, достаточно одного климатического колебания в сторону засухи, в течение двух или трёх лет, для того чтобы вызвать глубокий регресс растительности, способной существовать лишь на определённых видах почвы. Кроме того, сокращение пастбищных земель привело в движение различные скотоводческие народы – ещё до одомашнивания лошади – которые начали уничтожать другие народы, чтобы завладеть их территорией и отдать её на выпас своему скоту.

8.2.9. В скотоводстве, отношение к животному носит экстенсивный аспект (я не говорю о современном скотоводстве). Животных используют, их держат и пасут на огромной территории. Их способна контролировать только собака, которая также должна находиться в зависимости от людей. То же самое, в какой-то мере, касается лошади. Одомашнивание животных происходило постепенно. Экстенсивный характер сохранялся даже несмотря на процесс сооружения человеком загонов, для защиты скота от хищников.

В земледелии этого недостаточно; животное необходимо привязывать к одному месту, потому что оно должно заменять человека.

Вводится новая практика. Животное начинают уподоблять человеку, одевать его. В первую очередь этим утверждают свою власть над ним, со всё более и более ярко

⁴⁸Ср. Э.Тойнби : « *La grande aventure de l'humanité* » (*Mankind and Mother Earth, a narrative history of the World*), Ed.Bordas, стр.95-97. Насчёт этой книги см. также : « *Gloses en marge d'un réalité I* », Invariance, supplément, апрель 1986 г.

выраженным антропоцентризмом. Поначалу эта практика ещё не была столь значительной, потому что были рабы. Затем произошла полная инверсия по отношению к предыдущему периоду, в котором люди подражали животным, пытаясь обрести их свойства.

Эта практика начнёт широко распространяться в качестве развлечения, с целью заставить людей забыть о собственном становлении. Цирк – её вершина. В цирке создают другой мир, выступающий в качестве пародии на реальность⁴⁹.

В то же время, в строительстве зоопарков выражается потребность не только в развлечении, но и в утверждении своей доминирующей роли, равно как и поиск утраченного мира. При сафари преследуются те же цели, но к ним привит ещё и мираж охоты⁵⁰.

Проблематика, а также практика замены людей в определённых видах деятельности укоренена в периоде полного развития земледелия, когда начали заявлять о себе производственные потребности. Наиболее чётко она проявилась в процессе ухода вида от природы, в результате которого – в настоящее время – люди и другие формы жизни, и даже почва, становятся бесполезными, вплоть до такой степени, что природные процессы могут реализовываться без их участия. В виде уже нет природы, а природа уже не натуральна.

8.2.10. Скотоводство не нуждается в земледелии для достижения своего полного развития (взаимности здесь на самом деле нет). Для обеспечения корма для скота достаточно территориальных завоеваний. Скотоводство не зависит в своём распространении и от других видов деятельности, таких как гончарное производство, металлургия или письменность. С

⁴⁹ Цирк представляется резервуаром архаизмов, сохраняя исчезнувшие виды поведения. Возможно, многих привлекает в цирк именно ностальгия по ушедшему. В частности, он тесно связан с одомашниванием лошади и искусством верховой езды. Это касается случая цирка-манежа. В классическом цирке присутствуют элементы акробатики, связанные с древними культами гаррот, в то время как клоунада – это практика сведения бунта к выставлению мизерабилизма.

⁵⁰ К счастью, в данный момент появляется движение, направленное на их упразднение. На самом деле, оно, конечно, не подразумевает преодоления, прогресса в понимании истинных отношений между *Homo sapiens* и другими видами, до вмешательства. Фактически, можно предположить, что произошла их замена парками развлечений, где животных сменили фантазмагорические представления слабостей современного *Homo sapiens* в его отношениях с ними, как, например, в Диснейленде.

Всё должно быть капитализировано, значит всё должно быть взаимосвязано. Соответственно, нельзя оставлять лес в нынешнем виде. Очеловечивание приводит к тому, что люди платят, чтобы посмотреть на свои представления. В этом также проявляется солипсизм нашего вида.

другой стороны, скотоводство уязвимо, будучи зависимым от климата, в то время как земледелие, благодаря ирригации, обладает определённым потенциалом для автономизации. Поэтому, в периоды засухи, уничтожающей пастбища, истощённые интенсивным выпасом, появляется потребность в миграции, о которой мы уже говорили. Скотоводы устремляются в другие регионы, пригодные для скотоводства, или несут разрушение в земледельческие зоны...

«Основные черты человеческой эволюции связаны с двумя крупными феноменами: с засухой, которая подвигла семитов покинуть свой полуостров, и с похолоданием в Сибири, вынудившим индоевропейцев покинуть свои степи» (Жак де Морган, «Восточная предыстория»).

Нельзя лучшим образом подчеркнуть значение миграций скотоводческих народов и роль климата в эволюции человеческих обществ.

8.2.11 Образ жизни, связанный со скотоводством гораздо ближе к мобильности охотников-собирателей, чем к образу жизни земледельца. Судя по всему, контакт с природой был теснее, в т.ч. из-за более ограниченного ареала проживания. В глазах скотовода, земледelec, по сути, порвал с природой; он стал посторонним по отношению к ней. Это одно из оснований для его ненависти к нему, вдобавок к страху, что он сам может стать таким.

За развитием городов, ростом безопасности и снижением напряжения, последовало ослабление энергии у населяющих их людей. Вместе с ним расцвела тема упадка и вырождения горожан по сравнению с кочевниками, сохранившими главные качества. В ней отразился конфликт между двумя разными образами жизни⁵¹.

⁵¹ Следует отметить, что люди зачастую хотят вернуться к более естественному состоянию, как это произошло с европейцами, обосновавшимися в США. Они зачастую отдавали предпочтение скотоводству (в сочетании с благоприятными экологическими факторами: с избытком натурального корма) и яростно противостояли земледельцам, которые пришли позже. Именно ради скотоводства индейцев согнали с их земель, ещё до нефтяного и горнодобывающего бума. То же самое случилось с аборигенами Австралии. Различные американские фильмы отлично показывают ужасное столкновение между этими двумя типами заселения земель. Напротив, те, кто стремился вернуться к стадии охотников-собирателей зачастую заключали пакты с индейцами, вплоть до того момента, когда торговые компании взяли в свои руки торговлю мехами. Наконец, согласно различным хроникам, первые североамериканские индейцы, с которыми столкнулись белые, были очень гостеприимными охотниками-собирателями. Но, вследствие вмешательства белых, начало происходить интенсивное уничтожение леса, позволившее расплодиться бизонам (благодаря разведению со стороны белых). Именно тогда индейцы из прерий начали вступать в жаркие схватки.

8.2.3. Земледелие.

8.3.1. Начало практики земледелия, около 11 000 лет тому назад, знаменует собой важный разрыв с предыдущим периодом. К этому времени завершился процесс седентаризации – наиболее эффективного средства самоопределения человечества, и началась автономизация, в рамках которой происходило подчинение других народов, женщин, классов и т.д. С седентаризацией и одомашниванием проблема всё более автономной власти начала играть всё большую роль.

Произошло формирование человеческой среды в отрыве от природы, но при этом человечество пыталось сохранить свою крепкую связь с ней, отсюда всё более сильное укоренение культуры.

В охоте присутствовала техника хищничества : орудия всё ещё являлись продлением органов вида и были связаны в первую очередь с ротовой областью. В земледелии орудия были связаны с преобразованием окружающей среды. Эта деятельность была призвана реализовать подмену. Орудие становилось всё более и более опосредованным. Здесь уже превалировали манипуляции и область руки.

Утрата непосредственности стала моментом окончательной утраты неразрывной связи вида с природой, которой ещё не произошло с началом охоты, и это поставило под вопрос уверенность в себе и в мире, уверенность вида в собственной безопасности.

Произошёл переход от экстенсивного к интенсивному развитию. Около 12 000 лет назад охотники-собиратели распространились по всей Земле. Распространение вида по планете завершилось. Становление не могло более быть экстенсивным, но в то же время наблюдался значительный демографический рост. Климатическое потепление около 11 000 лет назад облегчило этот процесс и позволило лучше эксплуатировать окружающую среду.

До развития охоты нельзя проводить различия между видом и общиной, как её однородным фрагментом. С охотой появляются общины, представляющие собой обособление вида, при одновременной реализации первого феномена интенсификации и посредничества между видом в его естественном измерении и членами общины. С появлением сельского хозяйства зарождается опосредованная община, как автономная партикуляризация вида. Она зарождается в виде представления, повторяя, в иной форме, феномен *кладизации*, потому что этот процесс происходит во всех общинах. Ему сопутствует и способствует движение к слиянию общин (мирному или насильственно-военному). В то же время, отдельные члены – порой только один из них – общин начинают играть роль их представителей, которые затем, в ходе концентрации власти, автономизируются от неё: это процесс формирования государства (по аналогии с автономизацией мозга).

Движение к объединению приобретает форму территориальной экспансии, привязанной к определённым видам хозяйствования, к земледелию. Этому движению противостоит параллельная экспансия скотоводства. Земледелие, в своей развитой форме, окончательно победит лишь в XIX-м веке, и даже в XX-м. Его победа совпадёт с глобальным триумфом капитала. Теперь, ввиду огромного прироста населения, ещё одного широкомасштабного феномена разрыва с прошлым, должен зародиться новый вид: *Homo Gemeinwesen* [*Человек Бытие-Вместе*, Э.С.].

8.2.2. Развитие земледелия ставит перед нами следующий вопрос: что именно привело наш вид – в разных частях Земного шара – к тому, что он порвал с образом жизни в гармонии с природой, позволявшим ему решать проблемы своего существования в наиболее непосредственной, материальной манере, в минимальные сроки, по сравнению с тем, к чему его вынуждает современная жизнь⁵².

Изучение современных общин охотников-собирателей показывает, что для удовлетворения своих нужд им требуется гораздо меньше усилий, чем членам земледельческих общин. Можно предположить, что так же было и у первобытных народов. Это различие настолько значительно, что М. Салинс даже определял эпоху,

⁵² Этот феномен можно сравнить с переходом от одноклеточной формы жизни к многоклеточной (или от недифференцированной к одноклеточной). Ср. Invariance, IV серия, № 1, параграф 1.4.

предшествовавшую неолиту, как Век Изобилия (*Âge de pierre, âge d'abondance*). Менее радикальные утверждения встречаются у К. Леви-Стросса, П. Кластра, А.Тестара и т.д.

Для того, чтобы дать ответ, потребуется несколько уточнений:

1. Очевидно, что охотники-собиратели не проводили различия между деятельностью, направленной на пропитание (рабочее время), и получением наслаждения от своего присутствия в мире, от контакта со своей окружающей средой (время досуга); это означает, что они точно так же наслаждались жизнью, занимаясь собирательством для пропитания.
2. Различия в рабочем времени и досуге неодинаковы для разных членов общины, в процессе развития земледелия. Можно констатировать, что отдельные члены общины работают намного больше, чем другие. Поэтому сравнение следует проводить не между рабочим временем разных индивидов, а между рабочим временем общин.

Это неравенство подразумевает, что возникновение земледелия было тесно связано с фрагментацией и дифференциацией внутри самой общины, повлиявшими на его дальнейшее развитие.

3. Развитие земледелия напрямую связано с ростом количества видов деятельности вида: ремесленничество, металлургия, письменность и т.д. Важно понять необходимость подобного усложнения процесса жизни.
4. Наслаждение жизнью, в гармонии с окружающим миром, из непосредственного стало опосредованным. Различные вышеупомянутые виды деятельности – к которым мы ещё вернёмся – стали заслоном и связью.
5. Дифференциация в лоне земледельческой общины между теми, кто работает и теми, кто управляет, и, соответственно, не работает, стала для всех членов общины основанием для противопоставления между

временем труда и временем досуга, и с этим же феноменом связано возникновение производства.

Это равным образом подразумевает, что земледелие нельзя оправдать потребностью в прогрессе статуса отдельных членов общины. Для большей части этих людей переход от одного образа жизни к другому не представлял собой непосредственной выгоды.

6. Наконец, если учесть, что переход от этапа охоты-собираательства к этапу земледелия стал переходом всего вида от стадии гармонии с природой к стадии перманентного дисбаланса, ясно, что индивидуальные проявления этого дисбаланса вызвали необходимость в лихорадочной деятельности в целях компенсации, либо преодоления. Это приводит нас к поиску понимания причин ухода от стадии более или менее полной гармонии с природой, о которой наш вид с тех пор не перестаёт мечтать⁵³. Развитие

⁵³ В настоящее время, когда разрушение природы достигло критического порога, в моду входит отрицание не только мифа о хорошем охотнике, но и отстаивание тезиса о том, что *Homo sapiens* всегда занимался разрушением своей окружающей среды. Согласно статье *International Herald Tribune* от 22 января 1987 г., «благородные дикари» постоянно разрушали и насиловали свою окружающую среду. В ней приводится следующее утверждение одного учёного: «По своей натуре современный человек разрушает планету не больше и не меньше, чем его предшественники. Суть изменений лишь в том, что технология уничтожения стала гораздо более эффективной, чем в прошлом. Ничего похожего на благородного дикаря никогда не существовало». Правда то, что дикарь в том виде, в каком его описывал Ж.Ж. Руссо и на которого ссылается автор статьи, не существовал никогда; но это утверждение, верное само по себе, ведёт к сокрытию истины и к незавершённой картине мира. Разрушительные действия *Homo Sapiens*, судя по всему, были связаны с практикой земледелия (возможно, в меньшей мере, чем скотоводство). Однако существовало сильное сопротивление его развитию, что подразумевает предчувствие разрушения и волю к сохранению равновесия в лоне вида. В отношении предшествующего этапа охоты-собираательства, действия *Homo sapiens* не могли иметь вредных последствий, поскольку не затрагивали симбиотическую защитную растительную поверхность почвы. Различные историки первобытного периода утверждали, что вредный эффект заключался в уничтожении других видов из-за злоупотреблений охотой. Мы в этом сомневаемся, потому что, в частности, эти утверждения противоречат общепризнанным фактам гармоничного сосуществования охотника-собираателя со своей средой (ср. 7 ч., прим. 1, стр. 38-39, *Invariance*, IV серия, N°2). Мы вернёмся к этому вопросу, т.к. он изобличает подспудную попытку оправдать нынешние действия *Homo sapiens* некоей инвариантностью: инстинктом убийцы, презрением к окружающей среде; не говоря уже о мифе благородного дикаря (который опроверг ещё Маркс, более столетия назад). Необходимо понять динамику, приведшую наш вид, как все остальные виды, от равновесия с окружающей средой к растущему нарушению связи с природой, без какого-либо понимания последствий. Важно также отметить, что *Homo sapiens* всегда чувствовал свою вину по отношению к природе, до наступления периода развития капиталистического способа производства, когда он утратил чувство вины и начал восхвалять свою деятельность, не заботясь о последствиях. Лишение жизни других существ также вызывало у человека чувство вины и отвращения :

«Масаи в Кении не убивают коров и другой свой скот без необходимости. Когда же такая необходимость наступает, они призывают людей из соседнего племени Кавирандо, своих вассалов, чтобы они выполнили за них те действия, которых они боятся» (*Lanternari*, «*La grande festa*», Изд. Dedalo, стр.432). Мы знаем, что у скотоводства могут быть вредные последствия, но в нём нет ни сознательной воли, ни безразличия к

технологий и познаний происходит в т.ч. благодаря катастрофам, вызванным деятельностью Homo sapiens.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что единого ответа быть не может. Вид пришёл к развитию земледелия благодаря ряду причин. Мы приводим их, не претендуя на всесторонний анализ, и порядок их перечисления не подразумевает какую-либо иерархию. Следует учитывать, что очаги развития земледелия находились в различных местах, в связи с чем значимость того или иного фактора могла варьироваться.

1. Потребность в росте производства продуктов питания из-за роста численности населения. Это должно было произойти рано или поздно, но проявилось в полной мере с окончательным развитием злаковых культур.

2. Экологические ограничения, связанные с изменениями климата.

3. Тенденция к седентаризации.

4. Противоречия между мужчиной и женщиной.

5. Тенденция к индивидуализации и автономизации власти (взаимосвязанные феномены).

Два последних пункта следует рассматривать с учётом того факта, что если оба пола формируют единство, оно чревато разделением; вид может реализовать себя при главенствующей роли как одного, так и другого пола, в той мере в какой биологические характеристики не являются решающими.

6. Всё более сильная тенденция к вмешательству в жизнедеятельность природы, к манипуляциям внешним миром, ведёт к тому, что вид оказывается прикован к ловушке

разрушению окружающей среды. С появлением земледелия, у нас появляются технологии планомерного уничтожения, такие как подсечно-огневое земледелие, или сжигание растительных остатков. В соответствующей пропорции, такое отношение к доисторическому человеку можно сравнить с отношением отдельных теоретиков к различным развивающимся странам, добившимся независимости после Второй мировой войны. Они приводят примеры различных бесчинств, совершённых в целях оправдания колониальной власти европейских держав.

становления вне природы; он должен адаптироваться к становлению, отличному от становления, определённого чисто биологическими данными.

Важная роль земледелия состоит в том, что оно позволяет заложить основы для новой неразрывности, манипулировать ей и укорениться в ней в целях достижения всё большей безопасности (в т.ч. благодаря практике жертвоприношений), причём не только в непосредственной жизненной ситуации, но и в т.н. потустороннем мире.

В земледелии ещё больше чем в скотоводстве проявляется возможность имитировать природу, а потом и заменять её. Эта двойная динамика является, возможно, решающей при реализации феномена земледелия.

7. Тенденция к росту рефлексивности интимно связана с предыдущим пунктом.

Из всего вышеизложенного следует, что возникновение земледелия, будучи связанным с конфликтом между мужчиной и женщиной, было сопряжено с развитием напряжённости внутри общины, напряжённости, обладавшей палеонтологическим измерением: она была вызвана конфликтом между функцией воспроизводства неразрывности, представленной женщиной, и функцией нарушения неразрывности, представленной мужчиной. Одновременно начала проявляться тенденция к диверсификации и трансформации, присущих самому биологическому процессу, как отмечалось в отношении формирования видов.

Иными словами, развитие земледелия позволило снять препятствия перед взаимосвязанными процессами трансформации, диверсификации и индивидуализации. Это привело к чрезмерному развитию способностей к исследованию и вмешательству у человека, который разрушил бы всякую общность, если бы не появились механизмы компенсации. Формирование государства представляет собой наглядный пример. Государство, представляя собой общину, вводит в её жизнь элементы запрета, призванные защищать его от распада, действуя в первую очередь против автономизации индивида, стоимости и т.д.⁵⁴

⁵⁴ Всевозможные «нарушения запретов» связаны со становлением отчуждения, как во время автономизации частной собственности в древней Греции и основания полисов, или во время развития буржуазных городов в Италии, Фландрии, связанного с новыми производственными отношениями, в частности с расцветом ремесленничества, в свою очередь обусловленным развитием торговли, или во время подъёма капитала в его торговой форме, начиная с XV° века, связанного с автономизацией индивида и развитием меновой

Этот великий запрет должен был защищать общины охотников-собирателей, достигшие стадии земледелия и догадывавшиеся, что принятие этой новой практики бросит их в лоно динамики, которой они не сумеют управлять, этим объясняются медленные темпы распространения земледелия на мировом уровне⁵⁵.

8.3.3. После отступления ледников наш вид пришёл к новому равновесию с природой и к реорганизации взаимоотношений между полами. В пользу женщины сыграл рост значимости сбора урожая, хотя это не означает, что до этого мужчина доминировал над ней, относился как к низшему существу, недооценивал и т.д. Напротив, различные статуэтки женщин возрастом от 20 до 25 000 лет свидетельствуют, что её почитали, но по-иному.

Можно предположить, что в отдельных зонах, благодаря их флоре, их почве, тенденции к седентаризации способствовали женщины, потому что в условиях осёдлости легче было защищать жизнь детей, их обучение (передачу им многочисленных знаний) и, предположительно, даже объединять различные племена в союзы. Это могло ускорить процессы становления земледелия. Была усовершенствована палка-копалка (очень древнее орудие, известное уже виду *Homo Habilis* до периода оледенения), произошёл селекционный отбор отдельных растений, которым было отдано предпочтение в ущерб другим (что породило зависимость), затем, на решающем этапе, эти растения начали пересаживать⁵⁶ и т.д.

стоимости, обретшей мощь уже в XII° веке в отдельных местах, таких как Италия, Фландрия и т.д., или во время развития промышленной стадии капитализма в конце XVIII° века (расцвет производства), или, наконец, в ходе первого этапа установления реального господства капитала в 20-х годах и второго этапа в шестидесятых. В эти исторические периоды капитал действовал в качестве агента разделения. После реализации этой функции капитала, встал вопрос о его потенциальном исчезновении - начиная с 60-х - в условиях повсеместного распространения общности капитала, в которой решающим фактором становится уже не производство, а представление, служащее возникновению новых видов деятельности, создавая новые потоки внутри общности, и, в другой стороны, воздействующее на эти потоки, позволяя отдельным элементам общества жить за их счёт, представляя их в качестве простой их материализации. В настоящее время буквально всё превратилось в оборот; в гегемонию коммуникации в официальном дискурсе.

⁵⁵ Ср. уже цитировавшуюся статью из «*Le Débat*» n°20. Там содержится следующее крайне интересное наблюдение : « Больше чем седентаризация в целом, именно тенденция к перегруппировке всё более и более крупных человеческих общин характеризует этот период (Натуфийская культура = неолитическое подразделение Ближнего Востока, n.d.r.) » (стр. 59). Также см. «*Les origines de la domestication*», автор Eric S. Higgs, *La Recherche*, n°66, 1976.

⁵⁶ Ср. уже цитировавшуюся статью из «*Le Débat*» n°20. Там содержится следующее крайне интересное наблюдение : « Больше чем седентаризация в целом, именно тенденция к перегруппировке всё более и более крупных человеческих общин характеризует этот период (Натуфийская культура = неолитическое подразделение Ближнего Востока, n.d.r.) » (стр. 59). Также см. «*Les origines de la domestication*», автор Eric S. Higgs, *La Recherche*, n°66, 1976.

Всё это обязательно предполагает необходимость продолжительного ухода, и, следовательно, седентаризацию, ставшую предпосылкой и основанием для развития земледелия.

С развитием земледелия возросло значение среды обитания для защиты и сохранности людей и скота, а также для хранения запасов продуктов. Среда осёдлого обитания возникла из потребности в жилище, в постоянном месте проживания членов общины и их богов. Это вызвало расцвет ремёсел: люди, прежде занятые охотой и собирательством перешли к плетению корзин, гончарному делу, металлургии, а также к производству различных орудий и предметов быта. Ещё в эпоху охоты появились первые пошивочные мастерские, в которых, возможно, работали сами охотники. Точно так же закономерно было бы предположить возникновение потребности в росте доходов с целью производства излишков, необходимых для обеспечения пропитания тех, кто не мог заниматься его поиском, что также могло послужить развитию земледелия.

Этот феномен развивался очень медленно, как свидетельствуют доисторические артефакты и это понятно, потому что у людей не было никаких планов по развитию своей общины на том уровне, который мы называем экономическим. В основе этого феномена лежит необходимость гарантировать наилучший способ передачи знаний вида от одного поколения другому, потому что багаж этих знаний не мог не увеличиваться с течением времени, ведь вид постоянно исследовал свою окружающую среду при помощи всё более точных методов. Это не могло не конкретизироваться в благоприятных зонах, причём все человеческие сообщества в итоге приходили к схожим результатам. Ясно, что этот процесс не ограничивается неолитом, но относится к гораздо более далёкому прошлому, вплоть до палеолита. Можно предположить, что рисунки и скульптуры возрастом 35 000 лет воплощают в себе процесс укоренения определённых сообществ в определённой местности, своего рода основание «очага», из которого они распространялись и который гарантировал их выживание. В них нет ничего общего с искусством. Люди отображали на стенах скал своё коллективное сознание.

8.3.4. Совершенствование техники двух основных видов деятельности: охоты и собирательства, сделало возможной автономизацию отдельных членов общины. В комбинации с беспокойством, порождённым более или менее отчётливым разрывом с природой, произошедшим в ходе становления охоты, под вопросом оказалась уверенность

человека в себе и окружающем мире, в жизнеспособности общины и её членов и т.д., и это привело к утверждению феномена власти человека над человеком.

Можно попытаться представить себе становление власти как самоутверждение, в первую очередь чисто благодаря физическим и магическим данным, связанным между собой, а уже затем благодаря участию в какой-либо важной деятельности. Чем больше член общины участвовал в какой-либо важной деятельности (она должна была быть разноплановой и интенсивной), тем более могущественным он становился. У него появлялась власть. Уже после этого одним из признаков власти стало обладание неким количеством определённой продукции и т.п. Более правильным было бы сказать, что на определённом полюсе общества происходило присвоение материальных благ, но общественного разделения ещё не было, сохранялась неразрывная связь. Упрочение власти стало возможным за счёт укрупнения общины, её фрагментации, введения института представительства. Власть ещё не автономизировалась, потому что ещё не было собственности, которая подразумевала бы возможность разделения. Для автономизации власти требовались либо средства толкования непосредственной реальности, либо их отсутствие, следовательно, разделение в общине. Всё это могло произойти только с автономизацией индивида.

На рассматриваемой нами стадии, можно считать, что накопление определённой продукции отдельным членом общины при помощи близких родственников стало попыткой направить общину на определённый путь развития. Это могло произойти только после интенсификации добывания определённых предметов, которые можно было накапливать, распределять, дарить⁵⁷. Становится понятным импульс, полученный производительной деятельностью. Благодаря этой деятельности появляются излишки, принадлежащие определённому члену общины – его семье – при помощи которых он может соответственно утвердить свою власть и сделать так, чтобы от него начали зависеть другие люди. Если бы он мог присвоить землю, он точно так же воспользовался бы возможностью распределять её среди других живых существ. Появляется механизм посредничества, порождающий зависимость.

⁵⁷ Ср. «Каменный век, век изобилия, экономика первобытных обществ», где Маршалл Салинс демонстрирует как «big-man» стремившийся установить свою власть производил больше других (при помощи своих близких), что потом позволяло ему максимально распределять, дарить и тем самым добивать власти. Мы вернёмся к этому вопросу в главе «8.5. Абстрагированная общность: государство», чтобы уточнить феномен концентрации власти и процесс индивидуализации в действии в уже опосредованном обществе.

На этой же стадии зародился конфликт между мужчинами и женщинами. У мужчин появилась тенденция к собственной автономизации через автономизацию и абстрагирование власти. У женщин появилась ответная тенденция к сохранению своей роли во всех сегментах сообщества.

8.3.5. Седентаризация (формирование очага распространения), складирование излишков, утверждение власти стали компонентами противоречивого процесса: тенденций к закреплению на одном месте (своего рода «инвестиции в недвижимость») и одновременно к преодолению естественных ограничений. В ходе исторического становления эти два противоречивых элемента будут разными способами компенсироваться, но это равновесие будет окончательно разрушено с развитием капитала, для которого должны быть преодолены все ограничения, все барьеры. С этого момента, человеческий вид ждёт совершенно иная траектория развития.

8.3.6. Земледелие могло зародиться только в таких зонах, где растительность не отличается избыточным буйством, а почва обладает стабильной структурой благодаря существенному присутствию перегноя, позволяющего почве сопротивляться вымыванию в ходе дождей.

Многие народы были против земледелия, интуитивно догадываясь о его разрушительной силе. Так происходило во многих африканских общинах.

Но даже там, где земледелие в итоге получило развитие, женщины ещё долго выступали против использования плуга и ирригационных систем.

Их страхи были обоснованными, потому что опустынивание Месопотамии произошло как раз из-за ирригационных систем (ср. *Земля без деревьев*).

При этом в Египте, земледелие стало не единственной причиной схожего феномена; помимо ирригации здесь осуществлялся выпас скота и вырубка деревьев, предоставлявших сырьё для различных видов производства. В горах на юге этой страны, начиная с самого отдалённого прошлого, происходила интенсивная эрозия, порождавшая илистый слой,

переносившийся Нилом. Поэтому было бы точнее сказать, что Египет был даром этих гор больше чем даром Нила, вектора плодородия.

В странах северного Средиземноморья с их умеренным климатом распределение режима осадков в течение всего года и, соответственно, их слабая механическая сила вместе с наличием более мощного перегноя позволило земледелию развиваться лучше, без катастрофических последствий. Именно в этих странах впоследствии произошли различные сельскохозяйственные революции, и именно в них земледелие стало наиболее прибыльным.

8.3.7. На установление господства земледелия ушли целые века, его развитие в пространстве и во времени не было линейным. Земледельческая община стремилась к накоплению излишков в т.ч. под влиянием шока, испытанного от голода в течение долгого ледникового периода. Именно из этого шока проистекает навязчивая практика накопления и складирования резервов. Несколько представителей общины, порой даже один, охраняли свои запасы. Именно здесь лежит корень возникновения фактической власти, обладания.

Все эти элементы помогают нам понять феномен земледелия в его целостности.

Нельзя забывать, что именно женщины изобрели палку-копалку и активно пользовались ей. Вначале это использование внесло лишь лёгкую модификацию в цикл природной жизни, как мы уже видели, благодаря ему одни виды растений начали развиваться лучше за счёт других видов, чьему росту мешал, к примеру, сам процесс рытья. Важнейшим этапом стал переход к сеянию семян и пересадке определённых растений. Именно тогда зародилось земледелие, которое, на данном этапе, полностью зависело от осадков. Особой опасности для сбора урожая не было, т.к. растения были автохтонными, и ещё не стали более уязвимыми в процессе односторонней селекции.

Следующим этапом стало использование более мощных орудий из-за необходимости более интенсивной распашки, более усовершенствованной подготовки почвы для посева; в этих целях начали шлифовать камни – при производстве лемехов для плуга земледельцы начали использовать помимо кремня и другие камни, затем металлы.

Распашка нови и вспашка полей стали новыми видами человеческой деятельности. Потребность в более мощной тяговой силе обусловила эксплуатацию тягловых животных, которых начали кастрировать.

Земледелие испытывало также растущую потребность в воде, вполне возможно, из-за крупных потерь влаги, испарявшейся из искусственно обнажённой почвы, или даже из-за высыхания вследствие вырубki лесов. В целом хрупкое равновесие экосистем было нарушено (в т.ч. вне зависимости от человеческой деятельности, как в опустынившихся зонах Северной Африки и Ближнего Востока), что вызвало к жизни технологию искусственного орошения, ещё один важный момент манипулирования окружающей средой. В отдельных местах этот феномен был достаточно пассивным, как в долине Нила, где люди пользовались естественным потоком, направляя его по каналам, в других местах он был активным – там, где люди выстраивали сложные системы каналов, игравших роль естественных русел потоков воды.

Этот тип земледелия зависел также от поддержки других секторов человеческой деятельности. Необходимо было где-то складывать запасы, часть урожая, которая должна была служить возобновлению производственного цикла на следующий год, другая часть шла на пропитание для людей и корм для животных. На это выделялась та часть ареала обитания, которая служила не только для защиты от ненастья и хищников, но и для сохранения и беспрестанного продолжения производственного цикла. Отсюда потребность в изолировании отрезков окружающей среды посредством возведения стен, ограждений, а также в использовании охотников в качестве охраны.

Наконец, понадобилось отдельное жилище и для божества, заключённого в отдельное здание, что символизировало собой переход более интенсивного образа жизни общины на внутренний уровень⁵⁸.

⁵⁸ Это произошло на продвинутом этапе развития земледелия. У народов сочетавших земледелие со скотоводством и сохранявших остатки кочевого образа жизни, напротив, местом концентрации представлений общины о мироустройстве, о процессе жизни и взаимоотношениях нашего вида с космосом всегда находилось снаружи, в каком-то определённом месте. Например, на горе, ставшей центром возвеличивания природы и собственной общины, как это видно из графических изображений, оставленных различными общинами бронзового века, обитавших в альпийских долинах (этот же феномен встречается на отрогах Гималаев). То же самое касается горы Бего в Долине чудес.

Из-за необходимости обеспечить непрерывное вечное производство зародился культ предков, который обрёл громадное значение и стал одной из основ религии как в её конкретных проявлениях (таких, например, как толос), так и в абстрактных, т.е. в различных представлениях, порождённых размышлениями о смерти и о возможности загробной жизни. С этих пор отношение человечества к смерти начинает меняться. До эпохи господства земледелия, важным считалось само непосредственное присутствие живых существ на Земле. С приходом земледелия, перед человечеством встаёт вопрос позиционирования по отношению к двум своим пределам, хотя изначально и не на индивидуальном уровне: к рождению и смерти, для которых теперь требуются соответствующие ритуалы.

Место культа теперь неотделимо от места власти, всё более сконцентрированной и автономной – это отправная точка для формирования города.

Императивная потребность в предсказании паводков (Египет) и в определении наилучших моментов для определённых видов деятельности стала причиной для составления календаря. Кроме того, было необходимо обозначить границы различных участков земли, по согласованию между различными членами общины, и зарегистрировать количественные данные различных урожаев, когда эта потребность стала повсеместной. Поэтому появилась система счёта, реализованная в конечном виде благодаря изобретению письменности (хотя отдельные народы, такие как инки, могли обойтись и без него, благодаря системе цветных шнурков «quipus»). В это время начинается постепенный захват всей полноты власти со стороны органа, регулирующего весь комплекс различных видов человеческой деятельности, который, развиваясь и распространяясь способен уничтожить общину. Власть окончательно сосредотачивается в руках группы людей способных производить абстрактные операции, определяющие собой последовательность конкретных действий, из которых состоит всеобщий образ жизни. Эта группа выдаёт себя просто за вспомогательный механизм высшего единства, абстрактной общности : государства.

8.3.8. В ходе становления земледелия взаимоотношения между мужчинами и женщинами претерпели крупные изменения, которые, правда, происходили очень долго, параллельно с изменениями в отношении к земле.

Тот факт, что практику земледелия ввели женщины, повысил их роль внутри общины, но с ростом мер безопасности начала усиливаться автономизация отдельных членов общины, равно как и возможность активных исследований. Именно благодаря исследованиям был изобретён плуг. Введение плуга в процесс земледелия нельзя рассматривать как стремление мужчин заменить женщин. Подобное утверждение служило бы доказательством подчинённого состояния мужчин в предыдущий период, от которого они должны были бы стремиться избавиться.

Динамике введения новых методов способствовало множество разных факторов. Как бы то ни было, с введением плуга мужчины начали заменять женщин на поле, в большей части процесса, что в свою очередь привело к разделению задач: мужчины обрабатывали землю, женщины сеяли, ухаживали за ростками и собирали урожай.

Затем начал набирать силу процесс, при котором мужчины начали играть главенствующую роль в жизни, а женщинам отвели роль присмотра за продуктами питания, кормления, ухода за домом и т.д. (т.е. домашнее хозяйство).

По прошествии веков, этот фундаментальный прогресс начали трактовать с презрением. Теперь прогрессом считается освобождение от домашнего хозяйства. По мере вхождения женщин в сферу производства, домашнее хозяйство поглощается общественным производством. Отсюда триумф сетей быстрого питания, сменяющих собой прошлую деятельность женщин, направленную на прокорм ближних. Нынешнее общество, лишив всех своих членов всякой осмысленной деятельности, кормит их опосредованными, изощрёнными, искусственными способами.

Вкратце, женщины, выступавшие против производства, а затем исключённые из него, вернулись к прошлым формам своего взаимодействия с окружающим миром, т.е. к собирательству, были поглощены этим процессом, особенно в тот момент, когда производство начало утрачивать своё социальное значение. Это был один из признаков конца определённой эпохи.

8.3.9. Многие общины восприняли земледелие как практику насилия над матерью-землёй ; отсюда отказ перенимать её.

« Индейский пророк из Прист Рэпидз, что по реке Колумбия, убеждал своих верных соплеменников не распахивать землю, потому что “резать или ранить, рыхлить или царапать нашу общую мать ради земледельческих работ – это грех”» (Фрэзер, «Золотая ветвь. Умиравший бог Адонис, Аттис, Осирис», изд. Laffont, т. 2, стр. 256).

Можно привести много таких примеров из жизни разных стран и разных народов.

Господство мужчин над женщинами и господство над матерью-землёй, манипуляции ею, идут рука об руку. Можно считать, что феномен замены женщин мужчинами в земледельческих общинах, смог обрести конкретное измерение лишь под воздействием тех общин, где уже был установлен патриархат, т.е. скотоводческих общин.

В данном смысле, стоит принять во внимание последствия стычек между различными общинами.

Уничтожение одной общины другой (примеров много ; достаточно почитать Библию).

Тут и там происходило подчинение побеждённой общины с изменением её образа жизни, хотя бы для того чтобы избавиться от земледелия и увеличить ареал для скотоводчества.

Бывали и случаи мирного сосуществования: например, в случае встреч между скотоводческими и земледельческими народами в древних Греции и Китае (хотя и там не обошлось без эпизодов бойни).

Кроме того, были случаи интеграции победителей в побеждённое общество: таков случай различных кочевых (варварских племён) слившихся с китайским обществом.

Возвращаясь к столкновениям между земледельческими и скотоводческими общинами, стоит отметить, что там, где скотоводческим народам не удалось утвердить своё преобладание, матриархат сохранил свою более или менее важную роль. Так, когда произошло вторжение скотоводческого народа гиксосов в Египет с завоеванием ими этой страны, между этими двумя сообществами не произошло никакой реальной интеграции, лишь нечто вроде вертикального сосуществования. В итоге их изгнали, так же, как и евреев,

сохранявших скотоводческий уклад жизни и сумевших сыграть роль посредников между гиксосами и завоёванными египтянами. Именно поэтому, в этой стране сохранились многочисленные артефакты, свидетельствующие о привилегированном статусе женщины.

8.3.10. С появлением земледелия, разрешившего напряжение внутри первобытной общины, произошёл переход от хищничества к производству, точнее первое стало заключительным моментом второго. Возникновение производства и потребления предопределили как друг друга, так и своё неизбежное следствие, распределение; и это был момент зарождения всех основ экономики, которые примут в итоге форму научных концепций.

Остановимся на первом термине. Производство⁵⁹ осуществляется в тот момент, когда происходит реальное преобразование, подразумевающее возросшее вмешательство во внешний мир, замену спонтанных естественных процессов. Таким вмешательством является труд, направленный как раз на производство чего-либо. Ранее он отсутствовал, т.к. охота или собирательство не влекут за собой глобальных преобразований. То же самое касается изготовления орудий труда. В такой деятельности сохраняется непосредственность, в то время как в труде появляется опосредованность, структурирующая динамику вначале потенциального, затем динамического разделения, в том смысле, что последнее развивается, актуализируется и объективируется всё больше и больше в той мере, в какой совершенствуется процесс земледелия. На это влияют и новые отношения внутри общины,

⁵⁹ В трудах Маркса отсутствует последовательное объяснение зарождения производства, стоимости и государства, как абстрактной общности. Мы встречаемся у него лишь с разбросанными элементами такого объяснения, в частности в Grundrisse, где он пытается пролить свет на то, как произошёл переход от первой формы непосредственной общины к её вторичным формам (см. Главу 8.5.).

Его концепции труда и производства как неизменных видов деятельности вида (помимо вопросов времени, материальных возможностей и т.д.), помешали ему дать необходимое объяснение.

Тем не менее, мы считаем ошибочным противопоставление общества экономике или государству, когда даётся характеристика первобытных общин, т.к. общество, экономика и государство дополняют друг друга.

Де Мартино отмечает, что до определённого момента экономика отсутствовала в жизни Homo sapiens. « На деле, экономикой отмечен первый момент отделения человека от чистой сферы жизненных потребностей, положивший начало распорядку гражданской жизни. Когда такое жалкое существование с его полюсами наслаждения и боли, с адекватными реакциями человека на них, выходит на рациональный уровень – осознанно выбранный и исторически корректируемый – производства товаров в соответствии с определёнными правилами осуществления этой деятельности, жизненные силы теперь реализуются в экономике, и зарождается человеческая цивилизация », « Mort et chant funèbre rituel », p. 15).

В то же время, в данном утверждении сквозит некая нерешительность. Фактически, такое отделение создаёт возможность для развития процесса производства, подразумевающего опосредованность связи между видом и природой, и именно благодаря этому экономика обретает свой размах.

меняющей свой подход к роли творческой деятельности в процессе жизни общины. Община распределяет её между своими членами.

Ввиду вышесказанного было бы абсурдом утверждать, что разделение труда существовало ещё до периода охоты или одновременно с ним, например, что имело место изначальное разделение труда между полами. На самом деле, разнонаправленное распределение типов деятельности, направленной на окружающую среду, внутри человеческого вида складывалось в течение целой эпохи, причём оба пола участвовали во всеобщей жизнедеятельности, внося в неё свой собственный вклад, каждый по-своему. В итоге стало возможным их противостояние на основе двух различных подходов к реальности.

В земледелии, в его развитой форме – как мы уже видели – реализуется слияние различных видов деятельности, порождающее процесс производства; именно в ходе становления последнего, вначале во фрагментарном виде, у различных человеческих сообществ появляется разделение труда⁶⁰.

В ту же эпоху зародились концепции богатства и бедности, связанные с дотоле невообразимыми реалиями, так как ранее всегда происходил раздел благ, в то время как теперь появилось дифференцированное накопление, тесно связанное с развитием технических процессов земледелия. Так появились имущие и неимущие⁶¹.

⁶⁰ Скорее всего, этот процесс производства был фрагментированным из-за динамики власти, вынудившей мужчин автономизироваться и принять новый вид эксплуатации природы с использованием плуга (см. **8.3.8.**), что становится фактической точкой разделения труда между мужчинами и женщинами; потому что на этот раз происходит явное разделение единого процесса, полностью реализованное одним из полов, причём другой пол не исключается из него, а дополняет первый.

Биологи рпняли по умолчанию понятие разделения труда, в первую очередь после работ А.Смита, для того чтобы объяснять различия в функциях разных органов. Данный перенос понятия из одной сферы в другую является абсолютно неприемлемым. В свою очередь экономичты переняли у биологов то же самое понятие, чтобы оправдывать существующий общественный порядок, приписывая ему строго природное происхождение. Такой пперенос также является абсолютно неприемлемым, но вносит свой вклад в представление капитала о самом себе. Рекомендуем ознакомиться с анализом этой темы в работах Ж. Кангийема.

⁶¹ «У самых примитивных народов мира благ мало, но они не бедны. Бедность не заключается ни в малом количестве благ, ни в простом соотношении между средствами и целями; в первую очередь – это отношение человека к человеку, социальный статус. Бедность, как таковая, является изобретением цивилизации, она выросла вместе с ней, заодно как различие между классами, и, что хуже, как зависимость, из-за которой крестьяне становятся более уязвимыми перед лицом стихийных бедствий, чем эскимосы в Аляске в своих зимних лагерях» (М.Салинс, о.с.стр.80)

Одновременно появляется богатство... Маркс прекрасно всё это объяснил более века назад.

Мы настаиваем: не было никакой связи между изначальным богатством и последовавшей бедностью, богатство и бедность зародились одновременно. Предшествование одного другому лишено всякого смысла.

Связка труд/отдых, труд/праздник (которая сегодня превращается в труд/досуг, а затем исчезает со стиранием различия) появляется в тот же момент, порождая в жизнедеятельности вида дихотомию, через внедрение нового культурного измерения, отдыха, которого ранее в природе не было. Но это лишь дифференциация в интенсивности. Настоящий отдых наступает только со смертью.

Объяснение Маркса по поводу становления человеческих обществ, происшедшего с антагонизмом между развитием производительных сил и производственными отношениями в центре, вполне применимо уже к данной эпохе, когда происходит разрыв (на который ушли многие годы) в поведении человеческого вида по отношению к природе.

Т.н. примитивный коммунизм, или первая форма общности (Gemeinwesen) соответствует всей эпохе предшествовавшей появлению охоты, а также всему периоду охоты-собираательства. Точнее, можно сказать, что непосредственная общность была активной, действенной, по-настоящему эффективной в течение всей этой эпохи, но затем, по мере развития земледелия, она утратила формальную действенность (по аналогии можно говорить о переходе от реального господства к формальному), тем не менее, подспудно сохраняясь в течение всего процесса развития земледелия, потому что она сохранялась в качестве интегральной формы, ограничивавшей процессы автономизации и опосредования, которые постепенно уничтожали коммунитарное наследие, субстанцию древней общности⁶².

8.3.11. С возникновением производства появляется динамика присвоения; точнее она является как предпосылкой первого, так и его следствием.

⁶² В главе 8.5. о первой форме государства, мы вернёмся к разделению между формой и субстанцией, формой и содержанием. Это разделение появляется благодаря разрыву внутри общины, в то время как автономизация формы происходит в прямой зависимости от динамики власти.

Проблема формы равным образом соотносится с биологической динамикой, в том, что принято называть адаптацией. Отношения вида со своей средой - его поведение - придаёт ему форму, позволяющую ему адекватно осуществлять определённые процессы жизнедеятельности.

Как и в случае со скотоводством, появляется частная и общественная собственность, которых раньше не было. Отдельные группы людей занимают отдельные территории. Все мужчины и все женщины могут получить доступ к территории. Начиная с момента седентаризации, в действие вступает двойной процесс присвоения территорий отдельными семьями и сведения жизни таких семей к одной лишь этой территории (это был постоянно расширявшийся феномен: антропоморфоз землевладения (Маркс)).

Мы уже видели, как осуществлялось присвоение со стороны отдельных индивидов, стремившихся к власти. Вполне возможно, что то же самое происходило в отношениях между отдельными общинами, после чего временные представители одних общин автономизировались, становясь их перманентными представителями и перенося ту же динамику внутрь своих общин. Этим объясняется одновременное развитие в тот период низших форм торговли, движения стоимости, всё ещё обращавшегося тогда вокруг потребительной стоимости. Наконец, в какой-то момент отдельный индивид становился центральной фигурой в процессе раздачи (потлач), что приносило ему власть.

Именно в этот момент произошло разделение между членом общины, продуктами и самой общиной. Произошло нарушение неразрывности, давшее форму одновременно объекту и субъекту⁶³. Отдельный индивид прервал процесс непосредственной передачи продукта из одного места в другое внутри самой общины, как могло быть в случае с потлачем.

Это способствовало поляризации между частным и общественным; отношение людей к этим двум полюсам определило различные формы производства. На глобальном уровне, можно сказать, что более или менее развитый комплекс земледелия, скотоводства, металлургии, гончарного дела, направил развитие цивилизации по пути землевладения. В данном случае, главным фактором послужила зависимость от земли (производящей, вспахиваемой, способной прокормить стада), ставшая основной формой посредующей связи. Она же могла привести и к формированию государства.

⁶³ «Собственность вначале означает исключительно отношение человека к естественным условиям производства, как к своей принадлежности, как к причитающимся ему предпосылкам его непосредственного существования (Dasein); его отношение к этим условиям, как к естественным предпосылкам, словно бы служащим продолжением его тела. Строго говоря, речь идёт даже не о его отношении к своим условиям производства; а о его двойственном существовании, как субъективном, в качестве самого себя, так и объективном в неорганической среде своего существования» (Маркс « Grundrisse », p.391 «Очерк критики политической экономии», Изд. Anthropos, т.1, стр.454)

В любом случае, именно в ходе этих процессов зародилось движение стоимости, более или менее принятое разными общинами, оставаясь на тот момент подконтрольным таким общинам или государству, и послужив становлению последнего.

Земельный полюс проявился в осёдлой форме повсюду, где получило преобладание земледелие и где смогло утвердиться государство; в т.ч. в своей мобильной форме у кочевых скотоводов.

Мы уже упоминали ужасный антагонизм между земледельцами и скотоводами (между осёдлыми и кочевыми народами): в центре этого антагонизма находилась проблема владения землёй, особенно в моменты нехватки продовольствия из-за климатических изменений, или из-за сверхэксплуатации почвы вследствие чрезмерного демографического роста общин. Одним словом, причины этого антагонизма лежат очень глубоко, и это противостояние цивилизаций служит очередным выражением нарушения неразрывной связи вида с природой. Другим его выражением служит параллельный конфликт между мужчинами и женщинами.

В то же время необходимо подчеркнуть наличие случаев комплементарности между этими двумя полюсами, о которых говорил Тойнби, особенно на обширных территориях: земледельцы предоставляли растительное продовольствие, скотоводы предоставляли мясо и кожматериалы. В эти случаях было возможным владение территориями, на которых практика земледелия была труднореализуемой.

8.3.12. Эксплуатация становилась посредующим звеном в производстве и присвоении во всевозрастающей мере, потому что община, фрагментируясь, порождала классы и касты. Появилась прослойка, заставлявшая других людей производить, работать, с целью присвоения части их продукта. Такая эксплуатация стала ничем иным, как интериоризированной внутри общины формой обращения Homo Sapiens с другими видами (например, с пчёлами, у которых он отбирал мёд). Иными словами, то, как человек вёл себя по отношению к животным, теперь переносилось на других людей (в истории человеческого вида – это константа).

Существование продуктов – как животного, так и растительного происхождения (а позже и продуктов металлургии) – для накопления, вызвало первые формы войны: набеги, погромы, грабежи, сохранявшие в себе хищническое измерение.

Важно ответить, что в эпоху охоты, существовали различные механизмы, запрещающие использование оружия против себе подобных⁶⁴. С развитием скотоводства и земледелия всё изменилось. Эскалон де Фонтон связывает появление войны с демографическим ростом, в чём-то подтверждая наш анализ: «В дальнейшем история человечества превратилась в логическую и неизбежную цепь событий, вызванную первым нарушением равновесия между человеческим видом и его средой обитания» (ср. *Le Monde* от 07.02.1979 г.).

Очевидно, что эта примитивная форма войны была направлена на захват не только чужой продукции, но также пленных для жертвоприношений.

Позже пленных начали обращать в рабов и эксплуатировать, причём это распространялось как на отдельных членов чужой общины, так и на целые общины. Хищничество сменилось эксплуатацией.

Мы называем этот феномен примитивной формой войны, потому что для проявления настоящей войны нужны два противоположных лагеря, две армии, здесь же речь идёт об усовершенствованной форме охоты. Перед тем как появилась настоящая война, во внутренней структуре общин произошли многочисленные трансформации (ср. **8.4.** и **8.5.**).

8.3.13. Торжество земледелия в практике *Homo Sapiens* в целях добывания пропитания, привело к различным последствиям, оказавшим огромное влияние на вид на глобальном уровне.

Произошли огромные сдвиги в кулинарном искусстве. Приготовление пищи началось достаточно давно, если учесть, что народы охотников не только жарили добытое мясо, но

⁶⁴ Мы говорим здесь о первобытных обществах охотников-собирателей. В том, что касается тех, что сохранились по сей день, то на существование войн между ними, изученное Кластром, повлияли иные формы. Мы вернёмся к этой теме в главах **8.4.** и **8.5.**

Тот факт, что войн не существовало во время палеолита, и что они впервые появились лишь в конце неолита доказан и принят различными историками, изучающими доисторическую эпоху (ср. в частности Ж.Куртен: «*La guerre au néolithique*», *La Recherche*, n° 154, 1984)

могли и варить его. Поскольку они на деле располагали сосуда́ми из сшитых кож (бурдюки), они вполне могли наполнять их водой с мясом и раскалёнными камнями, для быстрого приготовления еды. Это стало возможным около 17 000 лет назад, когда впервые появилась игла с ушком.

Развитие кулинарии, наверняка, было обусловлено потребностью в сохранении пищи. Одни способы достаточно просты, вроде вяления, копчения или простой варки, но при добавлении различных других ингредиентов приготовление пищи превращается в настоящее кулинарное искусство.

Кулинария была необходима для употребления в пищу продуктов, которые нельзя было съесть сразу из-за того, что они были слишком жёсткими, ядовитыми и т.п., чтобы компенсировать потерю элементов случайно попавших в воду и сваренных в ней, что изменяло вкус еды и создавало новые потребности. Затем, помимо поваренной соли к еде начали добавлять и другие специи. Вначале их добавляли, чтобы сбить дурной запах или дурной вкус мяса, испортившегося в условиях жаркого климата отдельных стран. Позже – когда приём пищи из простого акта утоления голода и единения общины превратился чуть ли не в культурное действие – специи начали служить стимуляции аппетита, подобно тому, как в наше время используются аперитивы.

У культурного измерения две основные характеристики: показное потребление и совместное питание, как компенсация аффективной пустоты, образовавшейся из-за сужения пространства непосредственных наслаждений, многочисленных прикосновений, произошедшего под воздействием динамики власти, воцарившейся в первобытных общинах на тот момент.

Обе характеристики являются новыми и более-менее совпадают с культурным измерением, пространно описанным нами в главе, посвящённой охоте. Добавим только, что показным потреблением сопровождаются проявления власти: вызывать аппетит у зависимых от тебя людей значит обращать их в зависимость от предложенной тобой еды.

Равным образом здесь был задействован феномен рефлексивности, в той мере в какой появился доступ к дифференцированному потреблению.

Кулинария, достигнув определённой степени развития, предстала в виде феномена дифференциации/отделения от природы: разрыв человека с собственной животностью был отмечен кулинарной практикой, позволяющей также провести чёткую дифференциацию между этническими группами. Несмотря на это, в питании сохраняется роль основополагающего момента самоидентификации. Когда Гомер говорил о «людях, едящих хлеб», он хотел выразить этим сущность людей отличающей их от других существ, например, от лотофагов⁶⁵. Позже натуралисты пользовались тем же аргументом при составлении своих классификаций животного мира, в которых они разделяли животных на травоядных и плотоядных, падальщиков, причём каждая такая группа разделялась на подгруппы также по видам пищи, употребляемой различными видами.

Наконец, использование посуды и приборов при употреблении пищи (тарелки, вилки, ложки, палочки и т.д.) равным образом позволяет проводить различия в обществе. С того момента, когда разделение в общине достигает того уровня, на котором появляется общество, всё превращается в элементы для обозначения своего положения в нём.

Чем утончённее еда – неизбежное следствие цивилизации – тем большая пропасть отделяет приготовление еды от её потребителя с его способом потребления.

Ранее употребление пищи обладало измерением причащения к общности. Теперь оно остаётся таковым лишь у ограниченных групп. С глобальной точки зрения, это очередная грань дифференциации/отделения от природы, сохраняющаяся до сих пор, в скрытой форме. То же самое касается нынешнего состояния домашней кухни, а с ней и всего кулинарного искусства в целом, т.к. для здоровья вида это самая крупная из случившихся с ним катастроф.

⁶⁵ Ср. Освещение этого вопроса в трудах Леви-Строса, Детьенна, Вемана и т.д. Интересно отметить возвращение к животному состоянию характеризуется фактом употребления в пищу сырого мяса. Бунт против установленного общественного порядка выражается этим актом, так же, как и вегетарианством, в т.ч. т.н. сыроядением.

Развитие кулинарного искусства и рост его значения нельзя рассматривать вне контекста изменений в статусе женщины. Отметим вкратце, что её эмансипация, на деле являющаяся уничтожением женщины, как основополагающего существа, гарантирующего продолжение рода и вечность, и исчезновение домашней кухни идут рука об руку, вместе с автономизацией театрального элемента (ср. В частности хорошие манеры поведения за столом со всем их церемониалом) в приготовлении и потреблении еды.

8.3.14. Способы и время приёма пищи зависят, помимо всего прочего, от ограничений, связанных с расслоением общины и началом процесса производства: труда. На деле, ввиду требований последнего, мужчины и женщины – большинство общества – уже не могут питаться в любой момент, когда им вздумается, они должны отводить для этого специальное время, чтобы не препятствовать трудовому процессу. Именно в этом заключается одна из причин, по которым человек отказался от чисто фруктовой диеты, потому что одними фруктами можно питаться только если их есть много раз за день.

Государство прямо или косвенно вмешивается в распорядок рабочего дня трудящихся. В то же время, некоторые действия (и в частности, приём пищи) отдельных высших единиц (т.е. властных кругов) возводятся в ранг ритуалов, модели для остального населения. Этот вопрос тесно связан с господством власти над временем и тем рабством, в которое были обращены мужчины и женщины, и из которого мы так и не вышли.

В качестве ответной реакции, появилось нечто вроде освящения приёма пищи в выходные дни, в праздники, во время диких пиршеств и т.д. Однако всё это лишь способствовало увековечению феномена.

В настоящее время, свирепствующая повсюду гибкость способствует появлению первых признаков конца феномена. Но исчезновение кулинарного искусства, да и самого питания, как такового, не сопровождается тенденцией мужчин и женщин к поиску новой общности в процессах приёма пищи. И это лишь один из аспектов общего феномена: повсюду преобладает индивидуализм, эгоцентризм.

В общественной жизни необходимо вновь обнаружить основополагающие моменты реальной общности, нечто вроде узлов в её ритме. Приём пищи вновь должен стать общим после возвращения к чисто фруктовой диете. В этом случае он хоть и не сыграет решающую роль, но позволит виду вновь ощутить глубокую радость от пребывания в этом мире, радость, более не сопровождающуюся вредными последствиями (как с питанием в прошлом).

8.3.15. Другим очень древним видом деятельности человека, как мы уже упоминали, является шитьё, значение которого, уже итак достаточно большое в течение предыдущих тысячелетий, теперь заметно возросло, поскольку оно позволяет изготавливать одежду,

одеяла, бурдюки, шатры, каяки и т.д.⁶⁶. При этом, оно зависит от производства не только игл, но и нитей, отсюда его тесная связь с прядением ; точно так же, как и связь последнего с ткачеством.

Эти два вида деятельности, шитьё и ткачество, в силу их значимости для процесса производства, одновременно способствовали и процессу познания. Практика шитья смогла обрести символическую функцию поиска аналогий, указывая на возможности процессов присоединения, союза, по примеру пуговицы и петельки. Эта система неизбежно должна была привести к союзу болта и паза, древнего сочетания, основополагающего для всякого строительства, как из дерева, так и из камня (ср. Нужье, цит.произв.).

Впрочем, этот феномен нельзя объяснять только тем фактом, что шитьё и ткачество были изначально женскими видами деятельности, т.к. земледелие, изобретённое женщинами, высвободила целые потоки механизмов познания и сексуальных аналогий. Пуговица и петелька, паз и болт, какой простор для проведения аналогий с половым актом !

8.3.16. Седентаризация, практика приготовления пищи, увеличение объёма усваиваемой пищи, спровоцировали развитие болезней⁶⁷. Данный феномен нужно изучать в следующем порядке:

⁶⁶Ср. работы Л.-Р.Нужье на эту тему: *«Рождение цивилизации», «Пробуждение человека»*, изд. Lieu Commun. Эти книги интересны, в первую очередь, своим синтетическим подходом к различным доисторическим фактам, позволяющим установить глубокие связи, существовавшие между различными оазами развития. Автор анализирует Евразию, которую он предпочитает называть Азиропой, в той мере в какой эволюция затронула все общины, населявшие данный континент. Их нельзя разделять, как это привыкла делать современная историография.

В числе прочего, данный подход позволил ему выдвинуть теорию о том, что колыбель человечества находится в Азии, на горном хребте Сивалик в регионе нижней ступени Гималаев. Эта теория обладает большой вероятностью достоверности.

Кроме того, анализ фактов свидетельствует о материальных ограничениях первобытного человека. Так, например, обнаружение останков, захороненных в позе эмбриона, он объясняет отсутствием копательных орудий, не позволявшим рыть глубокие могилы; в связи с чем трупы гнибли. Это значит, что поза эмбриона вовсе не говорит о неких верованиях в грядущее возрождение. Приведём слова автора:

«Данный ритуал (захоронение различных предметов в могиле, примеч. ред.) подразумевает поддержание контакта между миром живых и миром мёртвых. Могила становится местом подземного обитания покойника, установление надгробной плиты, подношения и цветы свидетельствуют о том, что живые не хотят утрачивать связи с усопшими» (*«Пробуждение человека»*, стр. 88)

Данный текст подтверждает наше утверждение, согласно которому главной задачей вида является сохранение неразрывности с природой, и что в практике погребения отсутствует религия или метафизика. Последние появляются лишь после начала процессов разделения внутри общины.

Кроме того, работа Нужье позволяет нам уточнить более или менее смутные моменты противоречий вида, в первую очередь - и мы на этом настаиваем - она предоставляет возможность формирования последовательной линии событий для периода в почти 30 000 лет.

1° Исчезновение непосредственной общности, которая могла гарантировать защиту каждого из своих членов благодаря механизму гормонального типа, который так и не был изучен в животном мире.

2° Широкомасштабный процесс поредения лесов, спровоцировавший громадные нарушения равновесия в экологической среде. Отдельные живые организмы начали выживать исключительно за счёт заражения людей с целью дальнейшего паразитирования на них. Помимо событий, происходивших в эпоху неолита, можно отметить связь между крупномасштабными кампаниями по распашке целинных земель в Средние века и последовавшими за этим эпидемиями XVIII°, XIX° и XX° веков, а также распространением различных заболеваний по всему миру.

3° Кризис и крах бытовавших представлений (ср. «Глоссы на полях одной реальности», журнал «Invariance», IV серия, n° 2). Здесь можно упомянуть крах буржуазных представлений во время войны 14-18гг. и эпидемию гриппа 1919 г., вызвавшую столько же смертей, сколько и сама война. Тоска, неуверенность в себе и в окружающем мире всегда делают человечество более хрупким.

4° Концентрация населения и уменьшение жизненного пространства, способствующие концентрации паразитов.

5° Ослабление человеческого вида из-за неправильного питания.

Уточним, что на самом деле все болезни сводятся к одной, к токсемии, то есть к накоплению токсинов в организме из-за дурного питания и скудной жизни. Ослабевший организм легко становится жертвой всевозможных паразитов. Точнее, он позволяет появиться неравновесию, и в результате различные живые организмы получают привилегированные условия для развития в нём в качестве паразитов.

Добавим, что в настоящее время данный феномен достиг критического порога в том смысле, что весь мир живых существ теперь стремится к уничтожению вида Homo Sapiens, как угрозы для самого процесса жизни.

⁶⁷ Как утверждал Сенека: человек не умирает, он убивает себя.

Развитие болезней спровоцировало расцвет медицины, которая в свою очередь поддерживает существование болезней; этот феномен стал очевидным уже давно, о чём свидетельствует древнеегипетский папирус: «Четверть из того, что мы едим, позволяет нам жить, остальные три четверти позволяют жить врачам».

8.3.17. Согласно Эскалону де Фонтону (см. цит. статью), новые земли, более богатые минеральными почвами, принесли людям питание, благодаря которому у них повысилась деторождаемость. Согласно другим свидетельствам, употребление в пищу зерновых (оболочка зёрен богата витаминами) в виде хлеба и другой пищи повышает детородные способности женщин (возможно, это касается и других злаков).⁶⁸

Вполне вероятно, что на деле самую глубокую причину следует искать в седентаризации, а также в том культе, чьим объектом была женщина. Существование этого культа подразумевает, что женщин ценили в первую очередь за способность к деторождению, а также как рабочую силу. К женщинам, чьи функции сводились к воспроизводству, домашней и сельской работе, зачастую относились просто как к скоту.

Таким образом, в течение многих веков происходил процесс инверсии (к которому мы ещё вернёмся). Поклонение женщине в её роли матери стала одной из причин её рабского положения. Утверждая это, мы не пытаемся проигнорировать целую историческую эпоху, в течение которой женщина играла роль «суверена», когда человечество ещё не знало всех тех противоречий и конфликтов, что возникнут после.

Увеличение рождаемости повлекло за собой демографический рост, потребовавший расширения производства (развития производительных сил). Он повлёк за собой последствия, которые мы рассмотрим позже.

⁶⁸ «В результате появления обильного и регулярного питания возросло значение очага и жилища: обогащённый, более разнообразный режим питания повысил не только сексуальные аппетиты, но и, как мы теперь знаем, шансы зачатия; кроме того, надёжное, обильное пищевое снабжение способствовало повышению качества ухода за детьми, отчасти в связи с тем, что в стабильных сельских поселениях теперь стало больше женщин разных возрастов, которые могли следить за подрастающими детьми» (Л. Мамфорд, «*Le mythe de la machine*», Изд. Fayard, т. 1, стр. 192)

Последний аргумент вызывает у нас скептицизм, потому что женщины и до появления земледелия сообща занимались уходом за детьми. Роста общности, о котором говорит Мамфорд, не произошло, общность в лучшем случае сохранялась на прежнем уровне, либо убывала.

В настоящее время, можно констатировать связь между попытками полного избавления от земли, от женщины и от традиционной культуры. Всё большее распространение получают попытки культивирования без использования почвы; воспроизводства без женщин; в то время как культ женщины исчез, подобно многим другим. Это конец культуры. Наконец, человеческое воспроизводство теперь находится под угрозой из-за СПИДа и других заболеваний, передающихся половым путём⁶⁹.

⁶⁹ Различные источники часто отмечали, что виды болезней варьируются в зависимости от уровня развития общества. В настоящее время преобладают болезни, воздействующие на иммунную систему, такие как СПИД. Динамику распространения СПИДа на Западе можно увязать с самой медицинской практикой (ятрогения). Уже более столетия с этой системе присутствуют манипуляции с вакцинами, сыворотками, а в последнее время, её эффективность пытаются принизить ради расширения практики прививок. Неудивительно, что в таких условиях она приходит в глубокий упадок, о чём говорится официально.

Самые модные болезни воздействуют как раз на воспроизводство: согласно «*La pratique médicale*» n°26, 1986 г., каждый американец и каждый второй француз в возрасте от 15 до 55 лет подвержены болезням, передающимся половым путём. Такой болезнью можно заразиться в любом возрасте. Несмотря на терапевтические новшества, появившиеся в последние годы, число этих болезней не снижается, их обострение отмечается в самых различных странах. Речь идёт как о старых, так и о новых болезнях: о сифилисе, гонококковых инфекциях, венерических агитациях, СПИДе, сальпингите, инфекций *chlamydia trachomatis*. При этом самым катастрофическим для биосферы феноменом становится массовое размножение *Homo sapiens*. В связи с чем можно задать вопрос, не происходит ли на наших попытка регуляции и блокировки воспроизводства нашего вида.

Тем не менее, в целях лучшего понимания важности вопроса необходимо учитывать ещё один аспект: свидетельства о болезнях, передающихся половым путём, заведомо обладают запугивающим эффектом, направленным против духа Мая 68-го с его сексуальной свободой. В данном случае, мы должны рассматривать этот феномен не в исторической перспективе, начиная с появления СПИДа в 1981-м, но во всей его целостности; почему с начала [прошлого, Э.С.] века так много обсуждается сексуальность, её роль, место и значение? Эти дискуссии связаны с освобождением женщины и с проблемой перенаселения. Отвечая на такие вопросы, мы неизбежно вынуждены рассматривать различные способы воспроизводства человеческого вида, которых становится всё больше.

Отдельные современные санитарные врачи отрицают реальное существование иммунной системы. Конечно, к идее о её существовании в любом случае стоит подходить с осторожностью, потому что она служит обоснованием для медицинской практики. Более того, она очень продуктивна, в т.ч. для самой системы. Открытие клеток или субстанций, являющихся частью этой системы, происходит часто и влечёт за собой каждый раз новые исследования, поддерживающие процесс воспроизводства. Нечто подобное происходит в физике с частицами, когда создаётся впечатление, что новые частицы можно открывать бесконечно и что каждое новое открытие способно изменить мир.

Мы приняли идею о существовании иммунной системы, как попытку борьбы организма против вредного воздействия, чтобы лучше понять роль пропаганды. Это не подразумевает, что мы безоговорочно согласны с её непогрешимостью. Эта идея подлежит уточнению...

Можно добавить, что идея иммунной системы является типичным примером того, как процесс познания используется для борьбы со всем тем, что считается вредоносным воздействием. В этом *Homo sapiens* продолжает сохранять свою практику магии.

Кроме того, мы можем констатировать, что появление земледелия спровоцировало перманентное нарушение равновесия между человеческим видом и окружающей средой.

8.3.18. Практика земледелия вызвала изменения в представлениях человека⁷⁰. Точнее, при сохранении большей части его прежних представлений, она привнесла в них видоизменения и переориентацию, затруднив чёткое понимание отдельных моментов процесса познания. Тем не менее, глубокие видоизменения представлений человека,

⁷⁰ В нашу задачу не входит доскональное изучение этого переворота, происходившего в форме излучения и породившего массу новых представлений. Мы пытаемся лишь оценить самые важные последствия, основные пертурбации и травмы, подтверждающие направление нашего теоретического поиска. «Золотая ветвь» Фрэзера содержит очень много фактического материала на эту тему.

Большая часть трудов М.Элиаде, проводившего исследования в области, во многом перекрещивающейся с работой Фрэзера, несмотря на совсем иные выводы, равным образом содержит в себе огромное количество данных и комментариев, обладающих решающим значением для нашего теоретического поиска. См. напр. «Трактат по истории религий», изд. Рауот, стр. 304:

«земледелие открыло человеку глаза на глубинное единство органической жизни; именно из этого откровения произошли аналогии «женщина — пашня», «половой акт — сев» и т.д., равно как и самые важные интеллектуальные синтетические конструкции: смерть, понятая как временное попятное движение, регресс к прежним формам существования; жизнь, осознанная как ритм и т.п. «Эти мыслительные комплексы сыграли решающую роль в эволюции человека, появление же их стало возможным лишь после открытия земледелия», (Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб.: Алетейя, 1999 г. Т. I., с. 238, примеч. Э.С.)

В действительности, человеку было уже знакомо это глубинное единство. Земледелие скорее открыло перед ним возможности манипулирования органической жизнью, её использования, подчинения процесса физической жизни деятельности вида.

Не менее важным значением обладает работа Э.де Мартино, для которого речь идёт не просто для которого речь идёт не только о рождении и смерти феноменов, но также об их многовековом стазисе и об их выживании в современном обществе.

Здесь уместно упомянуть также работы Лантемари: «*Фольклор и культурную динамику*» и «*Предысторию и фольклор*» с весьма интересным предисловием П. Керки, изд. L'asfodelo.

Появление стоимости с её тенденцией к автономизации вызвало новый взрыв, приведший к распространению реального господства капитала над обществом.

Тем не менее, старые представления не исчезают с исчезновением старой классовой структуры, они становятся, в более или менее преобразованном виде, представлениями подчинённого класса, или класса, утратившего власть, не будучи реально подчинённым; здесь очевидна динамика сохранения утраченного.

Феномен земледелия повлиял в основном на женщину; мужчину он тоже затронул, и некоторые исследователи даже настаивали на едином корне слов Ното и humus, «почва» (напр. Вико). Эти исследователи считают, что согласно древним представлениям человеческий вид происходит из земли, и именно поэтому мы сохраняем название Ното, обозначающее собой всю нашу генетическую ветвь. Учитывая факт нашего существования в общности, объединяющей всех членов нашего вида в его неразрывной связи со всеми живыми существами, nous мы добавили немецкое слово *Gemeinwesen* (*бытие-вместе*, Э.С.), для обозначения вида, который нас сменит. С нашей точки зрения, дальнейшее развитие человека может происходить только в союзе со всей остальной планетой, со всей вселенной, как с необъятным живым существом расширив таким образом концепцию Лавлока, согласно которой Гея, земля, является живым существом.

привнесённые земледелием можно проследить, учитывая тот факт, что движителем познания является процесс производства. Они начались с трансформации существовавшего на тот момент культа, или культуры. В качестве агентов этой трансформации выступили сами люди, мужчины и женщины. Ничто не происходит спонтанно. Культура фактически зарождается в тот момент, когда появляется идея о необходимости вмешательства вида в жизненный процесс с целью полностью реализовать, или улучшить то, что даёт природа, и в какой-то момент, даже превзойти её (так зарождается идея о превосходстве, о возможности господства, которой наш вид одержим ещё с того момента, когда он начал практиковать скотоводство).

Култ становится набором ритуалов⁷¹, строгое соблюдение которых призвано гарантировать усовершенствование данного процесса, точно так же как культура становится набором правил, призванным гарантировать достижение схожей цели, но в непосредственной данности. Здесь необходимо упомянуть миф, описывающий модели поведения, представления о которых не являются простым плодом теоретических изысканий. Миф обладает практическим измерением, иначе он был бы простой абстракцией. Иначе это был бы просто рассказ.

Култ равным образом включает в себя одомашнивание всех порождений воображения, таких как пантеон божеств.

Процесс познания ускоряет отделение человеческого вида от природы. В той мере, в какой он обусловлен новой практикой, он, разумеется, подвергается влиянию возникновения стоимости, затем его сменяет другой процесс, продиктованный уже потребностями капитала. Тем не менее, даже после триумфа капитала, он сохраняется, будучи вытесненным в бессознательное человеческого вида.

⁷¹ В Китае и Японии – особенно в первом – с их древней, очень развитой культурой, существует очень замысловатая ритуальная практика, пережившая несколько затмений, но каждый раз утверждавшаяся вновь. Даже социальные потрясения и нашествия варваров (в Китае) не уничтожили её. Китай XVIII° века пережил особенно пышный, с этой точки зрения, период. Любопытно, что нечто подобное переживала в ту же эпоху и Западная Европа, особенно Франция; отсюда – мода на Китай в те времена.

Немецкая концепция *Bildung* зародилась в ту же эпоху; она обозначает единое целое ритуалов.

Наконец, стоит отметить, что Конфуций считал, что в основе разумного общественного порядка его времени лежало восстановление ритуалов и очищение языка.

Динамикой возникновения культуры обусловлен факт её становления в виде сразу нескольких разных культур, дифференцирующих между собой сначала человеческие сообщества, затем отдельные группировки внутри этих сообществ. В итоге, она состоит с одной стороны из набора общих представлений, поддерживающих некое гомогенное глобальное единство, автономизация которого приводит к зарождению основ государства, с другой из набора более обособленных представлений, разделяемых ограниченным числом членов сообщества (динамика схожая со становлением частной собственности).

Такие отдельные группы людей, формирующие единую основу, могут подразделяться более или менее вертикально (высшее единство). Соответственно, этот процесс порождает новые культурные феномены (ср. п. 8.5.).

8.3.19. Начиная с того момента, когда община уже не воспроизводится через воспроизводство своих членов, занимающихся ради него каким-то одним видом деятельности, начинает появляться производство, поддерживаемое большинством общины. Оно порождает излишки, не нужные для непосредственного удовлетворения потребностей, которыми распоряжается господствующая часть общины, а это подразумевает возникновение основ классового общества и государства. Излишки можно изымать из непосредственного процесса распределения и складировать, благодаря им появляются гарантии дальнейшего выживания, это наиболее важная черта для всего дальнейшего становления.

Гарантированное выживание общины подразумевает защиту от климатических перепадов, нападений хищных животных, помогает человеческой общине окончательно отделиться от животного мира, основать изолят – по крайней мере, на завершающем этапе становления земледелия – это основополагающий элемент для перехода к совершенно новым отношениям с природой.

В этом процессе содержится зародыш тематики Просвещения, идеологии прогресса. Прогресс можно охарактеризовать разделением – прогрессировать значит от чего-то отделяться. В первую очередь происходит отделение от отправной точки, от прошлого, затем полный разрыв с прошлым ради наилучшего решения важнейших задач настоящего. Вот почему периоды, предшествовавшие триумфу земледелия всегда характеризовали как время

лишений. Впрочем, для подобных утверждений, конечно, есть объективные предпосылки. Нельзя отрицать, что человеческий вид был серьёзно травмирован продолжительными периодами голода⁷².

Мы будем правы, если скажем, что здесь содержался лишь зародыш прогрессистской мысли. Сама она появится на определённом этапе, чтобы давать соответствующие оправдания. Пока она не получит развития, потому что вид всё ещё пытается сохранить свою связь с окружающим миром, ограничить процесс своего отделения от него.

Человечество, в течение периода предшествовавшего возникновению государства жило в новом равновесии с природой, не испытывая потребности в ином становлении, напротив, все земледельческие общины стремились сохранять свой образ жизни и основную практику.

Развитие идеологии прогресса тормозилось самим существованием труда, подразумевавшего принуждение: люди не переходили к нему спонтанно. Это породило противоречие: именно процесс производства, проистекающий из труда, поднял наш вид над животным миром, но в то же время превосходство и власть были основаны на освобождении

⁷² В статье «*Мифы и археология в Океании*» (La Recherche n° 21, 1972), Жозе Гранже демонстрирует, что археологические исследования позволяют доказать достоверность, различных событий, о которых речь идёт в устных традициях (например, вулкан и землетрясение на одном из тихоокеанских островов), а также тот факт, что датировки, основанные на последовательности поколений и оставшаяся от предшественников полностью совпадают..

Автор отмечает: «Эти открытия [...] оправдывают заинтересованность в изучении всё ещё живых традиций Океании, поскольку они позволяют воссоздать доисторическую эпоху данных регионов» (стр. 242).

Жак Лабейри в своей книге «*Человек и климат*», изд. Seuil (стр. 131-146) также подтверждает надёжность устной традиции.

Кроме того мифы, что бы ни думали антропологи, не сводятся к чистым созданиям разума, они основаны на весьма точных фактах, которые, к сожалению, из-за отдалённости времён и различных трактовок, адаптировавших представления к непосредственным этапам становления общности, не всегда можно восстановить одними лишь историко-антропологическими или лингвистическими исследованиями.

В уже старой книге, «*Библия, вырванная у песков*», Серам равным образом показывает, что различные эпизоды, упомянутые в Библии (например, потоп) имеют более или менее достоверно доказуемое объяснение в природных явлениях.

Кроме того, наше утверждение подтверждается и другими исследованиями. Особенно всё, что Ж.Лабейри пишет о развитии Шумера.

от труда. Это проявилось в момент возникновения государства. Мы вернёмся к этой теме в разделе, посвящённом государству.

Нельзя забывать, что именно с возникновением государства произошло нарушение нашей неразрывной связи с природой. До этого, люди приспособивали любую свою новую практику к окружающему миру, даже если она противоречила последнему. Более того, с одной стороны, различные события, революционизировавшие образ жизни человека, развивались на протяжении длительных периодов, с другой стороны, различные недавние открытия показали, что между этими событиями было много промежуточных этапов, вплоть до того, что переход от охоты-собираательства (после окончания ледникового периода) к земледелию, представляется теперь достаточно линейным процессом. На самом деле в течение этого перехода произошёл ряд значительных потрясений.

8.3.20. До возникновения земледелия земля была матерью-землёй; она воспринималась в своей тотальности. С появлением этого нового вида деятельности, начинают считаться лишь с одной из её обоготворяемых функций: её способностью породить жизнь, её плодородием, её фертильностью.

Человеческая жизнь теперь напрямую зависит от земли; отсюда её новообретённая первостепенная важность. Плодородность земли связана с метеорологическими феноменами, способными резко на неё влиять. Достаточно одной засухи в определённое время года, чтобы появился риск для урожая. Ничто не гарантировано. Отсюда практика ритуалов, направленных на обретение уверенности во всём, что кажется ненадёжным. Становится необходимым превратить сомнительное в точное, и эта потребность проявляется тем больше, чем больше появляется нарушений гармонии, которые представляются явлениями рока или опасности.

Представление о женщине, как о плодородном существе по своей сути становится господствующим. Но здесь также нет чёткого разрыва с представлениями прошлого периода, потому что в эру охоты (эпоха Мадленской культуры), женщину точно так же перевозносили (ср. статуи в Леспюге, в Виллендорфе и т.д.). Кто-то считает, что плодородность связывали с

добычей, это объясняет почему божество охоты воплощалось в богинях: Артемида в Греции, Диана в Риме⁷³.

8.3.21. Феномен генезиса и рождения притягивает и зачаровывает мужчин и женщин. Эта зачарованность лишь возрастает с изобретением гончарного дела (через 1000 лет после земледелия) и металлургии. Это символ всего. Происходит взрыв воображения, как если бы наш вид – в тех местах, где он пришёл к этим новым видам деятельности – наслаждался преодолением некоего барьера, до тех пор блокировавшего его развитие.

Тем не менее, нельзя делать из этого прямой вывод, что здесь кроется основная причина глубокой радости жизни, охватившей население этих зон. Это скорее лишь одно из проявлений бытия человеческих групп, ещё не затронутых феноменом стоимости, а затем капитала. Основная причина этих проявлений радости жизни кроется в реализации некоего пакта с природой; к тому же ещё не существует подавления сексуальной жизни, потому что не существует государства.

С того же момента, когда мужчины начинают активно вмешиваться в процесс земледелия, женщина перестаёт напрямую олицетворять плодородие. Она становится посредницей, поскольку теперь она считается оплодотворяемой (отсюда экзальтация сексуальности), существом, способным приносить плоды (по аналогии с землёй). Действия мужчины становятся опосредованными. Отсюда союз между солнцем и землёй в представлениях.

Плодородие – свойство как обрабатываемой, так и не обрабатываемой природы – становится движущей силой познания, наслаивающейся на старые представления, в которых решающую роль играли человеческое тело и отношения между членами общины. Различные феномены трактуются с точки зрения способа их зарождения: они являются плодом производительного акта, символизируемого половым актом.

⁷³ «Эти ритуалы Руффиньяка предшествовали Элевсинским мистериям ! Под высокими сводами Альтамиры, усеянными благоговейными изображениями бизонов в глубине пещеры, над всем доминирует мать-олениха. Не была ли она прообразом Артемиды греков, Дианы римлян?» Л.Р. Нуже, « *Naissance de la civilisation* », стр. 382.

Тем не менее, следует уточнить, что богиня, в данном случае господствует не над убийством, а над размножением зверей, которые могут стать добычей. Это очень двусмысленный образ.

Всё теперь сравнивается с мужским или женским полом, и все отношения получают аналогии с половым актом (совокупление, пенетрация) и с его результатом, лучше всего выражающимся в плодородии⁷⁴.

⁷⁴ Общее мнение настаивает на росте значения сексуальности в эпоху господства земледелия. Даже Мамфорд пишет в *«Мифе и машине»*: «В реконструкции процесса одомашнивания мы должны учитывать повысившееся осознание сексуальности, в первую очередь религиозное, как движущую силу этой трансформации» (стр. 197).

«Мир растений был миром женщины. С гораздо большим основанием, мы можем говорить об этой важнейшей трансформации, предшествовавшей всем преобразованиям, сопровождающим одомашнивание, сексуальную революцию, чем о сельскохозяйственной или урбанистической революции. Все повседневные действия жизни приобрели сексуальный, эротический оттенок. Концентрация на этом образе достигает такой степени, что в целой серии фигурок и изображений женщины, какой её представляли в палеолитическом искусстве, она сама исчезает: остаются только её половые органы» (р. 199).

Мы приводим эти цитаты не потому что согласны с их содержанием – к тому же речь не идёт о религиозном феномене – но из-за того, что они подчёркивают значение сексуальности и женщины.

Джон М.Аллегро, в своей любопытной и интересной книге: *«Священный гриб и крест»*, изд. Albin Michel, тоже затрагивает этот вопрос и утверждает, что важнейшим культом плодородия был культ красного мухомора, священного гриба, повышавшего сексуальность, вызывающего видения и служащего образцом для всей сексуальной символики. Фактически, вольва гриба (родственная вульве) является символом женских гениталий, ножка с нераспустившейся шляпкой – символом пениса; в то время, как распустившаяся шляпка символизирует пенетрацию вагины пенисом (стр. 142).

Данный культ красного мухомора был связан с культом женщины, чьё могущество и чья красота воспринимались в первую очередь с точки зрения её воздействия на пенис. Ведь на самом деле женщины, не предпринимая никаких действий, одним своим присутствием способны вызвать эрекцию пениса (стр. 114).

Наконец, крест одновременно символизирует и гриб, и плодородие. Адепты культа гриба использовали зашифрованный язык, чтобы избежать преследований. Таким образом христиане пользовались их литературой, даже не понимая её истинного смысла!!

Какой бы достоверной ни была эта теория, она представляет интерес уже своей попыткой переоценки значения сексуальности, плодородия (автор использует множество аргументов, отстаивая свой тезис, который невозможно опровергнуть, т.к. речь идёт о лингвистических данных восходящих к шумерскому или другим древним языкам), темы проникающей даже в само христианство в момент интеграции древнего культа Кибелы на одном из Вселенских соборов в Эфесе, т.е. как раз в той местности, где был распространён этот культ.

Полнота жизни, наслаждение ею особенно ярко представлены в индийской традиции, где до сих пор практикуется культ Лингама, мужского члена. Судя по всему, в Индии, вопреки различным вариантам индуизма, или так и не утвердившегося там буддизма, постоянно сохраняется эта древняя традиция, зародившаяся в момент появления земледелия и вобравшая в себя представления прошлого. Этот факт подтверждает наш старый тезис о том, что в Индии тенденция к примитивному коммунизму вбирала в себя всё.

Бернар Тис в своей книге *«Рождаться и улыбаться»*, изд. Aubier Montaigne, косвенно подтверждает выводы Дж.М. Аллегро: «Нектар (Нам-Тар-Агар: «вещий демон полей»), представлял собой наркотик, вещество с необычными свойствами, возможно, гриб (мухомор)» (стр. 123). Он увязывает его употребление с волей мужчин к созданию: «Самые ранние дошедшие до нас тексты уже свидетельствуют о борьбе между мужчиной и женщиной за силу создания» (стр. 122).

Сегодня галлюциногенные грибы уже не употребляют в целях деторождаемости. Более того, факт позиционирования мужчин на биологическом уровне, как детородной силы, может рассматриваться как поражение мужского пола. Это означает, что создания на других уровнях уже не существует.

В то же время, на более глубинном уровне, этот факт указывает на расслоение процесса жизни вида.

Это очевидный дискурс, сознательный, но в то же время бессознательный, фактически отражает рациональную мысль, стремящуюся упорядочить элементы окружающего мира, всё более необъятного.

На заре нынешнего века, в силу векового угнетения, парадигмой стал труд, а рациональная мысль стала основой сознания; бессознательному досталась сексуальность, определяющая для индивида отношения между людьми и отношения между людьми и миром.

Работа Фрейда вывела на свет другой вид бессознательного, выражающего вид мышления людей давно ушедшей эпохи, когда преобладала земледельческая деятельность, но государства ещё не было, то есть в эпоху, когда всё ещё сохранялся общинный строй.

Освобождение от подавленных желаний в простом смысле слова, то есть разрыв со сдерживанием и возможность самоутверждения подавленных желаний не позволил сексуальности распространиться – не произошло ли это из-за её автономизации, отдаления от тактильности и оральности – но в то же время ускорил процесс разложения вида, отдавшего предпочтение комбинаторике сексуальности, одновременно сводимой от уровня тотальности жизненного пространства мужчин и женщин к простой функции воспроизводства.

Последнее замечание: именно в ходе этого долгого периода, начиная с момента активного вмешательства мужчин в земледельческий процесс, отношения между полами обрели новую гармонию. Лишь с возникновением государства началась колоссальная деградация роли женщины. Однако, этому предшествовали определённые изменения в производственном процессе, которые также способствовали утверждению главенства мужчин.

8.3.22. Следовательно, между плодородием и рождаемостью есть связь; отсюда важность появления феномена, который мы называем сексуальностью. Она наполняется

Женщины избавляются от материнства, мужчины изменяют отношение к отцовству. Это триумф полной автономизации и отчуждения индивидов друг от друга. Это не прогресс, а реализация древнего фантома (ср.Гроддек), конкретизация признания мужчинами неспособности найти своё место в процессе жизни.

представлением об отношениях между мужчиной и женщиной, сосуществующих в каждый данный момент друг с другом, так же, как и со своими предками и потомками, всё это формирует систему родства. В прежнюю эпоху, когда ещё преобладало всеобщее участие в жизни мира, превалировала горизонтальная система; теперь происходит переход к вертикальной системе. Роль каждого члена общины определяется их отношением к серии поколений и одновременно их отношением к определённому племени или клану (пока ещё функционирует горизонтальное измерение).

Учитывая, что родство выражает собой отношения между мужчинами, женщинами и их общиной, оно служит поддержкой при позиционировании членов общины по отношению друг к другу и к окружающему миру, поэтому изначально родственные связи неотделимы от общинных, разделение произойдёт только с возникновением имущества в процессе отхода биологических единиц человеческого вида от непосредственного участия в жизни мира и разложения первобытной общины.

В то время как старые общины с преобладанием охотничьей практики превращаются в общины охотников-собирателей и происходит поляризация между членами общины, родство фигурирует, в первую очередь, в горизонтальном измерении, оно выражает собой отношения между различными элементами, мужчинами и женщинами, а также между их поколениями. Появляется элемент структуризации, вертикальное измерение, в то время как генеалогические связи не так уж и важны.

С триумфом сельского хозяйства, основополагающим фактором, напротив, становится производительность, воспроизводство, соответственно, особое значение обретает проблема происхождения. Необходимо обратить внимание на отношения между разными поколениями. Переход к вертикальной структуре происходит в ходе появления имущества, а генеалогия становится обоснованием для передачи наследственных прав.

Родство, в том смысле, в каком его понимаем мы, заключается в следующем: все дети являются детьми общины. Отношения между мужчинами и женщинами в рассматриваемый период ещё не стали супружескими, и носят совсем иной характер. В основном, это отношения поддержки. Важность женщины в процессе воспроизводства очевидна, вполне

понятно, что её роль превозносится. Но материнство ещё не является автономным понятием. Женщину воспринимают как часть общины, истинную родительницу новых поколений.

Система родства позволяет структурировать общину и позиционировать её членов как по отношению друг к другу, так и по отношению к окружающему миру. Родство, благодаря своему горизонтальному измерению, используется для классификации членов общины, как группы совместно проживающих мужчин и женщин.

В то же время, рост всё более автономного воспроизводства заставляет выделить в его процессе акт зачатия и, соответственно, структура отношений между членами общины становится всё более вертикальной. По мере снижения единства общины, как имманентной данности, из-за автономизации индивидов с появлением частного имущества, появляется особая роль родителей и родительниц. Именно тогда появляются понятия отца и матери⁷⁵.

⁷⁵ Можно сказать, что речь идёт о возникновении пары терминов. Двоичность возникает из раздробления нерасторжимости, единства. Понятие матери возникло вместе с понятием отца; оба термина зародились одновременно, когда общность, как субстанция, претерпела фрагментацию в своей форме. Тем не менее, именно роль матери стала считаться главной из-за преобладания женщин на биологическом уровне и в плане общности. Следующая цитата М. Гране из книги «*La civilisation chinoise*», изд-во А. Michel, стр. 206-207, убедительно подтверждает это:

«Необходимо учитывать следующий факт: культ предков, сменивший культ священного места, является культом *материнских* предков. В крестьянской среде, женщины первыми, вместе со званием *матери*, обрели власть. В тот момент, когда появилась идея Матери-Земли, концепция родительской власти возобладали над отношениями участия-союза, из которых она выделилась. Понятая как связь, соединяющая ребёнка с материнской линией, родительская власть изначально опиралась на внутриутробное происхождение и подразумевала важную часть индивидуальных отношений... С тех пор, несомненно, всеобщую связь, объединяющую всю общину в священном месте её ритуальных празднеств, стали представлять, как сыновнее отношение, связывающее индивидов с главой рода, принявшей на себя всю власть, с предком по материнской линии, на которого перешли все силы священного места».

Поэтому, мы не можем полностью принять утверждение Э. Рид («*Féminisme et anthropologie*», éd. Denoël-Gonthier, стр. 202), согласно которому упадок племенных связей начинается из-за внедрения института отцовства, по мужской линии рода; семья рождается из децентрализации, когда в качестве центра начинает выступать женщина. Это может быть верно в применении к семейной форме, поскольку, хоть женщина и находится в центре, у неё есть семья.

Тем не менее, это очень интересное наблюдение, в первую очередь, из-за его связи с другим утверждением (на стр. 199), где автор отмечает, что слово отец этимологически связано со словом «владелец», в противоположность слову «родитель»; она связывает смысл слова *to beget* = «зачать» со словом *to get* = «получить». В этом смысле, потенциально, отец присутствует как на биологическом, так и на общинном уровне, началом его фактической роли становится вступление в права собственника.

Кроме того, в процессе непосредственного бытия, община воспроизводит своих наследников через посредство своих женщин и мужчин. Первые играют решающую, уникальную роль, которая, в определённый момент, начинает преобладать в общих представлениях. Наследники сразу после своего рождения становятся участниками общины, которая дала им рождение.

Но даже на тот момент старое представление о родстве оставалось превалирующим. Во многих регионах для реального разложения общности и зарождения индивидов потребуется развитие капитала. Незнакомцу задавали не вопрос: «кто ты?» (индивидуальное самоопределение), а вопрос: «ты чьих будешь?» (т.е. «кому ты принадлежишь?» – предположение принадлежности). Незнакомец в этом случае не просто называл имена отца и матери, но также и других предков, чтобы обозначить свой «клан» (по крайней мере, так могло происходить, учитывая его давнее исчезновение).

Каждый человек был обязан своим существованием определённым предкам, составлявшим часть общины. Назвать кого-либо из них значило дать определение своему происхождению и, следовательно, своему участию в какой-либо линии. Эта логика сохраняется в длинных арабских фамилиях.

Соответственно, с опосредованностью возникает присвоение наследников (в связи с процессом производства). Появляются роли отца и матери, с преобладанием последней. По этой причине, наследники утрачивают непосредственное участие в жизни рода. У них появляются собственные отношения с другими членами общины, соответствующие их статусу, предопределённому генеалогией.

8.3.23. Старые элементы прошлых представлений всё ещё сохраняют свои функции, но в уже изменившемся порядке бытия. Кроме того, сохраняется динамика запретов и священного, относящаяся к земле, позволяющая считать землю воплощением священного, насилие над которым (акт землепашества) необходимо искупать. Это одна из причин жертвоприношений у земледельческих народов. В этом случае, жертва искупает собой, компенсирует надругательство над землёй, проливая свою кровь на борозды, которые затем должны быть засеяны, и, одновременно, отдавая им свою силу. Этот ритуал также увековечивает значение женщины и её менструальной крови.

Можно предположить, что именно в тот момент идея первородного греха, существовавшая в прежних представлениях лишь в зародыше, обретает своё развитие, хотя её полное воздействие на человека будет оказано в ходе дальнейшего совершенствования земледельческой практики со всеми сопутствующими факторами, на её зрелом этапе

(массовый процесс индивидуализации, появление государства), и приведёт к катастрофам для большей части первобытных общин.

Возвращаясь к теме священного, отметим, что кризис, спровоцированный разрывом (всё ещё углубляющимся) с природой, придал священному новые характеристики.

«Мы уже видели, как риск присутствия появляется, в основном, с утратой историчности, проявляющейся в различных видах экзистенциальной неаутентичности. Основополагающий характер религиозной техники состоит в противопоставлении экзистенциальной де-историзации становления, т.е. де-историзации, укоренённой в метаисторическом порядке (миф), с которым она связана через метаисторический порядок ритуалов» (E. De Martino, «Mort et chant funèbre rituel», изд. Boringhieri, стр. 37).

«Концепция священного, как ритуально-мифической практики, защищающей присутствие от риска исчезновения из истории и способствующей открытию определённых гуманистических горизонтов, позволяет взглянуть на *vexata quaestio* отношений между магией и религией в новом свете» (idem, стр. 40).

Именно у земледельческих народов жертвоприношение⁷⁶, как отмечают многочисленные авторы, обретает возросшее значение, потому что в нём сливаются две идеи: идея энергии, порождённой насильственным актом пролития крови, и идея силы, способствующей зарождению, воспроизводству, созданию. Жертвоприношение присутствует в начале всех важных производительных актов: при строительстве моста, возведении городских стен и т.д.⁷⁷ Большой частью речь идёт о человеческих жертвоприношениях. Лишь

⁷⁶ Ср. следующее интересное замечание, к которому мы ещё вернёмся: «Жертвоприношение служит входом в цикл замены, и *метафоры* (переноса смысла), в той мере, в какой ребёнка приносят в жертву вместо его отца...» (B. This, «Naître... *et sourire*», изд. Aubier-Montaigne, стр. 251).

⁷⁷ «... чтобы обрести долговечность, постройка (дом, технический объект, но также духовное здание) должна быть одушевлена, т.е. получить жизнь и душу. Перенос души возможен только через жертвоприношение...» (М. Элиаде, «От Замолкиса до Чингисхана», изд. Payot, стр. 78).
В этой фразе выражен ключевой элемент разрыва, раскрытый в дихотомии между одушевлённым и неодушевлённым. Ранее вся Вселенная была единой жизнью.
Некоторые авторы безоговорочно увязывают практику человеческих жертвоприношений с матриархатом, связанным в свою очередь с земледелием. Но здесь кроются определённые нюансы. Хотя и нельзя отрицать, что иногда действительно происходит определённая автономизация, несомненно открывающая циклы неслыханной жестокости. Во имя науки зверств совершено не меньше.

намного позже их сменяют жертвоприношения животных, когда происхождение силы и власти увязывается с организмом, порождённым общиной: с государством.

Можно рассматривать жертвоприношение, как автономизацию процесса жизни, манипуляцию ей в совершенно определённых целях. Именно в контексте данной предпосылки мы согласны со следующим утверждением Г. де Тарда: «Приручив животных и оценив громадные преимущества от их эксплуатации, человек должен был задаться вопросом не сможет ли он приручить и кого-то из богов, этих великих духов, уже придуманных им в качестве скрытых рессор огромных природных машин, солнца

В том, что касается М.Элиаде, его успех в шестидесятые, среди бунтующего студенческого поколения, особенно в США, можно объяснить тем, что его сочинения словно бы восстанавливали давно утраченные корни (возможность альтернативы!). Ниже вкратце изложено видение этого автора.

«Не исключено, что наша эпоха предстанет перед будущими поколениям, как время, когда впервые был вновь открыт «разлитый всюду религиозный опыт», упразднённый триумфом христианства. Не исключено, что привлекательность, которую обрела деятельность бессознательного, интерес к мифам и символам, увлечение экзотическим, первобытным, архаичным, движение навстречу «Иному» со всеми неоднозначными чувствами, которые оно подразумевает, не исключено, что всё это однажды предстанет, как новая форма религиозности» (Предисловие к книге *«Мефистофель и андрогин»*, изд. Gallimard, стр. 15).

«В недалёком будущем Запад не только должен будет признать и понять незападные культурные вселенные, он начнёт их ценить, как неотъемлемую часть истории человеческого духа; он не будет их более считать инфантильными эпизодами, или отклонениями от образцовой истории Человека». (*там же*, стр. 16).

«На деле, уже очевидная проблема, которая будет проявляться со всё большей остротой перед исследователями будущего поколения, заключается в следующем: какими средствами можно восстановить всё, что подлежит восстановлению в духовной истории человечества? Для этого существует две причины: 1° западный человек не сможет вечно жить без отсечённой от него важной части его самого, состоящей из фрагментов духовной истории, чьи значение и посыл он не в состоянии расшифровать; 2° рано или поздно, диалог с «иными» - с представителями традиционных, азиатских и «примитивных» культур – должен будет зародиться уже не в эмпирическом и утилитаристском языке сегодняшнего дня (способного постичь лишь социальную, экономическую, политическую, медицинскую реальность), но в языке культурном, восприимчивом к выражению человеческой реальности и духовных ценностей. Такой диалог неизбежен: он вписан в судьбу Истории. Было бы трагической наивностью верить, что можно бесконечно продолжать следовать менталитету, царящему в наше время» (*там же.*, стр. 19).

Это речь человека правых взглядов. В молодости Элиаде был активистом румынских нацистских группировок; по крайней мере, он им сильно симпатизировал. Фактически, ультраправые («новые правые», группа, издающая журнал «Totalité» во Франции, или авторы вроде Ю.Эволы и Дж. Фреды (ср. *«Дезинтеграция системы»*) в Италии), исповедуют яростно антихристианские взгляды. С другой стороны, Элиаде не сохранил верности занятым им позициям, изложенным выше (начиная с 1960 г.), т.к. в его последних работах содержится апология христианства, как высшей религии.

То, что он счёл началом нового процесса, названного им «новым гуманизмом, который ни в чём не будет походить на прежний» (*там же*, стр. 15), представляется нам неким сложным явлением, сигнализирующим о конце долгих блужданий, начавшихся с зарождения земледелия, во время оседания и приручения нашего вида. На деле, тот период в первую очередь характеризует возрождение противоречий, к тому времени явно преодолённых, оставленных позади. Homo sapiens занялся поиском решений в комбинаторике различных элементов, проявившихся во времени последовательно, по вертикальной оси, которую в настоящее время принято представлять в горизонтальной плоскости.

Страх безвозвратной утраты всего, что было прежде, равным образом выражает собой конец данности. Воле к выживанию (здесь этот термин выражает фактическое положение дел, т.к. речь идёт о недействительной, если угодно, несуществующей реальности) сопутствует стремление сохранить то, что было прежде.

В этом выражается забота Homo sapiens, как автономного живого существа, занятого самим собой. Как можно понять переход к другому образу жизни, без учёта вынужденной одновременной, неугасимой тоски по утраченному, ощущению невероятной подавленности, которую вызывает мысль обо всех видах прямо или косвенно уничтоженных Homo sapiens. О том, как их «восстановить». В наши дни, Homo sapiens довольствуется инвентаризацией миллионов видов, которые всё ещё не исчезли и которым вымирание из-за исчезновения лесов экваториального пояса даже не даст встретиться с их главным врагом.

и луны, грома и дождя, изображаемых с чертами животных и человека. После того, как эти представления были приняты и развиты, породив бесчисленную *божественную фауну*, приручение божеств должно было стать занятием высших людей».

«... Но как усмирить и очеловечить этих диких богов? Средствами, аналогичными тем, что позволили приручить различные виды домашних животных, лаской и лестью, предложением им подношений, столь редких в те времена, регулярной пищи, обильной и гарантированной, освобождая их от усилий по её поиску со всей его неизвестностью и переменчивым успехом. В этом заключается происхождение жертвоприношений». («Законы подражания», изд. Ressources, Reprint Slatkine, стр. 302).⁷⁸

⁷⁸ «Возможно, следует также признать, при чтении данного труда, что общественное бытие, будучи общественным, в целом является имитационным, и что подражание играет в обществах роль, схожую с ролью наследственности в живых организмах, или волнений на крупных телах» (стр. 12).

Г. Де Тард важность своей концепции, приводя её в соответствие с объяснением других феноменов: «все сходства проистекают из повторений»

«1° Все сходства, наблюдаемые в химическом, физическом, астрономическом мире... имеют единое объяснение и возможную причину в периодических и, большей частью, вибрационных движениях.

2° Все сходства живого происхождения, в живом мире, берут начало в наследственной передаче, они бывают как внутреннего, так и внешнего по отношению к органическому миру происхождения...

3° Все сходства общественного происхождения, отмечаемые в общественном мире, являются прямым или косвенным плодом имитации всех форм...» (стр. 15-16).

«Значит, если я помещаю в основу происхождения общества престиж, а не симпатию, то это потому, что, как я указывал выше, одностороннее предшествует взаимному» (стр. 85)

Данное утверждение проистекает из его тезиса о первичности подражания. Был первичный акт, за которым последовало подражание ему, закрепившееся в повторениях.

Он считает, что дар или кража предшествуют обмену, охоте, войне. Но он не ставит проблему нарушения целостности, благодаря которому стало возможным появление двух элементов, ставших более или менее независимыми друг от друга и господствующими, порой попеременно, в такой степени, что процесс жизни общества сводится к некоему воссоединению, подразумевающему изначальный дуализм.

Г. де Тард отстаивает индивидуалистическую теорию, потому что для него изобретение всегда является продуктом деятельности единственного. Результат впоследствии копируется (через подражание). Это бессознательная индивидуализация, потому что все люди являются сомнамбулами, а подражание – это лишь вид сомнамбулизма (стр. 95).

«Общество – это подражание, а подражание – это некий вид сомнамбулизма...»

Впоследствии, даже прогресс стал бессознательным процессом:

«Прогресс – это нечто вроде коллективной медитации, без собственного мозга, но ставшее возможным благодаря солидарности (через подражание) множества мозгов изобретателей, учёных, поочередно обменивающихся своими открытиями»

«В итоге общественный прогресс, как и прогресс индивидуальный, задействован в двух процессах, в замене и накоплении. Некоторые открытия или изобретения не являются ничем иным, как заменами, другие появляются в процессе их собственного накопления. Отсюда столкновения и союзы в логике» (стр. 161).

Это можно соотнести с его наблюдением на стр. 395-396.

«Высшим законом любого образования является его способность к неограниченному развитию... Эта огромная и имманентная амбиция лежит в душе вселенной, и предстаёт в виде блистательного завоевания космоса, или жизненных притязаний любого вида, даже самого скромного, на заполнение земного шара одними своими экземплярами...».

Прогресс является неограниченным и предстаёт в виде завоевания космоса, кроме того, он укоренён в функциональности самой вселенной. Тем не менее, они нигде не указывает способов его реализации.

«... я считаю покорность видом подражания» (стр. 215)

«По сути, под аристократическим режимом, он [Токевилль, Ж.К.] чаще всего понимает господствующую власть обычая, а под демократическим режимом – господствующую власть моды, и, если бы он выразил свою мысль так, как это делаю я, она обладала бы неоспоримой правотой» (стр. 329).

Данное замечание обладает особым интересом, так как отражает переход от вертикального к горизонтальному структурированию, где подражание приобретает масштаб, несоразмерный с тем, что оно представляет в предыдущем случае. Это находит отражение в господстве моды, а позднее, в господстве рекламы. Именно из-за

Мы, очевидно, не разделяем идей превосходства или редукционизма де Тарда, но в целом ход его мысли верен. Тем не менее, данные рассуждения относятся к более поздней эпохе, последовавшей за изобретением богов (жертвоприношение им предшествовало), но и в предыдущие эпохи наблюдалась схожая динамика. Суть в том, что в жертвоприношении нагляднее всего отразился принцип (в зависимости от видов жертвоприношения) «do ut des» (я даю тебе, чтобы ты дал мне). Это предтеча отношений обмена. Именно через применение данного принципа люди пытались заставить богов служить им во благо. Приносить жертвы означало добровольно утрачивать нечто важное попросту для того чтобы получить ещё больше. В этом кроется основная причина и расчёт жертвоприношения (предтеча идеи прогресса, если угодно, даже производительности).

В то же время произошло возникновение культуры: она зародилась из культивации божества в целях сохранения его могущества. Изначально, в этом процессе присутствовала взаимность участия. Человек своими действиями стремился поддерживать действенность определённых процессов. Соответственно, в связи с динамикой отчуждения внутри общины, культура заключалась именно в культивации божественной благожелательности путём поддержания определённой практики, но жертвоприношение в своих различных формах было уже тесно связано с ней.

В последнем случае, по крайней мере, в начале, участвовал некий вид симпатической магии. Она состояла в организации мелких процессов, якобы способствовавших реализации других процессов, хоть и одинаковых по сути, но на более масштабном уровне. Судьба и жертвоприношение божественного монарха (бога растительности) – персонажа, лелеемого и ублажаемого в периоды созревания и роста растений и обрекаемого на смерть (жертвоприношение) во время сбора урожая – отражает процессы становления растительного мира⁷⁹.

Люди сначала имитировали тот или иной процесс в уменьшенной форме, перед тем как приступить к нему в непосредственной реальности, в целях обретения уверенности в том, что они действительно овладели этим крупномасштабным процессом – и именно с этого начинается измерение культа, равно как и культуры. Это динамика проецирования, в определённой мере родственная самому биологическому феномену.

Практика жертвоприношения выражает собой невозможность осуществления полного разрыва, а также необходимость поддержания или восстановления прежних отношений с окружающим миром, в первую очередь среди народов, промысляющих охотой; соответственно, кровь у них считается оплодотворяющим элементом. Только вследствие переворотов в жизни общины, кровь в представлениях сменилась спермой, а сексуальность

последней мы посчитали важным привести данную цитату де Тарда. Напоследок, добавим ещё одно важное наблюдение:

«Вежливость – это лишь взаимность лести» (стр. 408).

Возвращаясь к отношениям между человеком и богами, отметим, что в наше время Homo sapiens пытается реализовать в компьютерах то, что он навязывал богам: приручение. Как боги, так и компьютеры были созданы человеком; в обоих случаях он чувствует исходящую от них угрозу. Соответственно, он становится рабочим-хозяином компьютера, как ранее своих богов или бога.

⁷⁹ Манипуляторное измерение жертвоприношения заметнее всего присутствует в практике божественного монарха, царя растений, олицетворяющего собой оплодотворяющую силу. Фактически, его убийство было средством распространения автономии власти, в первую очередь, на мужском полюсе, одновременно служа олицетворением растительного цикла.

Зачастую речь шла о паре. Женщину не приносили в жертву; она лишь получала нового супруга. Она олицетворяла постоянство земли, потому что представляла собой полюс продолжительности. Мужчина, напротив, представляя собой полюс прерывания, исчезал. Благодаря автономизации, это логично приводило к ужасным отклонениям.

заполонила собой эти представления и практику людей. Вместо жертвоприношения теперь всё больше и больше стали превозносить непосредственное наслаждение. Совершать жертвоприношение — значит соглашаться с разрывом и пытаться его преодолеть; зачастую жертву, порой олицетворяющую божество, убивают и поедают в ходе совместной трапезы – таким образом она словно бы объединяет разъединённую общину.

8.3.24. Союз присутствует всегда, но в первую очередь он заключается с землёй, с предками, ради обеспечения непрерывности и последовательности воспроизводства, в тесной связи с жизненным процессом растительного мира. Так, хотя культ предков является самым ранним, наибольшее развитие он получает с началом земледельческой практики, в которой мёртвые играют особую роль.

Когда есть культ, появляются манипуляции, в т.ч. связанные со смертью; это вполне объяснимо, потому что люди в периоды сбора урожая, приносят смерть множеству растений. Соответственно, им требуется примирение со смертью, чтобы продолжать участвовать в текущих процессах. Им позволено покидать мир живых и переходить в мир мёртвых. Долг первых состоит в поддержании связи между этими двумя мирами (ср. Де Мартино, о. с., стр. 212-213). Вот почему праздники урожая, культ плодородия, празднование Нового Года, зачастую связаны с днём мёртвых, празднующим их краткое возвращение на землю, после которого они вновь уходят в иной мир. Существует даже связь между сексуальной оргией и культом мёртвых.

За смертью растения следует его возрождение – воскрешение через образование почек. Отсюда важное значение зерна и посева. Следует отметить, что посевы изначально выполнялись женщинами. Вот почему существует связь – по крайней мере, у некоторых этносов – между духом матери-земли и духами умерших (ср. Lanternari, « La grande festa », éd. Dedalo, p. 379). На этом основаны мифы о воскресении: мифы о фактах захоронения и возвращения людей в мир живых через несколько дней, и о бессмертии, которое поначалу могло представляться как обретение свойств матери-земли, сохранявшиеся у многочисленных поколений. Согласно этим представлениям, бессмертие может быть достигнуто путём поедания какого-то растения или употребления напитка, приготовленного из такого растения⁸⁰.

Смерть обретает столь важное значение в эпоху развития сельского хозяйства не столько из-за самого этого процесса, сколько из-за параллельной автономизации индивида, абстрагирования его пределов, по той причине, что он является элементом общины, которая сама стремительно отделяется от природы, как это отражено в мифе о Персефоне. Мать-земля более не является неделимым целым. Она предстаёт в ипостаси единства всего сущего, в Деметре, и в ипостаси нарушения единства, в Персефоне.

Вид сталкивается с травмой смерти и задумывается о ней, особенно ярко это проявляется у египтян. Это порождает целый комплекс из представлений и практики, стремящихся её скрыть: естественную смерть заглушает смерть в культуре. Здесь мы вновь видим миф о царе

⁸⁰ Эпопея Гильгамеша представляет собой сказ о поиске растения, дарующего бессмертие.

Известны различные напитки, дарующие бессмертие, такие как амброзия или сома.

Существует мнение, что в еврейском мифе змей уговорил Еву отведать плодов с дерева познания, чтобы она ему указала каковым было древо жизни, и на нём ли он находился, чтобы он смог употребить его плод и обрести бессмертие.

Интересно отметить, что данный миф глубоко отражает состояние вида sapiens: познание требуется для достижения бессмертия.

Уточним вновь, что мы лишь пытаемся раскрыть тему возникновения нашего вида на основе феномена смерти. Для этого нам потребуется, в другом месте, с использованием другого метода, изучить проблематику смерти с точки зрения не только Homo sapiens, но и Homo Gemeinwesen.

растений, о божественном персонаже, который должен страдать, умирать, воскресать, разновидностью которого стал египетский Осирис.

Анализ данного феномена выходит за рамки нашего исследования. Тем не менее хотелось бы подчеркнуть: плач о божественном царе постепенно становился моделью для всех членов общины, вплоть до момента автономизации власти. В данном случае, рост процесса ритуализации стал залогом развития религии, в то время как на уровне представлений, как таковых – в театре – зародилась трагедия (ср. De Martino, о.с., стр. 341) ; или вернее он стал одной из её предпосылок. Один и тот же феномен привёл к формированию, с одной стороны религии, христианства, с другой к театральному искусству, как к изображению страсти (со всеми музыкальными вариантами, такими как кантаты, оратории, оперы), смерти, ухода из этого мира, спасения других людей и т.д.

Ещё одним способом сокрытия смерти стала её интеграция в циклы, породившая миф о вечном возвращении.

8.3.25. Практика земледелия вызывает, как мы видели, вполне предсказуемую потребность в прогнозе погоды для различных полевых работ, борьбы с наводнениями и т.д. В данном смысле вид должен приспособливаться к природному процессу. Он вынужден учиться лучше позиционироваться по отношению к нему. Поэтому люди той эпохи изобрели календарь. Он существовал уже у народов мегалитических культур: различные круги, вложенные из камней, как в Стоунхендже или Карнаке на деле служили крупными астрономическими инструментами. Но в первую очередь речь шла о взаимных представлениях вида и космоса. Прогресс в земледелии породил не только представления, но и более обширную функцию предвидения, отсюда совершенствование календаря, реализованное группой людей, представлявших собой коллективный мозг общины.

В то же время, отталкиваясь от того же субстрата, развивалась практика предсказаний, основанных на толковании снов, расположении органов (особенно печени), но также на хиромантии, геомантии и т.п.⁸¹

Также когда астрология только зарождалась, она была напрямую связана с предшествовавшими ей представлениями, вот почему в ней изначально различима двойная динамика: вид вмешивается в ход космической жизни, в свою очередь влияющий на его становление, в каждом случае в лице отдельной общины, её отдельных представителей, позже на всех её членов⁸².

⁸¹ Среди книг, посвящённых предсказаниям, дошедших до нас из очень далёкого прошлого, одной из самых необычных является «И Цзин», ‘книга перемен’. Даже если не использовать её для предсказаний, чтение этой книги обладает громадной ценностью для понимания представлений древних китайцев.

Геомантию – младшего собрата хиромантии – можно так же рассматривать, как проективную психологию, обладающую палеонтологическим измерением, потому что в ней отражены представления и опыт, накопленные за тысячелетия существования нашего вида.

⁸² «Вера в звёзды – как можно констатировать сейчас – происходит не из единого источника, это не доктрина отдельного народа. Напротив, она присуща многочисленным цивилизациям и мудрости различных народов – в данном конкретном случае, пастухам с гор и женщинам с засеянных полей» (W.E. Peuckert, «L’astrologie», éd. PVP, стр. 47).

Отсюда потребность в синергии движения к космосу во всей его полноте, движения земли и различных стадий циклов человеческого вида, что подразумевало стремление к гармонии между ритмами космоса, природы (времена года) и человеческой жизни.

Первым знаком стал Овен, тесно связанный с жизнью скотоводческих народов. Это знак огня, динамики и новизны, отличающими первопроходцев; в этом он схож с кочевыми народами. Вслед за ним появился Телец, связанный с сельским хозяйством. Это знак земли. В данном случае можно говорить о вторичности, абстракции,

предшествовавшей автономизации, упорстве и посредничестве, означающих, что люди данного знака склонны к накоплению, максимальному присвоению. Всё это вполне отвечает потребностям земледельческой практики. Позже появится знак Весов, связанный с бурным развитием коммерции, т.е. с движением стоимости и т.д. В отношении данного знака интересно отметить, что он расположен перед Девой, знаком безопасности, и Скорпионом, знаком скептицизма. Считается, что люди, рождённые под знаком Весов, постоянно колеблются между этими двумя противоположностями, в какую сторону склониться чаще весов?

В наше время наблюдается новый всплеск интереса к астрологии (стоит отметить также «новое открытие религиозного опыта» – ср. примеч. 38). Можно задаться вопросом, обладает ли астрология той же действенностью для людей, битком набитых в огромные жилые здания, утратившими всякий контакт с теллурическими влияниями, с другими природными и сельскохозяйственными феноменами, такими как воздействие температур со сменой времён года и т.д. (для большинства идеалом была бы постоянная солнечная, но тёплая погода. Дождь, ветер, мороз, зной воспринимаются как аномалии... всё это называют дурной погодой!). Более того, само земледелие постепенно утрачивает не только своё значение, но и свою реальность; то же самое касается скотоводства или древней торговли, не имевшей ничего общего с потоком капитала. Исчезают все естественные связи и ориентиры. Свидетельствует ли это о воле человечества к избавлению от влияния космоса?

В то же время, у некоторых астрологов чувствуется потребность в интериоризации нарушения единства. Отсюда проистекает потребность придать независимость звёздам: благодаря определённым познаниям, люди теперь могут избежать звёздной предопределённости. Это заметно у такого астролога, как Ж.П.Николя («*La condition solaire*»).

Возможно это или нет, здесь не важно; важно констатировать переход от отрицания разрыва к его принятию и прославлению; здесь лежат истоки антропоцентрического бреда, солипсизма нашего вида.

Обновление астрологии коснулось не только Запада (с его ближневосточным происхождением), но также китайской, индийской, ацтекской и галльской астрологии, причём галлы читали знаки судьбы по деревьям. В отношении астрологических представлений можно отметить три этапа в восприятии отношений вида с космосом, с жизнью.

На 1° этапе, всё есть жизнь и, в целях наилучшего выражения различных её проявлений, процесс жизни человеческого вида рассматривается как модель, объясняющая всё (двигатель познания). Антропоморфизм присутствует, но не обязательно приводит к антропоцентризму.

На 2° этапе, происходит разделение между живым и неживым миром. От человеческой модели, как и от антропоморфизма, отказываются ради набирающего силу антропоцентризма: всё должно служить виду *Homo sapiens*.

В рамках 3° этапа, начинающего превалировать сейчас, всё есть жизнь. Жизнь теперь необходимо понимать во всей её тотальности, как и в частностях: никакого более антропоцентризма или антропоморфизма.

Наконец, было бы интересно изучить возможную связь между астрологическими представлениями и космогониями различных африканских общин (например, догонов).

Следовательно, астрология – это представление, выработанное общиной, уже овладевшей скотоводством и земледелием, отсюда сосуществование элементов матриархата и патриархата.

«Наши астрологи говорят о хороших и дурных аспектах этой планеты [Венеры, Ж.К.]; я считаю, со своей стороны, что необходимо различать исторические тенденции и говорит об отдельных аспектах матриархата и патриархата» (стр. 48).

Пеукерт различал два основных этапа в становлении астрологии: «Первым этапом было простое и чистое наблюдение: если Марс приближался к Скорпиону, король должен был умереть от укуса этого насекомого. [...] Второй этап связан с социологическими и религиозными темами, как можно наблюдать во всей Малой Азии и в восточном бассейне Средиземноморья: внедрение матриархальной мысли в Месопотамии и её триумф, указывают на Деву, на Луну и на Венеру, её замена патриархальной мыслью пастухов символизируется растущим значением планеты Нергал» (р. 56).

Два замечания: первое, натуралистическое, скорпион – это не насекомое, а паукообразное; второе, даже в самом начале не было простых наблюдений, т.к. представление, для того чтобы быть эффективным, по-сути, подразумевает симпатическую магию.

Кроме того, не существует исследований древних представлений, в которых животным принадлежала решающая роль, и отношений между тотемизмом, как полностью развитой системой, или в зародышевом состоянии, и астрологией.

Древние астрологические концепции тесно связаны с представлениями о межвидовой солидарности и всеобщем участии. Но в астрологии произошёл синтез представлений, появившихся после внедрения нового образа жизни, в котором было всё больше разделения. В основу астрологии лёг начинавшийся тогда разрыв связей и воля к его преодолению путём погружения в космос, закрепления связей с ним.

Это представление о взаимозависимости с двойной проекцией: космоса на человека (он ещё играет роль носителя представлений) и человека на космос. Она включает в себя понятия причинности⁸³ и ответственности. Человек своими делами воздействует на становление мира (ответственность), в то время как последний (движение звёзд) воздействует на поведение человека (причинность). Следует отметить, что, согласно традиции, фатализм в астрологии изначально отсутствует, совсем как в пословице: звёзды предполагают, но не располагают. Ответственность и причинность не обретают автономии, потому что вид всё ещё чувствует свою сопричастность космосу. Понятие ответственности имеет очень важное значение, ведь именно с отказа людей от ответственности, как в наивной концепции т.н. воли к власти, вид начинает считать, что ему позволительны любые действия⁸⁴, а это приводит к катастрофам, которыми усеяна наша история (в первую очередь, во всём, что касается биосферы). Понятие причинности развивается и расширяется параллельно понятию ответственности. Тем не менее, если вид отказался от своей ответственности, то это не обошлось без двусмысленности (по крайней мере, на Западе), потому что понятие причинности, в своём неуклонном развитии, включает в себя идею вины. На деле, наш вид воспринимает себя, как причину множества действий, посредством которых он утверждает своё высшее положение, свою роль демиурга, и это располагает к примирению с собственным поведением; именно в этом восприятии содержится извращённое представление о первородном грехе, как о первопричине всего. Идея первородного греха является ярким выражением нарушения единства с природой, как в реальности, так и в представлениях, как об этом свидетельствует иудаистский миф.

8.3.26. Внедрение земледелия изменило роль растений, в частности, деревьев, заменивших собой животных в практике познания мира. Дерево связывает небо и землю, объединяя эту основополагающую пару мироздания. Дерево, как промежуточное звено, представляет собой ось мира, вокруг которого складывается существующий порядок⁸⁵.

⁸³ «Именно потребность в причинных связях, поиск причины в каждом событии, придаёт всю силу как астрологии, так и современному детерминизму» (W.E. Peuckert, *о.с.*, стр. 270).

Это утверждение может считаться верным только в отношении отдельного этапа развития астрологии, наступающего после того, как она полностью порывает со старыми представлениями о всеобщем участии.

⁸⁴ Вот почему, равным образом, теория буржуазного Просвещения всегда стремилась высмеивать античные представления и представлять людей прошлого в виде невежественных, суеверных людей, неспособных к рассуждению. Это было необходимо для оправдания деспотического вмешательства в общественную жизнь буржуазии, а за ней капиталистов, как людей утративших всякую чувствительность по отношению к другим живым существам и заботящихся только о своём материальном и духовном благополучии!

⁸⁵ «Источник всех этих мифов, ритуалов, поверий и легенд, находится в очень архаичной религиозно-магической концепции: это животное (т.е. религиозная сила, которую оно воплощает), именно в нём содержится решение для безвыходной ситуации, именно оно осуществляет прорыв из закрытого мира, и, уходя, делает возможным переход к более высокому способу бытия» (М. Элиаде, *«От Замолкиса к Чингисхану»*, стр. 160). Культ деревьев и растений в целом сменил культ зверей, не упразднив его полностью (например, в Египте, где он продолжал господствовать) *. Именно культ лесных деревьев (особенно дуба), смог сохраниться даже после распространения земледелия в синергии с новым культом растений (большой частью культивируемых) (ср. *«Золотую ветвь»* Фрэзера).

[* Хотя культ деревьев можно проследить до эпох, предшествующих неолиту.]

Дерево обрело статус аналога. Оно стало символом вертикальной связи между человеческими поколениями: в форме генеалогического древа; равно как и всех остальных живых существ. На деле диахроническую связь и родство часто представляют при помощи дерева. Кроме того, такие слова, как ответвление, клада, или ветвь свидетельствуют о силе данной аналогии. Наконец, как бы это удивительно ни звучало, оно присутствует и в математике, в теории графов.

Без сомнения, оно является наилучшим выражением укоренённости общины и её развития во времени и пространстве, а также её стремления к единству с космосом. Это выразилось в громадных каменных постройках (менгиры) людей мегалитической культуры.

С оседлостью, основание постоянного очага стало несомненной победой женщины, чья жизненная функция заключается в обеспечении продолжительности, непрерывности, постоянства, а, следовательно, в кормлении общины или семьи; она поддерживает жизнь. На противоположном полюсе появляется тяга к приключениям, противоречащая оседлости, стремление узнать новые места, других людей, чужеродные обычаи. Это противоречие хорошо олицетворяет пара Одиссея и Пенелопы: Одиссей автономизацию, Пенелопа погружение⁸⁶.

8.3.27. Новое поведение людей по отношению к природе породило множество болезней. Вследствие этого, на уровне представлений, зародилось понятие зла⁸⁷. Не будем забывать, что здоровье ассоциируется с благосостоянием, а болезнь с неблагополучием. Развитие этой идеи будет происходить через войны и пытки, равно как через опыт стихийных бедствий. Зло станет одной из движущих сил познания, наравне с добром, возникшим одновременно. Люди, благодаря устной традиции, знали, что прежде так не было; и это способствовало укоренению идеи о первородном грехе (по крайней мере, на Западе), как о действии повергшим весь наш вид в пучину зла. Миф о первородном грехе стал оправданием для принципа причинности. Следует отметить, что до зарождения медицины существовали различные практики достижения физического равновесия, борьбы с избыточным питанием или утратой единства с космосом, получившие колоссальное развитие: пост, йога, тайцзицюань и т.д., не забывая о массаже, чьи корни уходят глубоко в историю.

8.3.28. Земледельческие народы реорганизовали все представления для оправдания своей практики и демонстрации своего превосходства по отношению не только к другим живым существам, но и к своим предшественникам, охотникам, или к своим современникам, продолжающим придерживаться практики охоты. Охота стала одной из причин появления Homo sapiens, потому что привела человека к опосредованной практике и заставила его основать общину, зависящую от данной практики. Это вызвало потребность в расширении процессов познания для оптимального позиционирования вида во внешнем мире и оправдания его поведения. С земледелием вид достиг зрелости, нарушение единства с природой углубилось, вмешательство человеческого вида в окружающую действительность усилилось. Но это разделение принесло с собой вечное беспокойство, неуверенность в собственном существовании⁸⁸, которое смог развеять

⁸⁶ В этом очарование «Одиссеи», содержащей в себе, как продемонстрировали Адорно и Хоркхаймер, первые зёрна просвещения («Диалектика просвещения»). Пока один мир утрачивается, происходит укоренение в новом.

⁸⁷ Именно здесь лежат корни знаменитого дуализма, получившего чрезвычайно важное развитие в Иране. Добро и зло стали автономными данностями, которые нельзя сравнивать с началами Инь и Янь у китайцев. У последних дуализм не претерпел автономизации.

⁸⁸ Мы неоднократно цитировали книгу «*Monde magique*» Э. Де Мартино, в которой исследования магии в примитивных обществах привели к «открытию кризиса присутствия, как риска, что на деле мы не существуем». В другой своей книге «*Mort et lamentation funèbre rituelle*», он исследует потребность, появляющуюся со смертью дорогого существа «в полноте боли и тем более насущной, чем ближе мы к отчаянию [...] избежать ещё более невосполнимой и роковой утраты, а именно утраты самих себя в трауре. Риск, что мы не сможем пережить такую ситуацию, что мы застрянем в ней, без возможности выбора, в качестве пленников паразитического воображения, подразумевает вторую, окончательную смерть, которую несёт с собой траур...» (стр. 15).

только процесс познания, необходимый также для оправдания различных зарождавшихся практик, таких как формирование государства.

Тот факт, что мать-земля становится, под именем природы, движущей силой познания свидетельствует одновременно о нарушении единства и о стремлении к его восстановлению. Важно отметить, что эта драма разыгрывается (по крайней мере, на Западе) в моменты кризиса, в моменты углубления отчуждения: например, у софистов в ходе зарождения древнегреческого полиса, в меркантильной форме на раннем этапе установления капитализма, наряду с расцветом индивидуализма, сметающего перед собой все преграды, начиная с XVI^о века, в эпоху развития капитализма в промышленном масштабе, в конце XVIII^о века ещё более радикально расчищавшего жизненное пространство перед собой, потому что развитие капитала было бы невозможным без полного отрыва человека от земли и от его собственных средств производства.

В настоящее время гораздо чаще говорят о биосфере, чем о природе, потому что этот научный термин позволяет замалчивать произведённые разрушения и вызывает иллюзию, что мы способны их исправить (в рамках существующего общества), в то время как практически все игнорируют безвозвратное уничтожение почвы, как основы для любой растительности, а, следовательно, для любой жизни, в её едином и нарушенном измерении.

Эта концепция также служит формализации экономического порядка, в котором задействованы иные концепции, такие как производительность и доходность.

8.3.29. В течение нескольких столетий, земледелие распространилось почти по всей планете, несмотря на частые случаи сопротивления⁸⁹. Для его развития потребовалось внешнее влияние. То же самое касается, в некоторых случаях, скотоводства. В Англии и, особенно, в Испании высокой стадии развития достигло овцеводство, связанное с развитием текстильных тканей, широко распространившихся в конце Средних Веков вместе со стремительной экспансией меркантилизма. В том, что касается земледелия самого по себе, то главными героями аграрной революции XVIII^о века, открывшей дорогу для установления господства капитала, были отнюдь не крестьяне. Они слишком хорошо осознавали хрупкое равновесие, достигнутое с природой, для того чтобы нарушать сложившийся уклад. Этот феномен повторялся в разных местах, вплоть до наших дней⁹⁰.

⁸⁹ Австралия представляет собой исключительный случай в том смысле, что данный континент обладает особенностями, не сводящимися к одному лишь к отсутствию земледелия. На деле, австралийские аборигены не знакомы ни с охотой на крупную дичь, ни с луком, ни со стрелой, ни с ловушками.

Все эти факты, взятые вместе, необходимо рассматривать с учётом не столько географических, сколько экологических условий Австралии.

Кроме того, австралийские общины, возможно, открыли совершенно иной путь развития, отличный от всех остальных народов, как это можно констатировать по их оригинальным отношениям между полами. Их община характеризуется разделением без автономизации, у каждого из полов своя культура, в то время, как их союз возможно благодаря определённым практикам, без которых жизненный процесс был бы невозможен.

В этом отношении нам представляется важным вклад книги Дианы Белл, «*Daughters of the Dreaming*», изд. McPhee Gribble, G. Allen Unwin), потому что в нём приводится весьма сложная система представлений австралийских женщин, в частности знаменитая концепция «Джукуррпа» (закон времени сновидения), ранее считавшееся достоянием мужчин. Данная ошибка связана со сбором информации мужчинами от других мужчин. Знания, обретенные женщинами, могли быть переданы только инициированным женщинам, причём только женщины определённого возраста могли быть допущены к определённым секретам. Семейный статус также имел значение. Вот почему Диана Белл, будучи матерью двоих детей (путешествовавших вместе с ней) – то есть достигнув определённого возраста, требующегося для понимания определённых фактов реальности – смогла получить основополагающие указания о сложной системе представлений австралийских женщин.

⁹⁰ Крестьяне в итоге сформировали нечто вроде особого народа, тесно связанного с окружающей средой и сохранившего старые представления, зачастую сведённые к предрассудкам, но передающие осознание опасности нарушения природного равновесия (к тому же её движущие силы были плохо известны, и остаются

Благодаря распространению земледелия земельный вопрос приобрёл первостепенное значение, сначала для буржуазии, особенно в странах, где потрясения, произведённые капиталом в торговой форме, не были столь глубокими, как во Франции для Кенэ и физиократов, затем у коммунистических революционеров, таких как Маркс, Ленин, Бордига. Для них (в первую очередь для первого и последнего), суть становления вида заключалась в реализации новых отношений с природой⁹¹.

Кроме того, из-за роста народонаселения, очень отчётливо проявившемся уже в конце XVIII^о века в Европе, рассуждения о земельном вопросе привели Мальтуса к знаменитому закону о народонаселении, ставшему, в целом, одним из первых законов экологии, зародившейся в свою очередь лишь в 1865-м⁹².

В настоящее время проявляется тенденция к стиранию различий между скотоводством и земледелием. Фактически, о разведении растений всё больше говорят в терминах животноводства, их разводят без привязки к почве. Разведение животных в наше время

такowymi по сей день). Они становились всё более реакционным классом по мере развития западной цивилизации (враждебность к городу, равным образом присутствующая, например, в Китае), повинной в разрыве с природой.

⁹¹ «Коммунизм – это познание потенциала бытия человеческого вида». Этот потенциал бытия подразумевал, для Бордиги, возрождение природы.

Данное утверждение отталкивалось от данности вида *Homo sapiens*. Говоря о познании, в данном конкретном случае, мы говорим о разрыве, который невозможно преодолеть кроме как через опосредованность. Стновление к будущей общности женщин и мужчин должно выражаться в непосредственной реальности.

⁹² Успех экологии в 1970-х стал триумфом практики заклинания. Пока нависший над нами апокалипсис ещё не реализован, его можно отодвигать в сторону.

Нынешнее становление человеческого вида одновременно подтверждает и отвергает Мальтуса. Подтверждает в том, что в мире произошёл колоссальный демографический рост, но отвергает в том, что мировое население прокормить оказалось всё-таки возможно. На деле – здесь мы просто остаёмся на уровне предположений – земля может прокормить, согласно Колину Кларку, до 40 миллиардов человек в режиме смешанной диеты (из мяса и овощей) и 140 миллиардов в веганском режиме. П. Дювиньо, («*La synthèse écologique*», изд. Doïn, стр. 242-243), демонстрирует, что его утверждения не безосновательны, он считает, что, благодаря научному прогрессу, станет возможным обеспечение пропитания и сосуществования для миллиардов, без необходимости в какой-либо трансформации «в гигантском муравейнике автоматов без души, тех самых шести миллиардов насекомых Фабр-Люса» (стр. 245).

В этой фразе также проявляется динамика заклинания и страх превратиться в животное! Кроме того, экологический дискурс проливает свет на человеческий солипсизм и презрение к другим видам. Значение имеет лишь бездумный рост вида *Homo sapiens*, не заботящегося о вызванном им исчезновении миллионов видов. В данном смысле утрачивают смысл дебаты между сторонниками Мальтуса и Маркса, потому что рост аграрного производства, связанный с демографическим ростом, уже вполне очевиден. Ещё один аспект, знание о возможностях обеспечения пропитания (всё ли человечество может получить доступ к пропитанию?), также утрачивает свой смысл, потому что процесс распределения всегда был неравномерным и включал в себя значительную долю нищеты, проблема дифференциации и власти распространяется с обеспечения еды на другие виды деятельности. Тем не менее, ясно, что и в этом вопросе Маркс был абсолютно прав. В конечном итоге, ни им самим, ни Мальтусом не был затронут вопрос, который мы считаем основополагающим: может ли рост *Homo sapiens* обходиться без ущерба другим видам? Не вызовет ли он неизбежную реакцию всего живого мира на представляемую им экзистенциальную угрозу?

Наконец, некоторые учёные считают данный рост схожим с процессами позднего палеолита; другие – с неолитом. Оба утверждения могут и не противоречить друг другу: 1-й случай роста был основан на динамике экспансии: вид распространялся по всей территории земного шара; причём в начале этапа интенсификации, общины были уже очень близки друг к другу, что могло породить процесс смешения, вступивший в зрелую пору на этапе охоты на крупную дичь. 2-й случай роста был напрямую связан с динамикой интенсификации. Он затронул сами общины, которым теперь приходилось решать задачи не только пропитания, но и мирного сосуществования увеличившегося населения. Это безусловно стало одной из причин демографического взрыва в эпоху неолита. В настоящее время, наш вид сталкивается с теми же проблемами в невероятно обострившейся форме. Мы вновь приближаемся к концу определённого цикла.

производится на животноводческих предприятиях (фермы), в различных видах строений, в то время как самые прогрессивные способы разведения растений осуществляются в теплицах. В этом особенно ярко проявляется динамика становления в отрыве от природы и возведение техник вмешательства в принцип.

Благодаря этому достигается прирост продукции при одновременном сокращении численности рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве – благодаря вездесущим процессам механизации и автоматизации. Этим, в числе прочего, объясняется интенсивная урбанизация в планетарном масштабе.

В результате наступает конец культуры – чьи рудименты появились вместе с охотой и достигли полного развития в эпоху земледелия – в частности, из-за исчезновения её собственных предпосылок, таких как традиционное земледелие, по сути являющееся культурой почвы, которую сменяет практика лабораторного разведения в пробирке. Соответственно, земля исчезает, как древнейший ориентир, и отныне один лишь процесс научного познания способен заменить её в представлениях людей о своей собственной практике. Это автономизация тавтологии на деле.

Скотоводство и земледелие стали стихийными бедствиями для окружающего мира. Они его разрушили. Значит, необходимо задуматься о том, как от них избавиться (в случае со скотоводством это вполне очевидно, т.к. у человека отсутствует потребность в еде животного происхождения). Эта цель может быть достигнута только через сокращение народонаселения и возрождение природы. В промежуточный период (который может продлиться несколько тысяч лет) между таким возрождением и нынешней ситуацией, могут быть использованы новые высокопроизводительные методы, не требующие обширных пространств, позволяющие обеспечить пропитание для людей и восстановление почвы, на которой может вновь появиться настоящая растительность в исконных масштабах, пригодная для пропитания различных видов животного мира, включая *Homo sapiens* и тот вид, который его сменит.

С закатом земледелия внезапно утрачивает своё значение идея плодородия, при одновременной автономизации сексуальности, скрывающей свои подлинные основы и вызывающей путаницу в умах: гетеросексуальность, гомосексуальность, транссексуальность и т.п., притом, что всё более приемлемой становится её реализация на расстоянии – с упразднением прикосновения – благодаря информатике (ср. минитель). Любовь может превратиться в информацию: это будет триумф коммуникаций по Маклюэну. Но, что важнее в конечном итоге, эта бестелесная любовь ознаменует собой абсолютный триумф автономизации представлений и профанации мистических поисков цели.

Процесс расслоения станет очевидным на всех уровнях. Последовательность можно будет обрести только в процессе познания⁹³. Но и он, как мы увидим, начнёт претерпевать расслоение. Вот почему возникает настоятельная потребность в возникновении вида *Homo Gemeinwesen*.

Invariance, IV серия, n° 3 - май 1987 г.

⁹³ В действительности, речь идёт не о едином процессе, поскольку он фрагментарен и осуществляется в различных слоях общества. Единственным единым процессом остаётся реклама.